МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 12 (79)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2011

Основан в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ 29.11.2005, регистрационный номер ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу Пресса России и интернет-каталогу «Российская периодика»
www.arpk.org: 82102.
Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web**: www.journal.chitgu.ru**

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЧитГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, редакция журнала «Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ
теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Резник Ю.Н. – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета (Вестник ЧитГУ) № 12 (79). – Чита: ЧитГУ, 2011. – 155 с.
Chita State University Journal. № 12 (79). – Chita St. Univ. Pr. 2011.

© Читинский государственный университет, 2011

Экономические науки

УДК 332.14

Гонин
Валерий Николаевич
Valeriy Gonin

Малышев
Евгений Анатольевич
Evgeniy Malishev

Кашурников
Александр Николаевич
Alexander Kashurnikov

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

COMPETITIVENESS INCREASE OF THE TRANSBAIKAL REGION IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Показано, что внедрение инноваций в экономику регионов тесно связано с вопросами оценки инновационного потенциала. Рассмотрены составляющие эффективности инновационного потенциала. Проведён анализ эффективности показателей инновационного развития предприятий Забайкальского края

Ключевые слова: *инновация, эффективность инновационного потенциала*

It is shown that introduction of innovations in economy is closely related to the issues of innovative potential evaluation. The components of innovative potential effectiveness are described as well. An analysis of effectiveness of innovative development indicators of the Zabaikalie Territory's enterprises is given

Key words: *innovation, innovative potential effectiveness*

Основой успешного развития, функционирования и конкурентоспособности любой экономической системы в долгосрочной перспективе является эффективная инновационная деятельность. Для осуществления инновационной деятельности регионы должны обладать достаточной величиной инновационного потенциала.

Понятие «инновационный потенциал региона» может рассматриваться как совокупность научного, кадрового, технического, финансово-экономического потенциалов и информационно-коммуникационной составляющей, обеспечивающая инновационную деятельность и определяющая конкурентоспособность экономики региона. Следовательно, инновационный потенциал – это характеристика способности системы к изменению, улучшению, прогрессу.

Структуру инновационного потенциала региона можно представить через совокупность ресурсной, внутренней и результативной составляющих, которые со-

существуют взаимно, предполагают и обуславливают друг друга.

Ресурсная составляющая инновационного потенциала является основой для его формирования. Она включает следующие ресурсы:

– материально-технические;
– информационные;
– финансовые;
– человеческие.

Результативная составляющая выступает как следствие реализации конечных возможностей (в виде нового продукта, полученного в процессе инновационной деятельности).

Внутренняя составляющая характеризует возможность целенаправленного осуществления инновационной деятельности, т.е. определяет способность системы на принципах коммерческой результативности привлекать ресурсы для инициирования, создания и распространения различного рода новшеств.

В качестве конкретной экономической реализации инновационного потенциала выступают инновационные проекты. Применительно к инновационным проектам выделяются следующие направления их эффективности (рис. 1).

Рис. 1. Направления эффективности инновационного проекта

Для определения уровня инновационного потенциала необходимо учитывать комплекс показателей научно-технической деятельности в регионе, а именно: число организаций, выполняющих научные разработки, численность исследователей, число промышленных предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, число созданных образцов новых машин, внутренние текущие затраты на исследования, объем инвестиций на науку. Очевидно, что оценка инновационного потенциала региона необходима для выбора стратегии развития территорий, принятия оперативных решений.

На рис. 2 представлены следующие обобщенные показатели для оценки инновационного потенциала.

Рис. 2. Структура инновационного потенциала региона и обобщенные показатели для его оценки

Исследование показателей инновационного потенциала и инвестиционного климата регионов необходимо для выработки обоснованной социально-экономической, инновационной, инвестиционной, региональной и градостроительной политики, определения совокупности мер и действий республиканских и местных органов, направленных на регулирование процессов как развития инновационной сферы, так и развития населенных пунктов и регионов.

В рамках разработки стратегии социально-экономического развития Забайкальского края необходимо изучить его инновационный климат. Исследование рекомендуется проводить в два этапа.

1 этап. Сравнительная оценка Забайкальского края с другими субъектами федерации, входящими в Сибирский федеральный округ.

2 этап. Оценка наиболее вероятных субъектов реализации инновационного потенциала региона на перспективных и значимых для него направлениях:

– интеллектуального потенциала академий и вузов;

– потенциала научных организаций;

– инновационного потенциала промышленных предприятий.

Следующим этапом в оценке инновационного потенциала Забайкальского края является определение интеллектуального и инновационного потенциала высших учебных заведений, научно-исследовательских

институтов и предприятий.

За последнее время в Забайкальском крае были сделаны следующие шаги для развития научного и инновационного потенциала региона. В целях законодательного регулирования отношений по формированию и реализации инновационной деятельности Законодательным Собранием Забайкальского края принят Закон Забайкальского края «Об инновационной деятельности в Забайкальском крае», определяющий правовые, организационные и экономические основы инновационной деятельности в регионе. Созданы и функционируют региональные институты развития: Фонд поддержки малого предпринимательства Забайкальского края, ООО «Гарантийный фонд Забайкальского края», Забайкальский бизнес-инкубатор, ООО «Агинский региональный бизнес-инкубатор», ОАО «Фонд инвестиционного развития Забайкальского края», Региональная лизинговая компания «Агинский центр делового развития», ООО «Забайкальский центр трансферта технологий».

Одним из важнейших направлений по развитию инновационной деятельности в крае является организация взаимодействия представителей реального сектора экономики Забайкальского края с ведущими научными учреждениями по разработке и внедрению современных инновационных проектов.

В настоящее время научно-инновационный потенциал Забайкальского края представлен академическими и вузовскими учреждениями.

Таблица 1

Численность организаций, занимающихся инновационной деятельностью

Наименование показателя	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число организаций, занимавшихся инновационной деятельностью, единиц, всего	12	16	11	14	13	20	14	17	14
в том числе: научно-исследовательские организации	6	6	6	5	5	5	5	4	4
проектные организации	1	1	1	1	1	2	–	–	–
высшие учебные заведения	2	2	2	2	2	2	2	2	2
прочие	3	7	2	6	5	11	7	11	8
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, человек	775	840	823	779	509	610	520	512	336

В 2009 г. численность организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, снизилась на 17,6 %, а численность работников этих организаций уменьшилась на 34,4 % по сравнению с предыдущим периодом.

Забайкальский край относится к регионам с умеренной инновационной активностью. Согласно рейтингу национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий НАИРИТ, в 2010 г. Забайкальский край занял 64 место из 83 регионов и по сравнению с предыдущим годом поднялся на четыре пункта (в 2009 г. он занимал 68 место). По оценке данной ассоциации, индекс инновационной активности края составляет 0,01006.

В Забайкальском крае лишь 14 предприятий можно считать инновационно-активными. Но и они используют лишь четыре передовых производственных технологии.

Таблица 2

Объем инновационных товаров, работ, услуг

	2005	2006	2007	2008	2009
Объем инновационных товаров, работ, услуг,					
млн руб.	367,9	242,3	915,4	644,2	496,9
в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	1,5	0,8	2,8	1,6	1,1
в том числе: продукция, подвергшаяся значительным технологическим изменениям или вновь внедренная, млн руб.	367,5	152,4	66,5	515,9	223,4
продукция, подвергшаяся усовершенствованию, млн руб.	0,4	0,3	0,9	3,8	173,0
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, %	5,9	8,5	6	5,5	4,4

Как отмечает Росстат, в 2009 г. в Забайкальском крае было произведено инновационных товаров, работ и услуг на сумму 496,9 млн руб. Доля инновационных товаров, работ и услуг по обследуемым организациям в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг в 2009 г. составила 1,1 %. В общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг около 45 % составляет продукция, вновь внедренная или подвергавшаяся значительным технологическим изменениям.

Инновационной деятельностью в Забайкальском крае в 2009 г. занимались 4,4 % обследованных организаций. Уровень инновационной активности организаций, осуществлявших технологические инновации, составил 3,4 %, маркетинговые – 0,6 %, организационные – 1,9 %.

Таблица 3

Затраты на технологические инновации по источникам финансирования, млн руб.

	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	430,1	292,9	103,7	49,1	61,3
в том числе:					
собственные средства организации	172,1	56,1	73,6	49,1	49,6
средства федерального бюджета	23,3	-	0,1	-	7,8
средства бюджета субъектов РФ и местного бюджета	10,7	22,7	-	-	3,2
прочие	224,0	213,9	30,0	-	0,7

Затраты на технологические инновации в 2009 г. составили 61,3 млн руб. и повысились в сопоставимых ценах по сравнению с 2008 г. на 24,85 %.

Основным источником финансирования инновационной деятельности по-прежнему остается самофинансирование. В 2009 г. за счет собственных средств организаций было профинансировано 80,9 % всех затрат на технологические инновации. Средства федерального бюджета в общей сумме затрат на технологические инновации составляют 12,7 %. Средства бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов незначительны — 5,2 % от всех затрат на инновационную деятельность.

Таблица 4

Затраты на технологические инновации по видам инновационной деятельности, млн руб.

	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	430,1	292,9	103,7	49,1	61,3
в том числе:					
исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства	176,9	171,6	17,7	4,3	0,3
производственное проектирование, дизайн и другие разработки новых продуктов, услуг и методов их производства	–	37,5	0,3	7,7	14,7
приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями	192,3	65,2	67,2	34,4	37,1
приобретение новых технологий	0,3	14,5	–	–	0,2
приобретение программных средств	–	0,4	0,1	2,1	1,1
обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями	1,4	0,4	0,1	0,6	0,1
прочие	59,2	3,3	18,3	–	7,8

В 2009 г. в структуре затрат на технологические инновации 60,5 % приходится на приобретение машин и оборудования, а доля затрат на исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи) составляет лишь 0,5 %.

В 2009 г. структура затрат на технологические (продуктовые, процессные) инновации несколько изменилась по сравнению с 2008 г. По таким видам затрат, как приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, отмечается рост на 7,8 процентных пункта, на исследования и разработку новых продуктов, работ, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов – снижение на 93 процентных пункта.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что в инновационной сфере Забайкальского края существует ряд проблем, препятствующих инновационному развитию и активизации инновационной деятельности производственных предприятий, а также научно-образовательных учреждений. Анализ показывает, что наибольшие трудности в осуществлении инновационной деятельности в организациях связаны с экономическими факторами. К числу наиболее весомых экономических факторов относится высокая стоимость нововведений, недостаток собственных денежных средств, недостаток финансовой поддержки со стороны государства, высокий экономический риск.

Одним из важнейших условий перехода к инновационной экономике и активного вовлечения бизнеса в этот процесс является формирование современного конкурентного рынка инноваций – единого информационного и торгового пространства, объединяющего всех участников инновационного процесса. Такой рынок должен основываться на современных информационных технологиях и работать на принципах прозрачности доступа и равных конкурентных возможностей для всех участников.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 818-822.

2. Программа научного и технологического обеспечения социально-экономического развития Забайкальского края.

3. Программа социально-экономического развития Забайкальского края на 2010-2014 гг.

4. Отчет о результатах деятельности Правительства Забайкальского края за 2010 год.

5. Гонин В.Н., Кашурников А.Н. Показатели инновационного потенциала регионов с точки зрения конкурентоспособности // Межрегиональная заочная научно-практическая конференция

«Управление экономическими системами». – Чита: ЧитГУ, 2010. – С. 75-79.

6. Кокурин Д.И. Инновационная деятельность. – М.: Экзамен, 2006.

7. Малышев Е.Е., Афанасьева А.В. Развитие топливно-энергетического комплекса Забайкальского края как основа обеспечения энергетической безопасности и развития экономики региона // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 3 (60). – С. 3-7.

8. Малышев Е.А., Сокол-Номоконов Э.Н., Сокол-Номоконов В.Э. Планирование и прогнозирование развития региональных энергетических систем: формирование вертикально-интегрированных территориально-отраслевых комплексов планирования и управления развитием региональных энергетических систем: монография. Ч. III. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 133 с.

9. Малышев Е.А. Применение методов прогнозирования и планирования в энергетической отрасли Забайкальского края // Вестник ЧитГУ, 2011. – С. 3-8.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Гонин В.Н., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой экономики и бухгалтерского учета, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
vngonin@mail.ru

Научные интересы: региональная экономика, инновационное развитие, управление инновациями, эффективность инновационной деятельности

Малышев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
eamalyshev@mail.ru

Научные интересы: энергетика, менеджмент, бизнес-планирование, маркетинг, финансовый менеджмент, экономика

Кашурников А.Н., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Kashurnikov_AN@e-sbyt.ru

Научные интересы: региональная экономика, инновационное развитие, управление инновациями, эффективность инновационной деятельности

V. Gonin, candidate of Economical Sciences, associated professor, Zabaikalsky State University

Scientific interests: regional economics, innovative development, managing of innovations, efficiency of innovative activity

E. Malishev, Candidate of Technical Sciences, associate professor, prorector on science and innovative work, Zabaikalsky State University

Scientific interests: energetics, management, business-planning, marketing, financial management, economics

A. Kashurnikov, post-graduate student, Zabaikalsky State University

Scientific interests: regional economics, innovative development, managing of innovations, efficiency of innovative activity

УДК 336.15

Ткачева Татьяна Юрьевна
Tatiana Tkatcheva

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ НАЛОГОВОЙ АВТОНОМИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF WIDENING THE TAX AUTONOMY OF LOCAL AUTHORITIES

Проанализированы налоговые доходы местных бюджетов. Сформулированы предложения по расширению налоговой автономии органов местного самоуправления

In the article tax revenues of local budgets are analyzed. Proposals to widen the tax autonomy of local authorities are represented

Ключевые слова: *местное самоуправление, налоговые доходы, земельный налог, налог на имущество физических лиц, налоговое администрирование, оптимизация налоговых льгот*

Key words: *local self-government. Tax revenue land tax, property tax levied from natural persons, tax administration, and optimization of tax benefits*

Успешное развитие межбюджетных отношений в РФ зависит от возможности проводить на уровне субъект РФ – муниципальное образование самостоятельную бюджетно-налоговую политику в рамках законодательно установленного разграничения полномочий и ответственности между органами власти разного уровня.

Для повышения роли местного самоуправления в решении вопросов местного значения и осуществления отдельных государственных полномочий необходимо дальнейшее совершенствование основ местного самоуправления и межбюджетных отношений.

Главной составляющей финансов муниципального образования является муниципальный бюджет. Его средства – важнейший источник финансирования местных потребностей развития территориальной инфраструктуры. Муниципальный бюджет служит инструментом воздействия местных властей на масштабы производства и потребления на данной территории. Местные бюджеты играют все более возрастающую роль в реализации экономической и социальной политики государства. Их величина и степень сбалансированности во многом определяют перспективы социально-экономического развития территорий.

Муниципальные образования испытывают существенные затруднения в перспективах осуществления и, тем более, расширения бюджетной самостоятельности, что подрывает реальную финансовую основу органов местного самоуправления.

Наличие указанных проблем связано не только с несовершенством действующего механизма функционирования межбюджетных отношений, но и с рядом объективных причин, таких как существенная дифференциация уровней налогового потенциала и состояния социальной сферы субъектов РФ. В этой связи совершенствование механизма финансового обеспечения органов местного самоуправления является актуальным и приоритетным во всей совокупности проблем современной экономической науки.

Современную правовую основу формирования доходов местных бюджетов составляют общепризнанные принципы и нормы

международного права; международные договоры РФ; Конституция Российской Федерации; Бюджетный кодекс РФ; Налоговый кодекс РФ; Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, иные Федеральные законы и издаваемые в соответствии с ними подзаконные акты; нормативно-правовые акты субъектов РФ и органов местного самоуправления [1; 2].

Начиная с 2003 г., в Российской Федерации приняты и начали действовать системообразующие федеральные законы, регулирующие отношения в сфере разграничения полномочий. В частности, были приняты Закон РФ от 04.07.2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», Закон РФ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3; 4].

Эти законы предоставили новые возможности для принятия и оформления законодателем решений о том или ином распределении прав, обязанностей и ответственности между федеральными органами, органами государственной власти субъекта РФ, представительными органами муниципальных образований в конкретных отраслях хозяйства и управления. «Задействован механизм, использование которого в целях разграничения полномочий – не право, а обязанность нормотворческих органов всех уровней» [7; С. 6].

По данным Федеральной службы государственной статистики на 01.01.2011 г., в Российской Федерации функционируют 24120 муниципальных образований, что вдвое больше по сравнению с 2005 г. В 2005-2008 гг. наиболее активное и многократное увеличение численности наблюдалось среди городских и сельских поселений (с 9232 в 2005 г. до 21866 в 2008 г.) [8].

В 37 субъектах Российской Федерации удельный вес налоговых доходов в общем объеме собственных доходов превысил указанное среднее значение, в 46 субъектах Российской Федерации – ниже среднего уровня по Российской Федерации.

Максимальное и минимальное значения указанного показателя в разрезе субъектов Российской Федерации приведены в табл. 1.

Таблица 1

Удельный вес налоговых доходов в общем объеме собственных доходов местных бюджетов в 2009 г.

Субъекты РФ с наибольшим удельным весом налоговых доходов в собственных доходах	%	Субъекты РФ с наименьшим удельным весом налоговых доходов в собственных доходах	%
Липецкая область	60,1	Ненецкий автономный округ	13,0
Самарская область	56,8	Республика Тыва	20,0
Московская область	55,4	Республика Саха (Якутия)	20,6
Калужская область	55,4	Республика Дагестан	20,8
Тульская область	55,3	Чукотский автономный округ	23,0
Краснодарский край	53,2	Сахалинская область	23,7
Волгоградская область	52,6	Амурская область	24,8
Приморский край	52,1	Тюменская область	25,1

Источник: данные Минфина РФ [6]

В связи со значительной дифференциацией социально-экономического развития муниципалитетов распределение налоговых доходов по типам муниципальных образований осуществляется крайне неравномерно: в бюджетах городских округов аккумулируется 63,5 % (457 млрд руб.) налоговых доходов, в бюджетах муниципальных районов – 26,5 % (190,7 млрд руб.) и лишь 10,0 % (72,1 млрд руб.) – в бюджетах поселений.

Анализ налоговых поступлений показал, что основным бюджетообразующим налогом в 2009 г. продолжает оставаться налог на доходы физических лиц, удельный вес которого составляет 68,7 %, или 494,6 млрд руб. (в 2008 г. – 68,6 %, или 494,1 млрд руб.). Этому способствовало выполнение всеми регионами обязанности по передаче в местные бюджеты в соответствии с п. 3 ст. 58 Бюджетного кодекса Российской Федерации единые и (или) дополнительные нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц, исходя из зачисления в местные бюджеты не менее 10 % налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации [2; С. 36]. В 2009 г. дополнительные поступления в местные бюджеты налога на доходы физических лиц в порядке исполнения указанной нормы оцениваются в 118,7 млрд руб., или 24,0 % от общей суммы поступления налога на доходы физических лиц в 2009 г.

В рамках установленных Бюджетным кодексом Российской Федерации региональных полномочий по межбюджетному регулированию применяется практика дополнительного закрепления субъектами Российской Федерации за местными бюджетами не только отчислений от региональных налогов и налога на доходы физических лиц, но и от других федеральных и региональных налогов, налоговая база которых зависит от результатов деятельности и стоимости имущества предприятий и организаций, расположенных на территории муниципальных образований, то есть уровня их социально-экономического развития. Количество субъектов Российской Федерации, воспользовавшихся данным правом в 2009 г., увеличилось с 54 в 2008 г. до 59 в 2009 г.

Из двух действующих местных налогов ведущая роль в формировании доходов местных бюджетов принадлежит земельному. На протяжении 2008-2010 гг. его доля оставалась стабильной – порядка 90 % от общего объема местных налогов. Однако относительно общего уровня доходов поступления по земельному налогу составляют мизерную долю – около 3 % [7].

Оценим роль земельного налога в формировании доходов местных бюджетов разных типов, опираясь на данные табл. 2.

Таблица 2

Доля земельного налога в бюджетах муниципальных образований разных типов в 2009-2010 гг., %

Показатель	2009 г.			2010 г.		
	Бюджеты городских округов	Бюджеты муниципальных районов	Бюджеты поселений	Бюджеты городских округов	Бюджеты муниципальных районов	Бюджеты поселений
Доля в общем объеме налога	63,0	20,4	16,6	70,4	13,6	16,0
Доля в местных налогах, поступающих в доходы бюджета указанного типа	89,9	90,7	87,6	91,1	91,6	86,4
Доля в налоговых доходах бюджета указанного типа	9,2	5,4	32,2	12,0	5,0	32,4
Доля в объеме действительно собственных доходов бюджета указанного типа	6,5	4,2	21,5	8,3	3,7	23,1
Доля в общем объеме доходов бюджета указанного типа	3,6	1,2	7,5	4,7	1,0	8,3

Примечание: расчеты автора

Анализ данных, представленных в табл. 2, показывает, что для бюджетов муниципальных образований земельный налог играет ключевую роль в составе мес-

тных налогов, формируя их на 90 %. При этом более половины всех поступлений по земельному налогу концентрируется в составе налоговых доходов бюджетов городских округов. В течение 2010 г. наблюдается рост указанных поступлений за счет снижения доли земельного налога в доходах муниципальных районов.

Минимальный объем доходов – порядка 16 % получают за счет земельного налога бюджеты поселений. Однако именно для бюджетов поселений земельный налог является вторым по значимости, формируя треть всех налоговых доходов бюджетов указанного типа, в то время как для бюджетов городских округов и муниципальных районов этот показатель составляет около 10 и 5 % соответственно.

Таким образом, можно говорить о происходящем смещении налоговой базы по земельному налогу, в первую очередь, в пользу бюджетов городских округов. Сами объемы поступлений по земельному налогу невелики, что является общей проблемой местных бюджетов всех типов.

Главной причиной сложившейся ситуации является переход на новую, еще не до конца выстроенную систему исчисления земельного налога, основанную на кадастровой стоимости земельных участков. В частности, не завершены работы, особенно в сельской местности, по межеванию земельных участков, находящихся в общедолевой собственности, оформлению в собственность и аренду всех земельных участков.

Второй местный налог – налог на имущество физических лиц приносит, согласно информации Минфина РФ, в доходы местных бюджетов наименьший доход – менее 0,5 % относительно общего объема поступивших доходов [6].

Проанализируем практику поступления указанного налога в бюджеты муниципальных образований разных типов, используя данные табл. 3.

Таблица 3

Доля налога на имущество физических лиц в бюджетах муниципальных образований разных типов в 2009-2010 гг., %

Показатель	2009 г.			2010 г.		
	Бюджеты городских округов	Бюджеты муниципальных районов	Бюджеты поселений	Бюджеты городских округов	Бюджеты муниципальных районов	Бюджеты поселений
Доля в общем объеме налога	61,4	18,2	20,4	64,7	11,8	23,5
Доля в местных налогах, поступающих в доходы бюджета указанного типа	10,1	9,3	12,4	8,9	13,6	13,6
Доля в налоговых доходах бюджета указанного типа	1,0	0,6	4,6	1,2	0,9	5,1
Доля в объеме действительно собственных доходов бюджета указанного типа	0,7	0,4	3,0	0,8	0,7	3,6
Доля в общем объеме доходов бюджета указанного типа	0,4	0,1	1,1	0,5	0,2	1,3

Как и в случае с земельным налогом, наибольший объем (более 60 % поступлений по налогу на имущество физических лиц) зачисляется в бюджеты городских округов. Остальная сумма в 2009 г. распределена между бюджетами муниципальных районов и поселений примерно в равных пропорциях, в 2010 г. наблюдалось смещение в пользу бюджетов поселений.

Доля налога на имущество физических лиц в структуре местных налогов примерно одинакова для местных бюджетов всех типов и находится в границах 9...13 %. При этом в бюджетах поселений рассматриваемый налог формирует порядка 5 % налоговых доходов, в то время как его вклад в налоговые доходы городских округов и муниципальных районов чуть больше 1 % [6].

Незначительность объемов аккумуляции налога на имущество физических лиц, как и в случае с земельным налогом, в значительной степени связана с несовершенством самого механизма взимания данного налога.

Наличие регулирующих и собственных налогов в местных бюджетах, их качественные характеристики непосредственно определяют величину налогового потенциала муниципального образования. В современных условиях именно налоговая составляющая доходов местных бюджетов во многом определяет финансовую независимость местных бюджетов.

По мнению автора, основными направлениями совершенствования налоговой автономии органов местного самоуправления являются:

– внесение изменений в законодательство о налогах и сборах по местным налогам;

– изменение порядка распределения налогов между уровнями бюджетной системы и условий взимания отдельных налогов, поступающих в региональные и местные бюджеты;

– повышение эффективности налогового администрирования местных налогов.

Рассмотрим некоторые направления увеличения налогооблагаемой базы по тем налогам, которые в современных условиях являются перспективными источниками формирования доходной части местных бюджетов.

Несмотря на рост платежей земельного налога в местные бюджеты (с 41,7 млрд руб. в 2006 г. до 73,8 млрд руб. в 2008 г.), имеется ряд проблем в порядке налогообложения и администрировании: незавершенность кадастровой оценки земель; противоречивость сведений Росреестра и Роснедвижимости, муниципальных органов власти; отсутствие единой программной базы для учета земель в разных государственных структурах; нецелевое использование земельных участков; получение налогоплательщиками информации о кадастровой стоимости принадлежащих им земельных участков [10].

В 2007-2010 гг. только часть земельных участков полноценно оформлена и внесена в кадастр. И это лишь одна из причин, по которым местные бюджеты в полной мере не получают платежи по земельному налогу. Основная проблема состоит во множестве поставщиков и неоднозначности информации, передаваемой в налоговые органы для определения сумм земельного налога. Часто сведения, которыми располагают Росреестр и Роснедвижимость, не совпадают, а иногда и противоречат друг другу. Отсутствие единой базы для разработки программы по учету земель и начисления земельного налога приводит к весомым потерям местного бюджета. Целесообразно выработать межведомственную программу формирования и обмена сведениями о земельных участках, а также установить жесткий контроль за правильностью их предоставления.

Недостаточными темпами осуществляется межевание, кадастровый учет земель и подготовка соглашений и договоров аренды. Отсутствие зарегистрированных прав общей долевой собственности на земельные участки в Федеральной регистрационной службе препятствует работе налоговых органов, что в конечном итоге приводит к недопоступлению денежных средств в местные бюджеты.

Серьезным препятствием является недостаточность финансирования расходов на проведение работ по оценке стоимости земли объектов недвижимости из местных бюджетов, которые не заинтересованы в финансировании указанных расходов ввиду незначительности поступления средств от взимания земельного налога и налога на имущество физических лиц [5].

По мнению автора, выходом из данной ситуации может послужить принятие федеральной целевой программы по финансированию расходов бюджетов муниципальных образований на осуществление оценки и составление кадастра земель и объектов недвижимости.

Для получения налога на имущество физических лиц в полном объеме органы местного самоуправления должны провес-

ти полную инвентаризацию всех объектов налогообложения, создать реестр объектов налогообложения, определить их собственников. Также резервом увеличения поступлений данного налога является активизация работы органов власти местного самоуправления с налоговыми органами по снижению недоимки.

Российским законодательством не определены сроки, в которые налогоплательщик обязан оформить право собственности на незавершенное индивидуальное строительство. Отсутствие данной нормы приводит к несвоевременному оформлению прав собственности на имущество и снижению налогооблагаемой базы по налогу на имущество физических лиц. По нашему мнению, целесообразно внести изменения в налоговое законодательство, устанавливающее привлечение к ответственности за уклонение от регистрации имущественных прав на объекты недвижимости.

В современных условиях в рамках налогового регулирования целесообразно проводить мониторинг эффективности налоговых льгот.

В рамках реализации Бюджетного послания Президента РФ о бюджетной политике в 2010-2012 гг. для расширения налоговой автономии региональных и местных властей в 2012-2014 гг. будет продолжена работа по оптимизации установленных на федеральном уровне льгот по региональным и местным налогам. На наш взгляд, такая политика является не средством изъятия дополнительных финансовых ресурсов у налогоплательщиков, а в большей степени служит задачам бюджетного федерализма, предоставляя региональным и муниципальным властям более высокую степень налоговой автономии.

Регулярное проведение анализа как востребованности, так и практики администрирования установленных механизмов налогового стимулирования и налоговых льгот является одним из важнейших элементов налогового регулирования, поскольку увеличение количества предоставляемых льгот в отсутствие сведений об их результативности не только приводит к выпадающим доходам бюджетной системы, но и дискредитирует саму идею предоставления налоговых льгот.

Проведение мониторинга востребованности налоговых стимулирующих механизмов возможно на основе отчетности Федеральной налоговой службы РФ, формируемой на базе информации, содержащейся в налоговых декларациях, предоставляемых налогоплательщиками в налоговые органы.

При этом выпадающие доходы от применения целого ряда существенных налоговых преимуществ невозможно оценить на основании данных налоговой отчетности (например, выпадающие доходы от применения специальных налоговых режимов).

По итогам предварительного анализа за 2009 г. общее количество рассматриваемых налоговых стимулирующих механизмов составляет 191 пункт, из них 60 – по налогу на прибыль организаций, 80 – по налогу на добавленную стоимость, 20 – по налогу на имущество, 16 – по земельному налогу, 12 – по налогу на добычу полезных ископаемых и 3 – по сборам за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов [6].

Более 90 % выпадающих доходов составляют потери, связанные с применением налоговых освобождений, обусловленных структурой налогов и использованием общих принципов налогообложения отдельных операций. Другими словами, указанные суммы не могут быть признаны налоговыми расходами бюджетов, направленными на достижение тех или иных целей.

Принятие решений по вопросам сохранения тех или иных льгот необходимо осуществлять по результатам анализа практики их применения и администрирования.

Таким образом, совершенствование налогового администрирования местных налогов рассматривается в качестве приоритетного направления расширения налоговой автономии местных органов власти. С другой стороны, создание современной системы налогового администрирования выступает и как способ устранения административных барьеров, создания максимально комфортных условий для исполнения налогоплательщиком своих обязанностей.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: ч. I и II: [от 26.11.2008 г. № 224-ФЗ] // СПС Консультант-Плюс.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации. – М.: Омега-Л, 2011. – 200 с.

3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ: федер. закон: [от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ] // СПС Консультант-Плюс.

4. Об общих принципах местного самоуправления в РФ: федер. закон: [от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ] // СПС Консультант-Плюс.

5. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www1.minfin.ru/ru/index.php.

6. Информация о результатах мониторинга местных бюджетов Российской Федерации по состоянию на 01.01.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www1.minfin.ru/ru/reforms/local_government/monitoring.

7. Шувалов И.И. Совершенствование законодательства субъектов РФ в связи с реформой федеративных отношений и местного самоуправления // Журнал российского права. – М.: Норма, 2004. – № 9. – С. 3-10.

8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi.

9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.minfin.ru.

10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.nalog.ru.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Ткачева Т.Ю., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой налогообложения и антикризисного управления, ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»
tat-tkacheva@yandex.ru

T. Tkatcheva, Candidate of Economical Sciences, associate professor, head of Taxation and Cri-sis management department

Научные интересы: финансы, денежное обращение и кредит

Scientific interests: finance, money circulation and credit

Философские науки

УДК 130.2

Зимина Надежда Сергеевна
Nadezhda Zimina

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

THE PECULARITIES OF TRANSBORDERING SOCIOCULTURAL SPACE: SCIENTIFIC APPROACH

Статья посвящена проблеме научного осмысления и категориального оформления трансграничного социокультурного пространства. Определены особенности и свойства трансграничья. Проанализированы различные методологические интерпретации границы. Особое внимание уделено антропологическому аспекту трансграничного социокультурного пространства

The article describes the problem of transboundering socio-cultural space's scientific recognition and categorizing. Transboundering particularities and properties are determined here. Methodological interpretation of a border is analyzed. Certain attention is paid to anthropological aspect of transboundering sociocultural space

Ключевые слова: *социокультурное пространство, граница, трансграничное социокультурное пространство*

Key words: *sociocultural space, border, transboundering sociocultural space*

Сложность таких явлений, как социокультурное пространство и трансграничье, обусловливает проблемы их научной рефлексии и порождает множество различных интерпретаций.

В настоящее время в гуманитарных науках постепенно осознается важность пространственного фактора. В социокультурном пространстве обнаруживается неразрывная связь личности, культуры, общества как неразделимых частей. Все более необходимым становится осмысление социокультурного пространства в философском контексте как формы измерения бытия человека как в плане физического существования, так и в духовном аспекте, формирующей и организующей его жизнедеятельность. Методология пространственного исследования культуры и общества основана на положениях культурно-исторической (Ф. Гребнер, В. Шмидт) и антропогеографической (Ф. Ратцель, Л. Фробениус) школы диффузионизма конца XIX – начала XX вв. [1]. Диффузионисты исходят из того, что культурные явления распространяются посредством контактов, столкновений между народами, в результате чего возникает так называемая культурная диффузия – взаимопроникновение культур. Данное научное направление выработало собственные принципы:

– принцип географической определенности при рассмотрении проблемы возникновения конкретных предметов культуры;

– принцип пространственно-временного перемещения отдельных элементов культуры.

П.А. Сорокин в своих исследованиях приходит к выводу о том, что кроме геометрического пространства существует

пространство социальное. В отличие от геометрического пространства, в котором люди находятся вблизи друг от друга, в социальном пространстве люди, физически отдаленные друг от друга, могут быть близки социально [17; С. 297]. Социальное пространство невозможно там, где живет один человек, поскольку определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым в этом случае за «точки отсчета» [17; С. 298].

В.Л. Каганский в исследованиях социокультурного пространства выделяет такие его свойства, как расслоенность и ячеистость [8; С. 284]. Эти свойства обусловлены тем, что оно вмещает в себя пространства нескольких культур. За социокультурным пространством ученый закрепляет понятие «регион». Тогда всякая «отдельность» (составная часть региона) – место, человек, структура – одновременно покрываются множеством разных регионов, размещенных в разных пространствах.

Анализ отечественных и зарубежных работ показал, что исследования социокультурного пространства часто содержат рассмотрение частных, локальных его особенностей. Так, в результате смешения географического, геополитического и геоэкономического положения, исторического и неоднородного социального времени в научном мире говорят о многомерном коммуникационном пространстве с его стратами. Среди множества его типов выделяют и социокультурное.

В.А. Дергачев в своей Теории больших многомерных пространств среди прочих страт (геоэкономическое пространство, социальное пространство, пространство межличностных коммуникаций, социопсихологическое пространство, информационное пространство) выделяет геополитическое пространство (геопространство) [5]. Оно представляет одно из фундаментальных понятий геополитики, которое отражает географическую интерпретацию многомерного коммуникационного пространства, объединяющего политическую, социальную, духовную и экономическую сферу деятельности людей общей панидеей. При этом социокультурное пространство представляет собой вид геопространства [5].

Социокультурное пространство представляет собой форму структурированного бытия, которое антропологично в своем содержании, поскольку является способом существования человека в культуре и социуме. Человек, включенный в социокультурное пространство, получает из него средства к существованию и информацию. Такими средствами выступают ценности, нормы, традиции и др. Использование их в повседневной практике делает пространство способом деятельности человека.

Специфика социокультурного пространства, по мнению Н.И. Лапина, состоит в том, что оно интегрирует в себе три измерения человеческого бытия (тип соотношения человека и общества, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей [13].

Многофункциональное понятие «социокультурность» и связанные с ним категории широко применяются в исследованиях трансформаций социокультурного пространства, базирующихся на ряде принципов:

– человека активного;

– взаимопроникновения культуры и социальности;

– антропосоциетального соответствия;

– социокультурного баланса;

– симметрии и взаимообратимости социетальных процессов;

– необратимости эволюции социокультурной системы как целого [13].

Современный миропорядок в своем анализе требует учета особенностей социокультурной реальности, которая сложна и нестабильна и переживает период поиска новой системы ценностей в условиях глобальных трансформаций [11]. Известно, что функционирование социокультурной

системы связано с двусторонним процессом адаптации человека к законам этой системы, с одной стороны, и системы к потребностям человека, с другой. В этом адаптационном процессе начинает возрастать роль культуры, с помощью которой происходит упорядочивание окружающей реальности и решаются возникающие задачи. В социокультурном пространстве слиты восходящие и нисходящие «токи», а периоды хаоса и кризиса сменяются стабилизацией и гармонией [16; С. 45]. В разные исторические периоды такие тенденции могут быть долгими либо, наоборот, протекать стремительно, как хаос и кризисные состояния стать преобладающими в динамике социокультурных процессов.

На основе изложенного выделим важное свойство социокультурного пространства – динамичность. С.Н. Иконникова определяет его как способность социокультурного пространства к саморазвитию, изменению масштабов, объема и структуры, пространственных границ [16; С. 44]. Меняя свои границы, расширяясь либо сужаясь, оно меняет и свое ценностное наполнение.

Социокультурное пространство включает людей, имеющих общую социокультурную идентичность. Содержание социокультурного пространства проявляется в ценностях. Аксиосфера культуры представляет собой исторически самоорганизовавшуюся сложную систему, подсистемы которой и их конкретные элементы порождаются ее глобальными потребностями и объясняются их достаточностью для ее полноценной жизни и развития, а это способствует определению места каждой ценности в целостном многомерном пространстве аксиосферы [7; С. 58]. Ценности в силу своих функциональных особенностей детерминируют идентичность человека, а значит, способны выступать фактором консолидации соответствующего сообщества. Реальное бытие, функционирование и развитие ценностей протекает в определенной социокультурной среде. Следовательно, сущность их может быть постижима только при рассмотрении их нахождения в этой среде.

Являясь по своему содержанию многомерным, социокультурное пространство содержит три среза в исследовании: символическое пространство духовной культуры, институциональное пространство социальных отношений, предметное пространство материальной культуры [12].

Говоря о структуре социокультурного пространства государства, Л.Н. Коган выделяет в его составе национальные культуры, внутри которых развиваются соответствующие пространства культур [9; С. 60]. Так выстраивается многомерная и полифункциональная модель социокультурного пространства. В социокультурном пространстве страны обнаруживается связь культур отдельных этносов, социальных общностей, региональных сообществ с общечеловеческой и национальной культурой.

Можно наблюдать сложное переплетение и единство местных, региональных традиций и общегосударственных. В данном контексте региональная культура представляет собой особый вариант общенациональной «материнской» [14] культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования. При этом ее отличительными характеристиками являются свой набор функций, продуцирование специфической системы социальных связей и собственного типа личности, способность оказывать влияние на общенациональную культуру в целом [14]. Таким образом, мы подошли к проблеме многомерности социокультурного пространства, которое вбирает пространства нескольких культур и социокультурные пространства регионов.

Трансформация современного миропорядка приводит к таким наднациональным интеграционным процессам, участниками которых становятся субгосударственные регионы. Таким образом, формируются региональные комплексы, использующие местные социоприродные и социокультурные особенности в качестве основы стратегий развития. Подобная ситуация предоставляет возможности государствам выходить на новый уровень развития и установления связей с другими странами – трансгранич-

ный. Трансграничное взаимодействие влечет за собой образование трансграничного социокультурного пространства.

Понятия «социокультурное пространство», «трансграничье» коррелируют с понятием «граница». В современном мире национальные границы подвергаются нивелированию, снижается их барьерная функция. Стоит говорить об изменении понимания «границы» и бытовании ее в новом философском качестве. Территориальные, политические пространства могут не совпадать с пространством социокультурным. Тогда философское осмысление социокультурного пространства позволяет подходить к нему как к онтологическому конструкту и выделять следующие особенности его границ: размытость; подвижность; прозрачность (предполагающая открытость для других социокультурных пространств); проницаемость (данное свойство границ обусловлено проницаемостью самого социокультурного пространства и взаимопроницаемостью при взаимодействии с другими пространствами).

В трансграничной реальности актуализируется философско-антропологическая проблематика человека, которая обнаруживает вопросы, связанные с осмыслением оснований бытия, базисных ценностей, социокультурного пространства и его границ в условиях трансграничья, определением пространства собственной идентичности человека на пересечении нескольких социокультурных пространств.

Традиционно граница всегда выполняла барьерно-заградительную функцию, отделяя не только территории национальных государств, но и «свое» пространство от «чужого», становясь основанием определенного социокультурного пространства, формирования идентичности, которая строилась на противопоставлении «свое» — «чужое». Изменившееся понимание границы позволяет рассматривать ее как точку пересечения культурных систем, жизненных практик людей, как зону контакта разных культур.

Трансграничное социокультурное пространство представляет собой область взаимопроникновения культур, а соответственно и ценностей, где аккумулируются различные элементы граничащих культур. Схожесть материальных и духовных элементов культуры служит онтологическим основанием для формирования таких содержательных характеристик социокультурного пространства, как национальная идентичность и национальное самосознание. Современная ситуация тесного взаимодействия разных культур приводит к столкновению цивилизаций и изменениям в идентичности наций [18].

По мнению Д.Г. Емченко, трансграничное социокультурное пространство представляет область взаимопроникновения культур, в результате чего образуется некая культурная целостность, способная ассимилировать различные элементы граничащих культур, не разрушая их и выявляя потенциальные точки роста [6]. С одной стороны, в условиях трансграничья задаются иные параметры социокультурного пространства, более открытого, направленного на диалог. Однако, с другой стороны, в зависимости от способности к устойчивости одной из взаимодействующих культур, ценности той и будут доминировать в данном социокультурном пространстве.

В этом случае речь идет о таком явлении культурной гомогенизации, как доминирование одной культуры (национальной, региональной) над остальными, что соответствует экспансионистской политике [18]. Таким образом, культура и ее ценности, представляя собой «мягкую силу», дестабилизируют социокультурное пространство, выступая средством доминирования, к которому прибегают лидирующие в трансграничном пространстве страны. Подобной позиции придерживается З. Бжезинский, рассматривая культуру как способ укрепления имперского центра управления миром [3]. Кроме обычных причин возможных конфликтов между странами, принадлежащих к различным цивилизациям, особо выделяются достижение могущества на определенной территории, возможность насадить собственные ценности, культуру и институты другой стране.

Таким образом, важнейшей чертой трансграничного социокультурного пространства является неоднородность составляющих его пространств культур. Следовательно, необходимо говорить о его плюралистичности. Данная черта является фактором возможных ценностных социокультурных изменений внутри субгосударственных регионов, включенных в трансграничье. Трансграничное социокультурное пространство представляет собой сложное многослойное образование. Анализ политической жизни региона Д. Истона основывается на исследовании системы, погруженной в среду и подверженной воздействию с ее стороны. Чтобы выжить, система должна иметь способность реагировать, то есть уметь адаптироваться, развиваться, воспроизводиться [2; С. 15].

В условиях трансграничного социокультурного пространства начинает складываться и особый тип личности. Существование человека в двух мирах одновременно, плюралистичность и гетерогенность трансграничного социокультурного пространства формируют соответствующий тип личности – человека маргинального – живущего на рубеже нескольких культур, нередко конфликтующих между собой, в обществах, которые могут никогда не совпасть [6].

Маргинальность как пограничное положение личности имеет онтологическое измерение, так как выражает положение либо состояние со специфическими «топологическими» свойствами [4], а именно – нахождение на краю, на границе социального бытия и человеческой реальности в целом. Пограничное состояние человека предстает как феномен человеческого бытия, поскольку маргинальность предает человеку особый онтологический статус. Маргинальность понимается не просто как форма бытия, но как способ становления и изменения бытия. В таком случае граница интерпретируется как некая топологическая структура, соответственно, переход через границу – как процесс изменения онтологического статуса. То есть, граница понимается как некоторая точка пересечения пограничных положений (состояний) человека. В связи с этим приведем несколько точек зрения на эту проблему.

Американский социолог Р. Парк «маргинальным человеком» назвал «...такого субъекта, который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно» [6; С. 48].

Особый интерес представляет оценка бытия современного человека, включенного в трансграничье, А.И. Неклессы. Ученый провозглашает весь мир одним сплошным трансграничьем, когда «в новых пространствах тенденции начинают доминировать над фактами и помыкать ими, транзитность пронизывает быт – все эти одноразовые упаковки, предметы с весьма ограниченным сроком действия, гостиничное жилье, умножающиеся кочевнические коды бытия... Люди все чаще спотыкаются на ровном месте, сталкиваясь со спонтанными изменениями привычных ландшафтов, с разрывами тканей повседневности, прибегая по необходимости к одноразовым рекомендациям, кратко живущим концептам, нелинейным прогнозам» [15].

В своих исследованиях по лимологии наряду с традиционными подходами (историко-географическим, функциональным, политологическим) В.А. Колосов выделяет постмодернистский подход к анализу границ, который представил также несколькими направлениями: миросистемно-идентичностным, геополитическим подходом к границам как социальным представлениям, «ПВП-подходом» (политика – восприятие – практика), экополитическим [10]. Интерпретируя границу в рамках постмодернизма, ученый проводит свое исследование через призму мировых систем и идентичности [10]. Изменение роли государственных границ постепенно ослабляет национальную идентичность. При этом особенности восприятия границы местными территориальными общностями способствуют формированию нового типа идентичности – трансграничной, особенно если жители прилегающих к границе территорий близки по культуре и языку [10].

Важную роль в трансграничье играют исторические традиции и опыт взаимоотношений в прошлом, близость культур. Так, М.Ю. Шинковский определяет трансграничный регион как обширную территорию, обладающую определенным культурно-историческим единством и в то же время концентрирующую максимально возможное число переходных зон (культурных, политических, социально-экономических) [19].

Таким образом, анализ проблем научного понимания трансграничного социокультурного пространства показал множество интерпретаций данного явления, становящегося все более актуальным в современном мире. Осмысление трансграничного социокультурного пространства показало сложность его категориального оформления в связи с множеством возможных исследовательских аспектов. Тем не менее, возможно выделить такие основные категории, как пространство, социокультурное пространство, граница, трансграничье, заключающие собой сферу познания данной проблемы. Особенности и свойства трансграничья обусловлены, прежде всего, многомерностью пространства, подвижностью его границ. Исследование границ в аспекте трансграничья позволило выделить их свойства, заключающиеся в подвижности, прозрачности и проницаемости. В связи с этим в антропологическом аспекте проблемы актуальными становятся вопросы, связанные с определением границ пространственной идентичности человека в ситуации трансграничья.

Литература

1. Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии: критические этюды / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1976. – С. 26-67.

2. Алехнович С.О. Регионы России: современный ракурс и перспективы. – М.: РАЕН, 2007. – 296 с.

3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2003. – 256 с.

4. Гурин С.П. Маргинальная антропология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psy-games.narod.ru/margin/g1p1.htm.

5. Дергачев В.А. Цивилизационная геополитика (Большие многомерные пространства). – Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ, 2003. – 262 с.

6. Емченко Д.Г. Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона // Вестн. Чел. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 11. – С. 47-50.

7. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.

8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.

9. Коган Л.Н. Теория культуры. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – 159 с.

10. Колосов В.А. Теоретическая лимология: новые подходы [Электронный ресурс] // Международные процессы. – 2003. – Т. 1. – № 2. – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/three/004.htm.

11. Крылов В.В. Глобальные трансформации в контексте синергетической парадигмы // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М.: КМК, 2005. – С. 212-223.

12. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/08-2006/lapin.pdf.

13. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. – 2000. – № 7. – С. 3-12.

14. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Екатеринбург, 2003. – Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/423/29/.

15. Неклесса А.И. Трансграничье, его ландшафты и обитатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inesnet.ru/institute/structure/geo/text02.htm.

16. Скульмовская Л.Г. Противоречия разнонаправленного развития культуры региона в современных условиях: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 346 с.

17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

19. Шинковский, М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifpc.ru/index.php?cat=159.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Зимина Н.С., ст. преподаватель кафедры философии, теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
13zimina@mail.ru

N. Zimina, senior teacher, Philosophy, Theory and History of Culture department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: национальная безопасность, внутренняя регионализация России, социокультурное пространство, трансграничное пространство, социокультурный потенциал российских регионов

Scientific interests: national security, Russia inner regionalization, sociocultural space, transboundering space, sociocultural potential of the Russian regions

УДК 31

Фомина Марина Николаевна
Marina Fomina

Чернявин Юрий Александрович
Yury Chernjavin

ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА: ТОЧКИ ИЗМЕРЕНИЯ

PHILOSOPHICAL CULTURE: MEASUREMENT POINTS

Статья посвящена анализу понятия «философская культура». Дан анализ системы «культура-мышление-мысль»

Ключевые слова: *философская культура, культура мышления, мировоззрение*

Article is devoted the concept analysis «philosophical culture». The analysis of system «culture-thinking-thought» is given

Key words: *Philosophical culture, culture of thinking, outlook*

Процесс концептуального переосмысления роли философии в формировании мировоззрения личности определяет область исследования философской культуры. Ей принадлежит ориентирующая роль в сложной динамической системе современного мировоззрения. Философская культура «насыщает» мировоззрение творческим мышлением, о необходимости которого говорили А. Швейцер, Э. Ильенков, А.Ф. Лосев, М. Мамардашвили. Осмысление духовного состояния общества невозможно без анализа происходящих изменений в философском мышлении. Еще в начале 20-х гг. А. Швейцер отмечал, что мы живем в эпоху упадка культуры. В этих условиях, по его мнению, ведущая мировоззренческая роль отводится философии.

Осмысление происходящих процессов, утверждение личного достоинства и поиск смысла жизни — потребность дня, хотя еще не всегда осмысленная. В условиях отказа от застывших догм и шаблонных схем, пересмотра ложных и мнимых ценностных ориентиров философская культура формирует умение диалектически мыслить, созидает творчески мыслящую личность, способную принять на себя ответственность.

В последние годы в философской литературе появился новый объект исследования – философская культура. Развиваясь в рамках философии на стыке культурологии (так как речь идет о духовном феномене культуры), психологии (где рассматриваются проблемы диалогичности сознания), лингвистики (раскрывающей специфику философского языка), теория философской культуры определяет разнообразные области исследования. Первым шагом в процессе осмысления философской культуры является раскрытие ее природы. Последующим – анализ трансформации реального мира в понятийный, так как благодаря этому процессу реальность становится осмысленной только в философском контексте. Но он остается «мертвым текстом», если отсутствует средство передачи, которым в философии является диалог. Это определяет следующий шаг изучения – природа диалогичности философской культуры.

Философская культура – это культура мыслящего человека. Как заметил Гегель, человек мыслит и ищет в мышлении свою свободу и основания нравственности. Лишь мыслящий, а следовательно, свободный, способен осознать не только границы

нравственности, но и личностную ответственность, что предопределяет бытие человека. Философская мысль рождается только свободной личностью, поэтому философия — результат сомнения и духовного поиска.

Опыт мирового и отечественного философствования сосуществует в точке, где прошлое соприсутствует с будущим, а будущее — с настоящим. М. Мамардашвили, объясняя «вечность философии», использует образ «веера сосуществования» для соединения мысли во времени. Говоря о философских истинах, мы порой забываем тех, кто их «породил». Но они обретают «новое» рождение в нашем сознании. Мысль, однажды возникнув и не потеряв себя в веках, реализуется благодаря диалогичности сознания. В этом случае философская культура, будучи диалогична по своей природе, порождает то вертикальное и веерное сечение, которое «позволяет нам соприсутствовать» с философской мыслью прошлого. Она раскрывает вечность в настоящем, предопределяет будущее в прошлом. Это дает основание говорить о том, что философская культура существует в контексте онтологического диалогизма [авторы используют понятие «онтологический диалогизм», которое было введено В.С. Библером в статье «Из заметок впрок» для раскрытия природы «единения» мысли и бытия // Библер В.С. На гранях логики культуры. – М., 1997. – С. 9] и представляет собой единство законченности и открытости, сиюминутности и вечности бытия мысли. Она концентрирует в себе личностно ориентированную, онтолого-логическую философскую мысль, которая, рождаясь, не имеет своего прошлого и настоящего. Но именно она обеспечивает то, как заметил В. Библер, что логическое «прошлое» и логическое «будущее» втягиваются в кратчайшее «настоящее». Философия, будучи практически ориентированной, представляет путь духовного поиска человека, который, по словам Эммануила Канта, является философом в собственном смысле слова». А в теории, по определению Гегеля, она — эпоха, постигнутая в мышлении. Поэтому, говоря о бытии философской культуры, мы говорим о мысли вновь рожденной, как заметил М. Мамардашвили.

Горизонт философского видения сущности философской культуры сливается с пониманием как культуры в целом, так и философии в частности, которая, в свою очередь, отражает настоящее или прогнозирует будущее. Говоря о культуре, мы оперируем понятиями человеческой сущности и возможности, характером человеческой деятельности, а говоря о философии, имеем дело с мировоззрением и духовным бытием человека. Культура представляет внутреннюю логику развития философской культуры. Ее закономерные процессы предопределяют результативность, показатель «равновесия» между возможностями и потребностями культурного становления человека. Она представляет специфическое отражение взаимосвязи культуры и философии. Определяет путь формирования философского сознания в культурно-историческом процессе и способствует становлению духовности, что достигается человеком в результате самопознания.

Бытие человека в «философском мире» раскрывает суть философской культуры. Утверждение Гегеля, что культура есть единство бытия и мышления, позволяет определить философскую культуру как приобщение человека к миру и духу философии. Поэтому поставленная проблема обусловлена своеобразием адаптивных возможностей человека в мировоззренческом поле «мир человека». Здесь раскрываются не только альтернативные позиции и проблема дихотомии, но и факторы менталитета. Благодаря этому на уровне философской рефлексии происходит процесс самоидентификации философской культуры личности. Философское самосознание обеспечивает восприятие целостного и частного в единстве, понимание культурного мира и становление философской культуры личности.

В процессе генезиса философская культура оформляет «свой облик» за счет характерных тенденций развития. Механизм, посредующий движение от фило-

софской идеи к культурному факту, адекватно представлен через морфологический анализ. Структура философской культуры образует различные уровни, на которых и осуществляется культурологический анализ продуктов философского творчества. А объект анализа существует в пределах пространственно-временных границ своего бытия. Сказанное дает возможность определить следующие подходы, раскрывающие суть феномена философской культуры. Это: логико-методологический анализ представляет сферу бытия философской культуры в «лоне» культуры; философско-мировоззренческий намечает область проявления философской культуры; морфологический определяет доминирующие тенденции в ее содержании.

Философская культура имеет свой духовный стержень — философское сознание. Осмысливая происходящие процессы на уровне духовного напряжения, философская культура создает образ, который или принимает, или отторгает. Если отторгает его, то возникает необходимость подготовить замену. Так рождались Города Солнца и коммунистическая утопия. Учитывая суть феномена философской культуры можно определить следующие «точки ее измерения»: мировоззренческая и методологическая рефлексия; личностно-субъективная историко-философская определенность; овладение философскими знаниями и философским опытом осмысления действительности; уровень развития философской мысли и функционирование философской идеи; философский язык и философское мышление. На основе этого можно определить методы исследования: аксиолого-деятельный, где речь идет не об абстрактной природе знаний, а о знаниях, направленных на преобразовательную деятельность. Задача исследования в таком случае будет состоять в том, чтобы проанализировать социальную «востребованность» философских знаний. Историко-философский дает возможность увидеть философскую культуру в рефлектирующем плане, как отражение происходящих мировоззренческих процессов, но он не раскрывает ее природы. Мировоззренческий определяет область философских интересов и поиск истины, но при этом не учитывает личностно-субъективные особенности. Данный анализ дает возможность включить изучаемый материал в широкий сравнительно-философский контекст. Для определения объекта исследования необходимо провести следующее: философско-культурологический анализ, так как философская культура реализуется на стыке философии и культуры, морфологический, чтобы «проникнуть» в мир этого явления. Сведение философской культуры к простому анализу в стиле ретроспективности не главное, по мнению авторов. Исходя из того, что философская культура существует в пространственно-временном измерении, она не дает забыть «свою былую жизнь». Она воскрешает прошлое, реконструируя его в современных образцах. А прошлое открыто различным интерпретациям. И сколько раз к нему будут обращаться мыслители, столько новых философских образов мы будем получать. Но в каждом новом образе происходит процесс «оживания» мысли, что обеспечивает путь становления ее бытия.

Насколько бы наши рассуждения не были бы ограничены рамками социального восприятия, мы, тем не менее, соединяем в философствовании два мира — целостный и единичный, космос и мир моего «Я», макро- и микрокосмос. Это дает основание говорить о философской культуре как о мировоззренческой модели, подверженной подражанию.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Фомина М.Н., д-р филос. наук, профессор кафедры философии, теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) <marf_05@mail.ru>

Научные интересы: философия, философия культуры

M. Fomina, the professor, the Doctor of Philosophy, the pro-rector, the professor of chair «Philosophies, theories and cultural histories», Zabaikalsky State University

Scientific interests: Philosophy, culture philosophy

Чернявин Ю.А., д-р филос. наук, профессор кафедры философии, теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) <marf_05@mail.ru>

Научные интересы: философия, философия культуры

Yu. Chernjavin, The professor, the Doctor of Philosophy, the professor of chair «Philosophies, theories and cultural histories», Zabaikalsky State University

Scientific interests: Philosophy, culture philosophy

УДК 177

Цырендоржиева Дари Шойбоновна
Dari Thyrendorzhieva

Ринчинова Татьяна Мункобаировна
Tatyna Rinchinova

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ: СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ И СТРУКТУРА

RELIGIOUS AND MORAL VALUES: ESSENCE, FUNCTIONS AND STRUCTURE

Рассматриваются религиозно-нравственные ценности как некоторые нормы, принципы, идеалы, выполняющие в плане религиозно-этических понятий функции гармонизации и оптимизации духовно-общественных отношений в социальной реальности. Перечислены наиболее важные функции и определена структура религиозно-нравственных ценностей, наиболее важными компонентами которой являются религиозность, нравственность и духовность индивида, а также их определяющие социальные условия

Ключевые слова: *религиозность, нравственность, духовность, ценности, религиозно-нравственные ценности, сущность, функции, структура*

The article defines religious and moral values as some norms, principles, the ideals that carry out in respect of is religious and ethical concepts functions of harmonization and optimization of spiritually-public relations in a social reality. The most important functions are listed and the structure of the religious and moral values the most important components of which are religiousness, morals and spirituality of the individual, and also their defining social conditions

Key words: *religiousness, morals, spirituality, values, religious and moral values, essence, functions, structure*

В научных исследованиях понятие «религиозная нравственность» наиболее часто связано с такой категорией философского анализа, как «духовность». Духовность по своей сути – это такое состояние сознания, которое соединяет индивидуальную реальность личности и социальную действительность, и образующее тем самым своеобразное пространство идеальных образов поведения, мышления, мотивов и т.д. Если говорить о понятии «ценность», то следует сказать, что социально-философское понятие, отражающее отношение общества и индивида к тем или иным социальным и природным явлениям, которое выражено стремлением к установлению гармоничных и взаимовыгодных условий для полноценного развития человека как существа, наделенного разумом. На наш взгляд, понятие «ценность» становится самой значимой категорией, особенно для анализа религиозно-нравственной культуры общества.

Тема религиозно-нравственных ценностей пронизывает все философские и литературные памятники русской культуры различных эпох. Антропоцентризм, или ориентированность на человека, на его судьбу, смысл его жизни и смерти, на ценностно-смысловое, духовное наполнение его бытия, является главной особенностью русской религиозной философии. В.С. Соловьев пытался философски обосновать нравственные принципы христианской религии. По мнению В.С. Соловьева, Бог

проявляется в Человеке как нравственная его сущность в форме долга [5]. И.А. Ильин полагал, что человек имеет духовное и недуховное начала. Нравственность, по его мнению, духовна. Только творческий человек может «чтить, любить и строить наш семейный очаг – и это первое естественное гнездо любви, веры, свободы и совести, это необходимая священная ячейка Родины, национальной жизни» [1]. Недуховное понимание сущности человека – низменные потребности в еде, жилище и т.д.

Религиозно-нравственные потребности людей выражены в стремлении достижения удовлетворения именно душевного комфорта, то есть в познании и осмыслении сущности человеческой жизни, развитии интеллектуально-мировоззренческих, морально-нравственных и эстетико-художественных качеств сознания согласно их религиозному мировоззрению, тем самым совершенствуя и развивая внутренний, духовный мир, обогащая сознание и душу человека знаниями, чувствами, идеалами.

Соответственно религиозно-нравственные ценности обладают рядом особенностей, связанных со сферой их функционирования и спецификой духовного производства, отличающих их от продуктов материального производства. По нашему мнению, можно выделить следующие особенности данных ценностей:

– религиозно-нравственные ценности являются результатом индивидуально-общественной жизнедеятельности, то есть в производстве религиозно-нравственных ценностей дает знать не только опыт непосредственного творца, но и опыт предшествующих поколений. Значит можно утверждать, что религиозно-нравственные ценности – произведения как индивидуально-личностной, так и общественной жизнедеятельности;

– религиозно-нравственные ценности общезначимы и транслируют свой смысл разным поколениям, не утрачивая при этом уникальности; т.е. в процессе потребления не происходит процесс морального старения религиозно-нравственных ценностей;

– создание и производство религиозно-нравственных ценностей является весьма длительным по времени процессом, а усвоение или воспроизводство (тиражирование) во времени происходит гораздо быстрее.

Специфика религиозно-нравственных ценностей заключается в самом способе их производства и потребления, которые влияют на формирование личностного мира, духовной жизни индивида. В основе ценностей духовной жизни лежит стремление человека упорядочить свою жизнь и отношения с окружающим его миром, понять смысл своего существования, найти и определить место человека в этом сложно-структурированном универсуме. На наш взгляд, можно выделить следующие основные функции религиозно-нравственных ценностей в социуме:

– интегративные (объединяют людей, способствуют их сплочению и единению для гармоничного функционирования сообщества);

– этико-регулятивные (обязательство каждого члена сообщества выполнять предписанные и общезначимые для всех членов нормы и правила совместного существования);

– мировоззренческие (формирование определенных взглядов, идей, понятий о различных социальных и природных явлениях);

– образовательно-воспитательные (способствуют передаче знаний, умений от поколения к поколению);

– интеллектуально-познавательные (стимулируют людей к изучению и постижению окружающего мира, законов природы и общества);

– художественно-эстетические (культивируют чувства прекрасного, гармоничного, возвышенного и т.д.).

В целом, функциональная сфера религиозно-нравственных ценностей обширна, глубока и сложна. Названные функции ценностей религиозно-нравственной сферы связаны с определением их в качестве продуктов производства в процессе социокультурного развития общества, что позволяет выделить религиозно-нравственные ценности в особую группу, содержа-

щую направленность на формирование религиозно-нравственного мира личности.

Религиозно-нравственные ценности функционируют преимущественно в качестве компонентов целенаправленно осуществляемого духовного производства, субъектами которого являются отдельные группы людей. Степень участия этих групп различна в производстве форм общественного сознания, например, морали, искусства, права, политики и др. Процесс функционирования религиозно-нравственных ценностей в общественной жизни подчиняется закономерностям духовного производства. Религиозно-нравственные ценности содержат гуманистическую ориентацию, призывающую к социальной справедливости и любви к ближнему, взаимной терпимости и уважению. Поэтому вполне естественно, что религиозные идеи и ценности способствуют социальной интеграции и стабильности общества.

Религиозно-нравственные ценности общества образуют особую сферу интеллектуально-творческой деятельности, которая формирует человеческое бытие как высшую форму организации жизни на земле. Осознанные и принятые людьми основные принципы взаимоотношений в социуме являются важнейшими в системе ценностей. Формирование данной аксиосферы – это процесс длительный, в течение которого проходят проверку все основные положения и нормы общественной жизни.

Структуру религиозно-нравственных ценностей, по нашему мнению, можно представить как тесную взаимосвязь между религиозно-нравственными ценностями, их составляющими – религиозностью и нравственностью – и духовностью, с другой стороны, а также социальными условиями, которые являются определяющими для общечеловеческих ценностей.

Однако, несмотря на высокую степень стабильности, религиозно-нравственные ценности с течением времени под влиянием различных социальных и культурных явлений подвержены изменениям. Этот исторический процесс обусловлен, прежде всего, сменой общественного устройства, усложнением и интенсификацией информационных обменов, ростом научно-технических достижений и других факторов. Тем не менее, традиции религиозно-нравственных ценностей, веками культивировавшиеся в концептуальном плане, сохраняются и сегодня. По мнению И.И. Осинского, традиционные ценности играют важную роль в сохранении национальной самобытности и духовной культуры народа, что обусловлено огромным влиянием на самосознание людей и их идентификацию с конкретным социумом. Он замечает, «...что традиция – это та всеобщая духовная основа, без которой не может существовать, выжить ни нация, ни культура, ни цивилизация» [3]. В.М. Зубец, изучая трансформации ценностей как при эволюционном, так и при революционном типе развития общества, пришел к выводу, что традиционные ценности, видоизменяясь, сохраняют свою основу [2].

Рассматривая религиозно-нравственные ценности с точки зрения функционирования их в социальной реальности, можно заключить, что процесс бытия духовно-ценностной сферы жизни общества является основополагающей и базисной для существования человеческого сообщества. Следовательно, религиозно-нравственные ценности – это значимые для субъекта качества и свойства объектов религиозно-нравственной, духовной сферы общественной жизни, воплощенные в идеальных образах и содержании духовной культуры в виде предметов и явлений, а также принципы и императивы сознательно-поведенческой деятельности, выраженные в качестве выбора индивидов определенного религиозного мировоззрения.

Так, нами определяются религиозно-нравственные ценности как некоторые нормы, принципы, идеалы, выполняющие в плане религиозно-этических понятий функции гармонизации и оптимизации духовно-общественных отношений в социальной реальности. Также предлагаются наиболее важные особенности и функции религиозно-нравственных ценностей; дается классификация ценностей, определяется их

структура. Отмечается, что с течением времени под влиянием различных социальных и культурных явлений религиозно-нравственные ценности могут быть подвержены изменениям. А сущность религиозно-нравственных ценностей заключается в определении наиболее значимых и важных свойств явлений духовной и общественной жизни индивида в направлении как личного самосовершенствования, так и создание оптимальных моделей совместного существования на основе принципов религиозно-этических понятий для эффективного функционирования социума.

Литература

1. Ильин Н.О. Дневник. Письма. Документы // Собр. соч. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 1. – С. 259.

2. Зубец В.М. Два типа ценностных изменений // Философские науки. – 2000. – № 4. – С. 70.

3. Осинский И.И. Традиционные ценности в духовной культуре бурятской национальной интеллигенции // Социс. – 2001. – № 3. – С. 80.

4. Пивоваров Д.В. Философия религии. – М.: Академический Проект, 2006. – 640 с.

5. Соловьев В.С. Оправдание добра. – М.: Республика, 1996. – 478 с.

Коротко об авторах ***Briefly about the authors***

Цырендоржиева Д.Ш., д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии, Бурятский государственный университет (БГУ)
dari145@mail.ru

Научные интересы: самоорганизация социальных систем, проблемы нравственных ценностей, политическая система общества, проблема личности

Ринчинова Т.М., аспирантка, Бурятский государственный университет (БГУ)

Научные интересы: самоорганизация социальных систем, проблемы нравственных ценностей, политическая система общества, проблема личности

D. Thyrendorzhieva, Doctor of Philosophical Sciences, professor, head of Philosophy department, Buryat State University

Scientific interests: self organization of social systems, problems of moral values, political system of the society, problem of personality

T. Rinchinova, post-graduate student, Buryat state university

Scientific interests: self organization of social systems, problems of moral values, political system of the society, problem of personality

Филологические науки

УДК 81´33

Чистаева Ольга Николаевна
Olga Chistaeva

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДРАССУДКИ КАК ВИД РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ ХАКАСИИ

ETHNIC PREJUDICE AS A FORM OF LINGUISTIC AGGRESSION IN THE PRINT MEDIA OF KHAKASSIA

Описаны формы и приемы языковой агрессии, используемые в современных российских СМИ, которые классифицируются по степени выраженности. Основная форма проявления агрессии – ирония, для выражения которой авторы используют разнообразные выразительные средства. Проявления языковой агрессии проанализированы на примере текстов печатных СМИ Республики Хакасия, тематически касающихся сферы межэтнических отношений

Ключевые слова: *языковая агрессия, тексты печатных СМИ, эксплицитные, имплицитные формы, ирония, этнонимы, этнические стереотипы*

The article describes forms and techniques of linguistic aggression used in modern Rus-sian media, which are classified according to the level of severity. The principal form of manifestation of aggression is irony. Authors use various expressive means to convey irony. The manifestations of linguistic aggression were analyzed in the texts concerning inter-ethnic relations in the print media of the Republic of Khakassia

Key words: *linguistic aggression, texts of printed media, explicit, implicit forms, irony, ethnonyms, ethnic stereotypes*

Образы собственной и других этнических групп составляют главное содержание этнической идентичности, реализующейся, как правило, по ментальной схеме «мы – они» или «свой – чужой». Исследователи отмечают, что суждения о собственном этносе в виде автостереотипов «в большинстве случаев монотонно позитивны», в то время как вторая часть дихотомии в виде гетеростереотипов, представлений о других этносах, служит «резервуаром для отрицательных качеств», включая «более широкий эмоциональный диапазон», который может «варьировать от почитания до ненависти» [Солдатова, 1998, С. 69]. Г.У. Солдатова выявляет разницу между этническим стереотипом, как естественной «культурной» установкой, и предубеждениями и предрассудками, формирование которых обусловлено «не столько этнокультурными факторами, сколько современными экономическими, социальными, политическими причинами», приводящими к глубинным изменениям «структуры этнических образов» [Там же].

Предубеждения и предрассудки как социальные установки могут переходить в открытую форму вражды. Поэтому публикации в СМИ, посвященные данной тематике, должны быть максимально взвешенными, не допускающими их негативного влияния на сферу межэтнических взаимоотношений.

Однако исследователи современных

медиатекстов выявляют постоянное присутствие разных форм и маркеров проявления межэтнической интолерантности. Ими выявлен достаточно широкий диапазон средств формирования языка вражды, включающий 26 критериев, среди которых прямые призывы к насилию; создание негативного образа; оправдание исторических случаев насилия и дискриминации; высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей) и др. [Ахметьева и др., 2006, С. 2-3].

Яркой иллюстрацией может служить серия публикаций под заголовком «НеПутевые заметки о Туве. Большие исторические маразмы маленькой республики», опубликованные в газете «Взгляд» в 2004 г.

Ироничный стиль статьи заложен уже в заголовке через слитное написание частицы «Не» и слова «Путевые». В публицистике есть жанр «путевЫе заметки»: заметки, сделанные, записанные в пути. В толковом словаре русского языка приводятся значения слов «путевОй» – путь, относящийся к путешествию (устар.), путевЫе записки, путевЫе издержки; «путЁвый», т.е. дельный, такой, как нужно, и «непутЁвый» (разг.), т.е. легкомысленный, беспУтный, безалаберный (например, непутЁвая жизнь). Значения «НепутевЫе» не приводятся. Несмотря на то, что частица «Не» и слово «Путевые» начинаются с заглавной буквы, их слитное написание образует значение «непутЁвые». В результате конструкция «НеПутевые» в сочетании с названием этнического региона выступает как графический прием выражения имплицитной иронии.

Выражение иронии усиливается подзаголовком «Большие исторические маразмы маленькой республики», построенном на противопоставлении размера: маразмы – *большие*, а республика – *маленькая* [Алова (1); С. 9]. Смысловая и стилистическая направленность публикации, выраженная в основном заголовочном комплексе, находит продолжение и в подзаголовках. Например: «*ты – шаманка, я – шаман, мы облегчим ваш карман*» [Алова (3); С. 12]; «в Туве *позволено все*» [Алова (4); С. 12]. Ироничные акценты повторяются в содержании и графическом оформлении подписей к фотографиям: «По одежде *ни за что* не догадаешься, что пред вами *великий* шаман. Монгуш Кенин-Лопсан *собственной персоной*» [Алова (3); С. 12].

Достаточно часто автор публикаций использует такой распространенный графический прием выражения иронии, как кавычки: «...русский балетмейстер – Анатолий Шатин...придумал помимо «Нежности Тувы» (музыку к танцу, кстати, написал русский композитор Алексей Аксенов) еще несколько тувинских *«народных»* танцев»; «По их версии, сами тувинцы до недавнего времени были *«беленькими и пушистыми»* [Алова (1); С. 9]; «...– судьбу предсказывают, камлают... Не за *«спасибо»*, понятное дело»; «Но когда речь зашла о его фотографиях на память, *«Живое Сокровище»* снова заартачилось: «Уже пять вечера...» [Алова (3); С. 12]; «...показывают «*образцово-показательные*» места; «Подвыпившие тувинские *«джигиты»* из окрестных деревень...» [Алова (4), С. 12].

Важность или достоверность фактов из истории республики в контексте анализируемой серии публикаций также явно ставятся под сомнение: «*героические страницы истории*», «*научная сенсация*» [Алова (1); С. 9], «*Вот такая знаменитая страна, а Москва не знает и не видит...*» [Алова (3); С. 12].

Часто используемым приемом выражения или усиления иронического эффекта служат сравнения: «*...утверждать о родстве нынешних тувинцев с курганными VIP-персонами – примерно то же самое, как если бы арабы, населяющие сейчас Египет, провозгласили бы себя близкими родственниками фараонов*».

К одним из часто используемых приемов речевой агрессии, выявленных М. Е. Лазаревой, относятся трансформации устойчивых клише. Автор данной серии статей использует клише в завуалированной форме: «Но теперь я верю рассказам быва-

лых шоферов о том, что, когда они пересекают границу с Тувой, из их фур начинают выпрыгивать и разбегаться крысы. Умные твари не желают попадать на территорию республики». Данный фрагмент текста устанавливает ассоциативную связь с клише-сравнением: «Бегут как крысы с тонущего корабля» [Алова (4); С. 12].

К более сложным проявлениям агрессии относится прием языковой демагогии [Булыгина и др, 2000, С. 169-178]. В анализируемых газетных публикациях он проявляется в использовании логичной формы для подачи нелогичного содержания, что выступает как сложный прием выражения имплицитной агрессии и «навязывания» автором своего отношения читателю: «... Никто не станет отрицать, что тувинское горловое пение хоректээр или шаманские ритуалы – это уникально. Но самыми знаменитыми исследователями, более ста лет изучавшими это пение, были П. Островских, Е.К. Яковлев, Г.Е. Грум-Гржимайло, А.В. Анохин, А.Н. Аксенов, Е.В. Гриппиус, С.И. Ванштейн... В общем – чистокровные тувинцы, судя по фамилиям...» [Алова (1); С. 9]. Отмечая, что пение и ритуалы уникальны, автор переходит к следующему утверждению, где говорится уже не о пении и религиозных ритуалах, а об исследователях этого феномена. Однако начинается оно с союза «но». Хотя ни в данном абзаце текста, ни в статье в целом автор ни разу не ссылается на мнение, которое бы ставило под сомнение то, что заслуга его исследования принадлежит перечисленным ученым. Перечисляя нетувинские фамилии, автор явно иронизирует, еще раз акцентируя на этом внимание в конце: «В общем – чистокровные тувинцы, судя по фамилиям...». Соединяя в условной конструкции два утверждения, взаимно не обусловленных, автор формулирует мысль, которую он хотел бы внушить адресату: «ну и что с того, что это уникальное явление, но исследовали-то этот феномен не они (тувинцы)».

Ключевым словом публикации является этноним *тувинцы* и его производные: «За *666* километром начали попадаться тувинцы. Оборванные, с запахом спиртяги, сидели они у дороги с грибами-ягодами...». За счет негативной ассоциативной связи («...оборванные, с запахом спиртяги») и обозначения этнической принадлежности («тувинцы») такое описание проецируется на этнос в целом. Для создания негативного фона восприятия информации упоминается число *«666»*, имеющее явную отрицательную коннотацию в контексте христианской мифологии, которым автор обозначил момент появления представителей этноса [Алова (2); С. 11].

Кроме собственно этнонима и его производных («...тувинцам доставляет удовольствие *изобретать велосипеды*...» [1; С. 9]; «*Тувинские* блюда здоровыми не назовешь», «тувинские джигиты») автор некорректно или иронично использует этнически маркированную лексику. Например, в следующем фрагменте текста: «Местные называют этот обряд «*ава*», смысл – задобрить *духов*. Завяжешь веревочку или что-нибудь вкусненькое оставишь, и за эту мелкую взятку обойдут тебя стороной неприятности в пути. Заразная традиция» [Алова (2); С. 11]. Называя почитаемый обряд «мелкой взяткой», автор подчеркивает его бессмысленность и вместе с этим культурную отсталость этноса.

В анализируемой серии публикаций выявлены также следующие распространенные эксплицитные формы выражения речевой агрессии:

– жаргонизмы:

«с запахом *спиртяги*», «...10 тысяч *баксов*...», «...16-30 *рэ.*», «(12-17 *тыщ деревянных*)», [Алова (2); С. 11]; «В том же Ак-Довураке меня *«добила»* пятиэтажка с заложенными кирпичом окнами», «Даже сфотографировать *на халяву* шамана не удается...», «...шаман опять стал *«наезжать»*, «Помогите *пжалста!*» [Алова (3); С. 12]; *«дурь»*, *«наркота»*, «...дешевыми китайскими *шмотками*», «...обкуренные или просто пьяные в *«драбадан»*...» [Алова (4); С. 12];

– заимствования, оформленные в разных графических системах:

«*VIP*-персонами» [Алова (1); С. 9]; «... шахматы из камня *hand made*» [Алова (2);

С. 11]; «Ак-Довуракский *отель* затмил это впечатление. После него даже вышеописанная красноярская ночлежка показалась «*Хилтоном*» [Алова (3); С. 12];

– метафоризация военной лексики [Москвин, 2000, С. 66-74]:

«...прямо у нас под носом (в соседней республике) располагается *место боевых действий*» [Алова (1); С. 9]; «Толи оконные стекла кончились в республике, толи народ к *войне* готовится, превратив дом родной в *бомбоубежище*» [Алова (3); С. 12]; «...готовы задушить их в своих гостеприимных объятиях. *Насмерть. Заодно получив трофеи с места боя*»; «Косари конопли говорили, что выходят *на боевую вахту* каждый год...» [Алова (4); С. 12].

К имплицитному проявлению языковой агрессии можно отнести:

– глаголы аффективного воздействия («*...поразилась, насколько...*» [Там же]; «*Пораженные столь* интеллектуальным времяпрепровождением» [Алова (2); С. 11] (Термины О.М. Родионовой и В.В. Глебова);

– категоричные оценочные высказывания (термин А.А. Ивина): «*...сенсационные заблуждения...*»; «*...абсолютно* игнорируется...»; «И *никто ничего* не знает»; «*Только* русские хозяйства здесь развивались...» [Алова (1); С. 9]; «...патрулей ГАИ не бывает *в принципе...*»; «Оказалось, *ничего подобного*» [Алова (2); С. 11]; «...остовы разоренных ферм...*Повсюду!*» [Алова (3); С. 12]; «В качестве совета: расслабляться там *нельзя нигде*» [Алова (4); С. 12];

– прагматически окрашенные частицы (термин В.Ю. Апресяна): «Чингисхана в Туве уважают *чуть ли не как* национального героя», «*Где-то* на этих необозримых просторах великий завоеватель родился...», «...любой покажет вам могилу Чингисхана *чуть ли не до* метра»; «...они были *не столь* важными персонами, как цари из древнего кургана», «*Они-то и* научили невинных тувинцев пользовать коноплю для удовольствия...», «...тувинские обычаи... возвращаются. Но не потому, что в народе вдруг проснулась *какая-то* особая сознательность» [Алова (1); С. 9].

Выявленные нами примеры подтверждают наблюдение Т.В. Чернышовой о том, что «в современном обществе в целом и в средствах массовой информации в частности речевая агрессия сдерживается крайне слабо» [Чернышова, 2000, С. 206-213]. Использование всех возможных средств речевой агрессии в сферах публичной и публицистической речи становится нормой, которая распространяется на многие другие социальные сферы.

В контексте анализа данных публикаций уместно обратиться к мнению А.К. Михальской о том, что вербальная агрессия является первым шагом на пути к агрессии физической. Она создает «агрессивный подход к действительности», агрессивную социальную среду, что является неприемлемым с позиций гуманизации общества и жизни [Михальская, 1996, С. 159-160].

Систематическое размещение материалов подобной направленности и агрессивной стилистики подпитывает процесс формирования негативных этнических стереотипов. Особенно если этот процесс протекает на объективно негативном фоне, т.е. систематическом освещении негативных фактов, событий в жизни этноса.

Подтверждением данного положения служат результаты социологического опроса зондажного характера, который был проведен нами в 2007 г. для изучения корреляции между характером публикаций местных печатных СМИ и формированием этнических стереотипов. Анализ результатов показал, что в отличие от читателей-респондентов других местных СМИ, у читателей газеты «Взгляд», в которой была опубликована анализируемая серия публикаций, отсутствуют положительные ассоциации на слово-стимул «тувинцы» [Чистаева, 2007, С. 292-293].

Литература

1. Алова Р. НеПутевые заметки о Туве. Большие исторические маразмы маленькой республики // Взгляд. – 2004. – 12 авг.

2. Алова Р. НеПутевые заметки о Туве. Большие маразмы маленькой республики // Взгляд. – 2004. – 19 авг.

3. Алова Р. НеПутевые заметки о Туве. Большие маразмы маленькой республики // Взгляд. – 2004. – 26 авг.

4. Алова Р. НеПутевые заметки о Туве. Большие исторические маразмы маленькой республики // Взгляд. – 2004. – 2 сен.

5. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Apresian.htm.

6. Булыгина Е.Ю., Стексова Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dere.com.ua/library/buligina/yazik_agres.shtml.

7. Ивин А.А. Логика для журналистов. – М.: Аспект Пресс, 2002.

8. Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sova-center.ru; http://www.sova-center.ru/hate-speech/publications/2005/12/d6857/.

9. Лазарева М.Е. Ирония как средство речевого воздействия в языке СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2003/6/078.html.

10. Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 66-74.

11. Муратова М. Средства речевого воздействия в языке СМИ // Русский Журнал Политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.russ.ru/politics/20030127-apelsin.html.

12. Михальская А.К. Русский Сократ. – М., 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/chernyshova-00.htm.

13. Новикова Т.В. Некоторые аспекты диагностики интолерантности в средствах массовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.relga.ru (№ 5 [127] 01.03.2006).

14. Родионова О.М., Глебов В.В. Особенности речевой агрессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html.

15. Рацибурская Л. Как крышуют имидж. О речевой агрессии в современных СМИ // Журналист, 2007. – № 12. – С. 56-57.

16. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

17. Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/chernyshova-00.html.

18. Чистаева О.Н. Язык региональных печатных СМИ в контексте проблем межэтнических отношений (на примере Республики Хакасия) // РАН ИЯ Язык. Текст. Культура. – М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2007. – 300 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Чистаева О.Н., аспирантка, ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Институт саяно-алтайской тюркологии и восточных языков
olgachistaeva@yandex.ru

O. Chistaeva, post-graduate student, Linguistics department, Khakassia State University named after N.F. Katanov

Научные интересы: языкознание, литературоведение, межкультурная коммуникация

Scientific interests: language study, philology, intercultural communication

Юридические науки

УДК 343

Макаров Андрей Владимирович
Andrey Makarov

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАКАЗАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT: PARITY PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL CATEGORIES

В предлагаемой статье проводится всесторонний анализ соотношения категорий «уголовная ответственность» и «наказание». Автор приходит к выводу о том, что наказание является формой реализации уголовной ответственности в уголовно-правовом значении

Ключевые слова: *уголовная политика, преступление, закон, уголовная ответственность, наказание, уголовное правоотношение*

In the offered article the all-round analysis of a parity of categories «criminal liability» and «punishment» is carried out. The author comes to the conclusion that punishment is the form of realization of a criminal liability in criminal legal value

Key words: *criminal policy, crime, law, criminal liability, punishment, criminal legal relationship*

Проблема уголовной ответственности является одной из фундаментальных проблем уголовно-правовой науки. Исследование любого института уголовного права затрагивает в конечном итоге тот или иной аспект уголовной ответственности, являющейся наряду с категориями «преступление» и «наказание» центральным понятием уголовного права.

От того, каким образом разрешается вопрос об уголовной ответственности в обществе, зависит уровень законности и эффективности работы правоохранительных органов, правовое положение и уровень защищенности человека от преступных посягательств как со стороны других членов общества, так и от произвола со стороны государственных органов.

Прежде всего, отметим, что в юридической литературе большинство ученых-криминалистов считают, что уголовная ответственность может существовать и реализоваться только в рамках уголовно-правового отношения, субъектами которого являются, с одной стороны, лицо, совершившее преступление, а с другой стороны – государство в лице уполномоченного им органа – суда [1].

Существует несколько точек зрения на природу уголовной ответственности. Одни ученые высказывают мнение, что уголовная ответственность – это обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры государственного принуждения (Я.М. Брайнин, М.П. Карпушин, В.И. Курляндский) [2].

Данная точка зрения не является бесспорной, так как получается, что ответственность – это только обязанность претерпевать меры, назначенные судом, а фактическое наказание за нарушение, порицание виновного, последствия соответствующих решений суда не являются уголовной ответственностью. Поэтому прав С.Н.

Братусь, который писал: «Ответственность – это уже исполнение под принуждением обязанности. Обязанность может быть исполнена или не исполнена, но когда наступает ответственность, то есть приводится в действие аппарат принуждения, выбора у ответственного лица нет, – оно не может не выполнить действий (или бездействия), составляющих содержание реализуемой обязанности» [3].

Другая позиция состоит в том, что уголовная ответственность и наказание тождественны (И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин [4]). В данном случае уголовная ответственность рассматривается как применение санкции. Такое понимание уголовной ответственности соответствует развитию уголовного права в XIX в. Сегодня же уголовный закон разделяет эти категории, различая освобождение от уголовной ответственности и от наказания (ч. 2 ст. 84 УК РФ).

Некоторые ученые отрицают наличие позитивной уголовной ответственности. Другие же утверждают, что изначально уголовная ответственность возникает как позитивное явление, а ретроспективную уголовную ответственность следует рассматривать как нетипичную форму реализации позитива. Часть ученых признают единую природу уголовной ответственности, включающую и позитивные, и негативные начала.

Наказание является главным элементом уголовной ответственности. Кроме наказания в ответственность входят такие элементы, как порицание деяния виновного лица, которое выражается даже самим фактом вынесения обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу. В приговоре от имени государства дается оценка содеянного как преступления, а лица, его совершившего, как преступника. Обвинительный приговор, независимо от вида наказания, оказывает моральное воздействие на преступника, имеет преюдициальное воздействие в вопросах возмещения материального ущерба в рамках гражданского иска, при привлечении к административной ответственности.

Многие из авторов называют в качестве элемента уголовной ответственности судимость, так как судимость имеет для лица значительные правовые последствия, в том числе связанные с ограничением прав. Судимые люди не могут работать в правоохранительных органах, органах государственной власти, им не выдается лицензия на приобретение огнестрельного оружия, судимость ведет к признанию рецидива и т.д.

К компонентам уголовной ответственности ряд ученых относят также принудительные меры воспитательного воздействия и принудительные меры медицинского характера [5]. Другие ученые считают, что принудительные меры медицинского характера не относятся к мерам уголовной ответственности, поскольку главная их цель – медицинская (излечить человека), а не карательная и не воспитательная. Подобные меры назначаются лицам невменяемым, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, либо применяются к алкоголикам, наркоманам. В случаях, если такие меры применяются к невменяемым лицам, ни о каком возложении ответственности говорить вообще не приходится, так как преступник в данном случае не способен понимать характер и конечную цель назначенных мер.

Некоторые авторы высказывают позицию, что принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия не являются мерами уголовного характера, поскольку не имеют уголовно-правовой природы и их применение не влечет изменения уголовно-правового статуса личности [6].

Подобный подход вызывает сомнение по нескольким причинам. Во-первых, если исключить меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия из числа мер уголовно-правового характера, то не понятно о каких «иных мерах уголовно-правового характера за совершение преступлений» говорится в ч. 2 ст. 2 УК РФ. Получается, что такой мерой является только конфискация имущества, а до 27.07.2006 г. таких мер вообще не существовало. Во-вторых, в качестве

основания применения данных мер всегда рассматривается правонарушающее поведение.

Таким образом, принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия являются, наряду с наказанием, своеобразной формой реализации уголовной ответственности. Данные меры в законодательстве определены как «иные меры уголовно-правового характера», в литературе к ним относятся также условное осуждение, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Федеральным законом № 153-ФЗ от 27.07.2006 г. к таким мерам отнесена также конфискация имущества, ранее (до 8 декабря 2003 г.) существовавшая в Уголовном кодексе как самостоятельный вид уголовного наказания.

По основаниям применения меры уголовно-правового характера можно разделить на две группы:

1) меры, применяемые за совершение преступлений, т.е. меры, являющиеся реализацией уголовной ответственности;

2) меры, не связанные с уголовной ответственностью, применяемые по иным основаниям.

Например, принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия могут выступать в качестве формы реализации уголовной ответственности. Основанием их применения является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ч. 2 ст. 99 и ч. 1, 2 ст. 92 УК РФ). Они же могут применяться к лицам, совершившим преступления, по иным основаниям – при освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних (ч. 1 ст. 90 УК РФ) и освобождении от наказания лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания (ч. 1 ст. 81). Следовательно, понятие «мера уголовно-правового характера» является более общим по отношению к понятию «форма (мера) реализации уголовной ответственности».

Уголовную ответственность некоторые ученые понимают как уголовно-правовое отношение в целом. При этом момент начала уголовного правоотношения связывают с моментом вынесения судом обвинительного приговора [7]. Другая точка зрения – моментом возникновения уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния – преступления. И не только потому, что в этот момент возникает уголовно-правовое отношение между лицом, совершившим преступление, и государством, но и потому, что именно на этот момент органы следствия и суд устанавливают наличие всех признаков состава преступления в совершенном деянии, рецидива преступлений и других обстоятельств, имеющих важное значение для обоснованного привлечения лица к уголовной ответственности, правильной квалификации его деяний и назначения справедливого наказания.

Мы поддерживаем господствующую в науке позицию, согласно которой уголовное правоотношение как комплекс прав и обязанностей возникает с момента совершения преступления, где преступление – юридический факт, это правоотношение порождающий. Уголовная ответственность реализуется в рамках правоотношения, но не совпадает с ним по содержанию, поскольку один из субъектов правоотношения – преступник – с момента возникновения правоотношения наделяется обязанностью претерпевать от государства, а ответственность, как указывалось ранее, состоит не в обязанности, а в фактическом претерпевании.

Ответственность составляет часть правоотношения и начинается со вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Заканчивается правоотношение в тот же момент, что и уголовная ответственность, при погашении или снятии судимости.

В современной литературе можно выделить две основные позиции относительно сущности уголовного правоотношения. Первая заключается в том, что уголовным правоотношением признаются отношения между государством и лицом, совершив-

шим преступление, у ряда авторов оно обозначается как охранительное уголовное правоотношение. Вторая позиция опирается на то, что уголовные правоотношения помимо охранительной выполняют еще и регулятивную функцию и возникают между государством, с одной стороны, и любым и каждым, к кому обращен уголовный запрет, с другой. Рассмотрим аргументы обеих сторон.

М.П. Карпушин и В.И. Курляндский, настаивая на существовании регулирующей функции уголовного правоотношения, утверждают: «Юридическая норма без принуждения ничто. Сила юридической нормы заключается не только в моральном ее авторитете, но и в авторитете иногда более высоком – возможности ответственности за ее несоблюдение. Без этого «регулирующая» часть нормы становится бессильной. Санкция, ответственность делают норму обязательной… Норма поведения эффективна постольку, поскольку установлена ответственность за ее несоблюдение. Поэтому нельзя полагать, что только часть нормы (устанавливающая права и обязанности) регулирует общественные отношения, а часть нормы, предусматривающая ответственность за ее несоблюдение, не регулирует общественные отношения. Данное обстоятельство относится к любой правовой норме, к любой отрасли права» [8].

Долгое время считалось, что уголовный закон предусматривает ответственность за нарушение обязанностей, предусмотренных другими отраслями права; что уголовный закон не определяет права и обязанности участников отношений, а значит, не регулирует, а только охраняет их. Однако, как утверждают авторы, такие обязанности, как обязанность оказать помощь лицу, находящемуся в беспомощном состоянии, обязанность не убивать, не наносить побои и другие, содержатся только в уголовном кодексе. Таким образом, устанавливая правовые запреты и предусматривая наказание за их несоблюдение, уголовный закон в значительной степени регламентирует поведение людей, т.е. обладает регулирующей функцией.

Аргументы М.П. Карпушина и М.П. Курляндского являются спорными. Уголовный закон охраняет правоотношения, возникающие между их участниками, но обязанности правомерного поведения установлены не только уголовным кодексом, но и другими нормативными актами. В частности, такие обязанности, как не убивать, не наносить побои, не грабить, являются корреспондирующими по отношению к абсолютному праву человека на жизнь (ст. 20 Конституции РФ), на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), на частную собственность (ст. 35 Конституции РФ) и др. Обязанность оказывать помощь больному вытекает из должностных обязанностей медицинских работников и клятвы Гиппократа, которую дает каждый выпускник медицинского учебного заведения. Часто обязанность оказать помощь предусмотрена различными нормативными актами (правила дорожного движения, инструкции по технике безопасности и т.д.).

Если же принять существование регулирующего уголовного правоотношения, то каждый гражданин России, а также иностранец, апатрид, проживающие на территории России, в любой момент времени находятся в перманентном уголовном правоотношении с государством, регулирующим их поведение. Данная позиция ведет к признанию того, что государство постоянно вмешивается в жизнь человека, даже при правомерном и законопослушном его поведении, что является грубым нарушением одного из основных принципов правового государства, заключающегося в минимальном вмешательстве государства и жизнь человека.

Более обоснованной является позиция тех авторов, которые настаивают на существовании лишь охранительно уголовно-правового отношения. Если запрет, установленный уголовно-правовой нормой, нарушен, то государство имеет право и обязано принять меры к восстановлению нарушенных общественных отношений. Во всех остальных случаях реализация (соблюдение) уголовно-правового запрета не связана с возникновением каких-либо правовых отношений.

Следующая точка зрения на природу уголовной ответственности предлагает рассматривать как уголовную ответственность само государственно-принудительное воздействие. В этом случае меры уголовно-процессуального принуждения на предварительном следствии следует признать элементом уголовной ответственности [9]. Ряд авторов предлагают рассматривать в качестве государственно-принудительного воздействия только возложенное по приговору суда и состоящее в осуждении, назначении наказания и судимости либо только в осуждении без наказания и без судимости [10].

Данная точка зрения подтверждается следующими доводами: процедура предварительного расследования занимает определенное время, а обвинение лица в совершении преступления влечет для него определенные правоограничения в течение этого времени, которые часто по характеру и длительности сравнимы с наказанием. Наиболее суровой является мера пресечения в виде заключения под стражу.

Другие меры пресечения (залог, домашний арест, подписка о невыезде) или процессуального принуждения (привод обвиняемого в случае неявки по неуважительной причине, наложение ареста на имущество, денежное взыскание) также существенно ограничивают права обвиняемого лица. Проводимые в ходе следствия действия (допросы, обыск, выемка, контроль и запись переговоров и т.д.) также известным образом ограничивают права лица.

Срок содержания под стражей на предварительном следствии может быть продлен на период до полутора лет (ч. 3 ст. 109 УПК РФ), тогда как минимальное наказание в виде лишения свободы составляет по ч. 2 ст. 56 УК РФ два месяца. Наконец, ч. 3, 4 ст. 72 УК РФ предусматривает необходимость зачета меры пресечения в виде содержания под стражей в назначенное наказание, а ч. 6 ст. 302 УПК РФ обязывает суд в случае равенства этих сроков вынести обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания.

Основываясь на приведенных положениях, немало ученых усматривают уголовную ответственность уже при привлечении лица в качестве обвиняемого (работы О.А. Леста, Я.М. Брайнина, М.П. Карпушина и др.). Однако существенность правоограничений, связанных с осуществлением уголовного преследования, ещё не может приниматься в качестве доказательства обоснованности изложенных суждений.

Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком – путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты (ст. 11 Всеобщей Декларации прав человека от 10.12.1948 г.).

Поэтому точка зрения о том, что уголовная ответственность – это само государственно-принудительное воздействие, противоречит Конституции РФ и признанным Россией международным правовым актам. Меры пресечения, следственные действия не являются компонентами уголовной ответственности, поскольку преследуют другие цели.

Цели меры пресечения закреплены в ст. 97 УПК РФ – это пресечение совершения лицом нового преступления или продолжения преступной деятельности, обеспечение расследования преступления, обеспечение в дальнейшем вынесения приговора по делу, обеспечение безопасности участников процесса. Цель проведения следственных действий – объективное установление обстоятельств совершения деяния, что позволит вынести справедливый приговор. Цель мер процессуального принуждения (ч. 1 ст. 111 УПК РФ) – обеспечение законного порядка судопроизводства, обеспечение исполнения приговора.

Ю.М. Ткачевский приводит следующий аргумент против признания огра-

ничений прав лица на предварительном следствии мерами ответственности – это возможность вынесения судом оправдательного приговора. В таком случае возникнет вопрос: за что лицо несло уголовную ответственность во время предварительного следствия?

Следует отметить, что всесторонний анализ обозначенных позиций на понятие уголовной ответственности уже не раз проводился в науке, приверженцы различных концепций уголовной ответственности вносят в каждое направление определенное разнообразие, нюансы, что несомненно, с одной стороны, обогащает теорию уголовной ответственности, а с другой – делает ее объемной, отделяет от потребностей практики.

Наказание и некоторые «иные меры уголовно-правового характера» являются формой реализации уголовной ответственности. Уголовная ответственность, в свою очередь, является средством реализации уголовной политики, средством борьбы с преступностью, предусмотренным уголовным законом.

Литература

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций // Под ред. А.И. Рарога, Г.А. Есакова, А.И. Чучаева, В.П. Степалина. – М.: Проспект, 2007. – С. 82.

2. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском праве. – М., 1963. – С. 25; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М., 1984. – С. 39.

3. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М., 1976. – С. 103.

4. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М., 1971. – С. 69.

5. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. – Минск, 1976. – С. 17.

6. Звечаровский М. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. – 1999. – № 3. – С. 35.

7. Казаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. – Томск, 1987. – С. 45.

8. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 12.

9. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб., 2003. – С. 36.

10. Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 39.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Макаров А.В., д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Забайкальского государственного университета
Служ. тел.: (3022) 41-73-49

A. Makarov, Doctor of Juridical Sciences, professor, dean of law faculty, Zabaikalsky State University

Научные интересы: уголовная ответственность и наказание

Scientific interests: criminal liability and punishment

УДК 343.621

Михайличенко Сергей Игоревич
Sergey Mikhaylichenko

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ОТНОШЕНИЯ К ПРОБЛЕМЕ НЕБЕЗОПАСНОГО АБОРТА СРЕДИ СТУДЕНТОК г. ЧИТА

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR AND ATTITUDE TO THE PROBLEM OF UNSAFE ABORTION AMONG FEMALE STUDENTS OF CHITA CITY

Изложены положения, касающиеся формулировки самопроизвольных и искусственных, безопасных и криминальных абортов. Объясняются значения таких понятий, как «аборт», «самопроизвольный выкидыш», «преждевременные роды». Проведен криминологический анализ репродуктивного поведения студенток г. Чита. Представлены данные анонимного интервьюирования студенток различных учебных заведений г. Чита. Определено отношение к проблеме небезопасного аборта. Предложено расширение перечня признаков незаконного производства аборта в Уголовном кодексе РФ

Ключевые слова: *криминология, репродуктивное поведение, небезопасный аборт, студентки*

The concepts of abortion, spontaneous abortion, premature birth are discussed in the article. Criminological analysis of reproductive behavior of students of Chita city is given. In work the data of anonymous interviewing of students of various educational institutions of Chita city is presented. The relation to the problem of illegal manufacture of abortion is defined. Expansion of the list of signs of illegality of abortion in the Criminal code of the Russian Federation is offered

Key words: *criminology, reproductive behaviour, unsafe, abortion, students*

Как известно, жизнь – это процесс, имеющий свои пределы – начало и конец. В силу того, что от начала жизни и до смерти человек является носителем защищаемых законом прав и обязанностей, вопрос определения начала жизни является одним из самых актуальных.

Здоровье нации определяется, прежде всего, здоровьем лиц детородного возраста, их способностью к воспроизводству потомства и его качеством. Репродуктивное здоровье – приоритетная проблема для всех стран мира в области здравоохранения [8]. У государства существуют свои демографические интересы, но личность имеет право самостоятельно выбирать – участвовать ей в репродуктивных процессах или избежать этого участия.

Прерывание беременности до его естественного завершения называется, в зависимости от его срока, абортом или преждевременными родами.

Точное определение понятия “аборт” необходимо не только с чисто теоретических позиций понимания криминального аборта, но и в плане правильного определения всей совокупности признаков аборта, что важно для решения вопроса об уголовной ответственности за незаконный аборт. В связи с этим представляет интерес срок прерванной беременности и связанная с этим жизнеспособность плода, его способность к самостоятельному существованию вне утробы матери. К сожалению, этим вопросам в юридической литературе не уделяется должного внимания. Так, в юри-

дической науке под абортом понимается «искусственное прерывание беременности» [5]. При этом не указывается временной или какой-либо границы, за пределами которой умерщвление плода нельзя считать абортом.

Решение этой проблемы может быть удачным лишь при использовании юристами положений современной медицинской науки. В медицинской литературе под абортом понимается не только искусственное, но и самопроизвольное прерывание беременности, а само понятие «аборт» отличается от понятия «преждевременные роды». Если под абортом понимается прерывание беременности до наступления 28-недельного срока, то ее прерывание после этого срока уже оценивается как преждевременные роды [12].

Указанное различие аборта и преждевременных родов представляет правовой интерес, поскольку искусственное прерывание беременности после 28 недель не может отождествляться по степени общественной опасности с более ранним прерыванием беременности [11].

Представляет интерес и классификация абортов по характеру их возникновения. По этому критерию они делятся на две основные группы: самопроизвольные и искусственные [9].

В медицинской литературе употребляется и такое понятие, как «самопроизвольный выкидыш», отождествляемый с абортом, под ним понимается преждевременное прерывание беременности, которое происходит помимо воли и намерения женщины, без содействия ее самой или другого лица [10]. Имеется и другое определение этого понятия, быть может, не имеющее значения для медика, но не безразличное для юриста, а именно: прекращение беременности, которое имеет своей причиной изменения как в самом развивающемся яйце, так и в организме матери [4].

В юридическом аспекте указанное понятие представляется более содержательным, поскольку именно это определение позволяет отграничить криминальный аборт от самопроизвольного. Ведь и криминальный аборт также результат заболевания матери или плода, хотя и вызванное теми или иными механическими или химическими агентами, в результате действий, образующих объективную сторону криминального аборта.

Из 210 млн ежегодно возникающих беременностей около 46 млн (22 %) заканчиваются искусственными абортами, а во всем мире подавляющее большинство женщин, как правило, имеют в своем анамнезе хотя бы один аборт к тому времени, когда им исполняется 45 лет (New York and Washington DC, The Alan Guttmacher Institute, 1999).

По числу абортов Россия занимает одно из первых мест в мире, совершается их более 3,5 млн в год. Удельный вес внебольничных абортов составляет 15,8...80 % от общего числа зарегистрированных [2]. Острой проблемой продолжают оставаться криминальные аборты, составляя, по одним данным, 20...40 % от всех регистрируемых случаев прерывания беременности [3]. Другие исследователи предполагают, что примерно половина абортов, производимых в мире, до сих пор делается нелегально [7]. Распространенность криминального аборта трудно поддается изучению, так как большинство больных, поступающих в стационары, скрывают преднамеренное вмешательство и учитываются как внебольничные аборты невыясненной этиологии. К криминальным абортам чаще прибегают подростки, молодые женщины, не состоящие в браке, а также сельские жительницы. Проблема абортов также актуальна и для Забайкальского края. Количество их остается на высоком уровне. Озабоченность вызывают как медицинские последствия абортов – материнская заболеваемость, нередко приводящая к бесплодию, и смертность, так и морально-правовые – проблемы его допустимости на разных сроках беременности и законодательной регламентации [6].

Вопрос об аборте – это часть вопроса о репродуктивном здоровье, репродуктивном выборе и репродуктивных правах человека. Подлинным социальным злом являются последствия аборта для женщины. Ежегод-

но в мире от них гибнет около 70 тыс. женщин.

Остается актуальным проблема нормативно-правового регулирования вопроса безопасного и криминального аборта, в связи с несовершенством нормативно-правовой базы законодательства Российской Федерации.

Для анализа данных вопросов необходимо выявить особенности сексуального, репродуктивного поведения и отношение к проблеме небезопасного аборта среди студенток различных учебных заведений г. Чита.

Для этого следовало провести анонимное интервьюирование студенток различных учебных заведений Читы; выявить значимые особенности гендерного поведения в изучаемых группах; проанализировать существующую нормативно-правовую базу, регламентирующую проблему небезопасного и криминального аборта.

Проведено анкетирование девушек-студенток старших курсов Забайкальского горного колледжа (ЗГК), Читинской государственной медицинской академии (ЧГМА), Забайкальского института предпринимательства (ЗИПСибУПК), Читинского государственного университета (ЧГУ), Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЗабГГПУ), Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права (ЧИБГУЭП).

Опрос проводился анонимно методом самозаполнения анкет, состоящих из 27 вопросов. Статистической обработке подвергнуто по 50 анкет от каждого учебного заведения. Общее число респондентов составило 300 человек.

При оценке результатов анализа анонимного анкетирования нами выявлены следующие данные. Наибольшее число опрошенных в вузах начинали жить половой жизнью в возрасте 17...19 лет, а сексуальные отношения в возрасте 20...23 лет имеют 80 % девушек-студенток. В ЗГК 70 % студенток живут половой жизнью с 15...16 лет, т.е. имеет место раннее начало половой жизни.

Число девушек, имевших в анамнезе хотя бы одну беременность, достаточно высоко во всех изучаемых группах, и в среднем составило 12 %. Статистические отличия выявлены только в медицинской академии, где данный показатель 22 %.

В ЗГК 66 % беременностей закончились абортами.

В вузах показатели были ниже, однако оставались на достаточно высоком уровне и составили: 36,6 % в ЧГМА; 41,6 % в ЗИПСибУПК; по 33,3 % в ЧитГУ и ЗабГГПУ; 42,8 % в ЧИБГУЭП.

Во всех случаях причиной абортов среди студенток вузов явилась учеба, и аборт производился на сроке до 12 недель. Студентки же ЗГК в 20 % указали на недостаток денежных средств, в 30 % случаев на нежелание иметь детей; 6 % девушек ЗГК делали аборт после 12 недель.

Анализ методов контрацепции показал, что наибольшее число респондентов во всех учебных заведениях использовали барьерные методы – в среднем 60 % студенток, комбинированные оральные контрацептивы принимали в среднем 26 % студенток в вузах, против 8 % – в ЗКГ. Не использовали контрацепцию в среднем 14 % девушек всех вузов и 32 % в ЗКГ.

На вопрос «Почему не пользовались методами контрацепции?» 20 % ответили, что нет материальных возможностей, 6 % – не знакомы с методами контрацепции; 74 % – затруднились с ответом.

Вопрос планирования ребенка остается особо актуальным. В каждом учебном заведении остается высоким показатель девушек, отрицающих рождение ребенка – 30 % в ЧитГУ; 22 % в ЗГК; 20 % в ЧИБГУЭП; 18 % в ЗабГГПУ; 17 % в ЗИПСибУПК и 16 % в ЧГМА.

Не знают, что будут делать в случае беременности – 44, 14, 51, 32, 24, 18 % соответственно в ЗГК, ЧГМА, ЗИПСибУПК, ЧГУ, ЗабГГПУ, ЧИБГУЭП.

Что касается вопроса о небезопасном аборте, то принимали не сертифицированные препараты производства КНР 2 % студенток в ЗГК; 4 % в ЧГМА; 4 % в ЗИПСибУПК; 6 % в ЧитГУ; 2 % в ЧИБГУЭП.

В 98 % данный препарат девушкам советовали применять подруги и знакомые, в 2 % случаев – половой партнер.

Несмотря на то, что отношение к проблеме небезопасного аборта в большинстве случаев негативное (80 %), достаточно высокая доля респондентов затрудняется ответить, будут ли принимать данные препараты в будущем – 18 % в ЗГК; 6 % в ЧГМА; 15 % в ЗИПСибУПК; 8 % в ЧитГУ; 12 % в ЗабГГПУ; 14 % в ЧИБГУЭП.

Специалисты утверждают, что операция медикаментозного аборта должна производиться в оптимальные сроки, обязательно в медицинском учреждении, высококвалифицированным врачом при адекватном обезболивании и с обязательным последующим назначением послеоперационной реабилитации.

Тем не менее, в многочисленных объявлениях предлагаются услуги по производству аборта нехирургическими методами, а также с использованием несертифицированных препаратов. Однако большинство из этих методов не регламентированы Минздравом РФ, т.е. незаконны.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена существованием пробела в регламентации незаконного производства аборта в современном российском уголовном законодательстве.

При анализе нормативно-правовой базы установлено, что данный вопрос регламентируется Конституцией РФ, Основами законодательства «Об охране здоровья граждан», Уголовным кодексом (ст. 123, 235), в которых, в частности, прописываются санкции в результате производства незаконного аборта, занятия частной фармацевтической деятельностью, создающих опасность для жизни или здоровья женщин.

В диспозиции ст. 123 УК РФ, описывающей незаконный аборт, устанавливается всего один конструктивный признак – это производство операции лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Следовательно, можно прийти к выводу, что не является незаконным аборт, произведенный лицом, имеющим соответствующее медицинское образование, но в не надлежащих условиях, а равно в нарушение медицинских и социальных показаний (в том числе и на поздних сроках беременности).

Таким образом, расширение перечня признаков незаконности аборта в Уголовном кодексе РФ просто необходимо.

Подводя итог сказанному, представляется целесообразным предложить следующую редакцию ч. 1 ст. 123 УК РФ «Незаконное производство аборта»: «Производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, а равно в ненадлежащих условиях или с нарушением медицинских и социальных показаний».

Нельзя умалять и нравственное значение рассматриваемой проблемы: «допущение» уголовным законом подобных «операций» в определенной степени способствует формированию решимости беременной матери на фактическое убийство ребенка, внушает мысль о нормальности, естественности этого акта.

Высокий процент студенток г. Чита (в среднем 20 %) не желают иметь ребенка. У каждой второй студентки ЗГК первая беременность закончилась абортом; в вузах – у каждой третьей. С целью прерывания беременности 3 % девушек используют нелегальные препараты, что неизбежно приводит к снижению репродуктивного здоровья молодежи. Несертифицированные препараты производства КНР для прерывания беременности являются общедоступным средством, прием которых, несомненно, увеличивает показатели гинекологической заболеваемости.

Рассмотрев специфику данного преступления, незаконное производство аборта можно отнести к так называемым «преступлениям без жертв», поскольку оно включает согласие самой потерпевшей.

С виктимологической точки зрения незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ) – преступление специфичное:

а) жертвой (потерпевшей) может быть только женщина;

б) жертва всегда добровольная;

в) жертва всегда активная (сознатель-

ный подстрекатель).

Исключения в плане активности и добровольности крайне редки.

Причинами того, что показатель абортов ни в одной стране мира еще не снижался до нуля, являются низкий уровень жизни и образования, недостаточное распространение эффективных методов контрацепции, высокая частота насилия в отношении женщин, в том числе бытового и во время вооруженных конфликтов, изменение обстоятельств, которые могут превратить желанную беременность в нежелательную (развод, потеря супруга, тяжелая болезнь и т.п.).

В случаях, когда аборт не противоречит закону, системы здравоохранения должны заниматься подготовкой медицинских работников, предоставлять в их распоряжение все необходимое и принимать другие меры с целью обеспечить безопасность и доступность таких абортов (Организация Объединенных Наций, 1999 г., п. 63). По определению ВОЗ (1992), небезопасный аборт это «процедура прерывания нежелательной беременности лицами, не владеющими необходимыми навыками, или происходящая в условиях, не удовлетворяющих минимальным медицинским стандартам, или наличие и того, и другого». Около половины ежегодно выполняемых искусственных абортов в мире считаются небезопасными, с ними же ежегодно связаны примерно 13 % случаев материнской смертности [1].

С учетом перечисленного целесообразно сформулировать следующие практические рекомендации:

1) сведение к минимуму частоты нежелательной беременности и, следовательно, таких ситуаций, когда возникает необходимость в аборте, за счет распространения высококачественной информации по вопросам планирования семьи и предоставления соответствующих услуг, включая неотложную контрацепцию;

2) создание благоприятных условий для того, чтобы каждая женщина, имеющая право на аборт, пользовалась свободным доступом к службам по выполнению безопасного аборта.

Особое внимание следует уделить профилактической работе медицинских кабинетов в учебных заведениях.

Литература

1. Безопасный аборт: рекомендации для систем здравоохранения по вопросам политики и практики // Всемирная организация здравоохранения, 2004. – 138 с.

2. Бодрова В.И. Репродуктивные ориентации населения России // ВЦИОМ Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. – 2005. – № 3 (29). – С. 47-50.

3. Гентер Г.Г. Учебник акушерства: перераб. и доп. – М., 2005. – С. 433.

4. Дуда В.И. Гинекология: учеб. пособие. – Минск, 2006. – С. 360.

5. Комментарий к УК РФ // под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 2004. – С. 150-151.

6. Кругликова Л.Л. Уголовное право России. Часть особенная. – М., 2008. – С. 87-88.

7. Кулаков В.И. Пренатальная медицина и репродуктивное здоровье женщины // Акушерство и гинекология. – 2007. – № 5. –С. 19-22.

8. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть: перераб. и доп. – Т. 1. – М., 2005. – С. 614.

9. Популярная медицинская энциклопедия. – М., 2006. – С. 7-8.

10. Роткина И.Е. Медико-демографические аспекты криминального аборта // Здравоохранение Российской Федерации. – 2007. – № 10. – С. 16-18.

11. Томилин В.В. Руководство по судебной медицине // под ред. В.В. Томилина, Г.М. Пашинян. – М., 2005. – С. 30.

12. Хаскин С.Г. Указ. соч. // Популярная медицинская энциклопедия. – М., 2008. – С. 7-8.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Михайличенко С.И., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Тел.: 8-914-443-34-83

S. Mikhaylichenko, post-graduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: уголовное право и криминология, репродуктивная сфера человеческой жизни

Scientific interests: criminal law and criminology, reproductive sphere of human life

Психологические науки

УДК 159.9.072.432

Кайдина Марина Сергеевна
Marina Kaydina

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКИХ ССУЗОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

SOCIAL INTELLECT AND EMOTIONAL BURN-OUT OF MEDICAL COLLEGES' TEACHERS OF ZABAIKALSKY KRAI

Рассматривается социальный интеллект как ресурс преодоления эмоционального выгорания преподавателей средних специальных учебных заведений. Исследуется взаимосвязь социального интеллекта и эмоционального выгорания

Ключевые слова: *преподаватели ссузов, социальный интеллект, эмоциональное выгорание, стрессоустойчивость*

The subject matter of our paper is social intellect as a factor of resistance to stress in occupational activities of college lecturers. The question of connection between social intellect and emotional burn-out is examined

Key words: *college lecturers, social intellect, emotional burn-out, resistance to stress*

Социальный интеллект – способность правильно понимать свое поведение и поведение других людей. Эта способность необходима для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации. Социальный интеллект реализует познавательные процессы, связанные с отображением социальных объектов – человека как партнера по общению и деятельности, а также группы людей. Уровень развития социального интеллекта во многом определяет особенности взаимодействия в группе и формирования коллектива.

Особую актуальность проблема социального интеллекта приобретает у преподавателей как профессионалов, деловая и межличностная коммуникация которых занимает значительную часть рабочего времени. В список профессионально важных качеств (ПВК) личности преподавателя социальный интеллект не включен, хотя опосредованно это понятие присутствует в виде компетентности, общительности, эффективности взаимодействия с людьми и т.д. [1].

В развитие понятия «социальный интеллект» внесли свой вклад такие зарубежные психологи, как Э. Торндайк, Г. Олпорт, Г. Айзенк, Х. Гарднер, Дж. Гилфорд, Р. Стернберг, Р. Селман, Н. Кэнтор и Дж. Кильстром. Среди отечественных ученых следует выделить Н.А. Аминова, Ю.Н. Емельянова, М.Л. Кубышкину, Н.А. Кудрявцеву, В.Н. Куницыну, Е.С. Михайлову, М.В. Молоканова, Л.И. Уманского, А.Л. Южанинову, Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина и др. [2; 3; 4; 5; 6].

Особое значение социальный интеллект приобретает в таких видах профессиональной деятельности, где происходит постоянное взаимодействие между людьми.

Еще один аспект социального интеллекта – его влияние на выбор человеком жизненных сфер самореализации и успешность человека в профессиональных видах деятельности, которая зависит от эффективности социального взаимодействия, непосредственно связанной с уровнем развития социального интеллекта. С другой стороны, невозможность успешной самореализации может стать основанием для развития различных негативных проявлений, к числу которых можно отнести и профессиональное выгорание.

Термин «эмоциональное выгорание» предложен американским психиатром Джорджем Х. Фрейденбергом в 1974 г. [7].

Синдром эмоционального выгорания проявляется в:

а) чувстве безразличия, эмоционального истощения, изнеможения (человек не может отдаваться работе так, как это было прежде);

б) дегуманизации (развитии негативного отношения к своим коллегам и клиентам);

в) негативном самовосприятии в профессиональном плане – недостаток чувства профессионального мастерства.

Синдром профессионального выгорания относится к числу феноменов *личностной деформации* и является неблагоприятной реакцией на рабочие стрессы, включающей психологические, психофизиологические и поведенческие компоненты [8].

По мнению автора методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко, эмоциональное выгорание – это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия. Эмоциональное выгорание представляет стереотип эмоционального, чаще всего профессионального проведения. Выгорание – отчасти функциональный стереотип, поскольку позволяет человеку дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. В то же время могут возникать и дисфункциональные следствия, когда выгорание отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и отношениях с партнерами.

В настоящее время определен широкий круг профессионалов, склонных к эмоциональному выгоранию. И первое место в этом списке занимают преподаватели. Кроме того, в «группе риска» находятся психологи, психиатры, социальные работники, полицейские, тюремный персонал, медицинские работники, юристы, политики, работники сферы обслуживания, журналисты, люди искусства, нижнее звено торгового персонала, инженеры высшего звена, медицинские работники, менеджеры всех уровней [9].

Запускающий механизм профессионального выгорания обусловлен не столько внешними факторами, сколько внутренним миром конкретного человека. Это состояние первично возникает в «душе» из-за недостатка психологической гибкости, духовного потенциала в усложнившихся условиях. Только эмоционально зрелые, духовно богатые, целостные личности в состоянии справляться с выгоранием [10].

Ресурсы преодоления выгорания могут быть рассмотрены в аспекте такой базовой характеристики личности, как стрессоустойчивость. Сохранение или повышение стрессоустойчивости личности связано с поиском ресурсов, помогающих ей в преодолении негативных последствий стрессовых ситуаций. Под *ресурсами* понимаются внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях [11].

Основным психологическим качеством, обеспечивающим стрессоустойчивость, является уровень личностной зрелости специалиста. Здесь подразумевается степень осознавания себя, способность брать на себя ответственность, принимать решения и делать выбор, умение строить гармоничные взаимоотношения с другими людьми, открытость изменениям и принятие своего и чужого опыта во всем его разнообразии. Истоки профилактики синдрома эмоционального выгорания лежат

в позитивном и ответственном отношении не только к своей профессии, но и к себе и собственной жизни [12]. Все эти характеристики имплицитно входят в понятие *«социальный интеллект»*. В связи с этим *цель* нашего исследования предполагала выявление и анализ взаимосвязи социального интеллекта и особенностей выгорания преподавателей ссузов.

Гипотеза строится на предположении о том, что социальный интеллект можно представить как профессионально значимое *системное* качество преподавателей ссузов. Также мы предположили, что эмоциональное выгорание специалистов будет тем более выражено, чем ниже уровень социального интеллекта.

Экспериментальной базой для данного исследования стали медицинские средние специальные учебные заведения Забайкальского края: Читинский медицинский колледж, Краснокаменский медицинский колледж, Петровск-Забайкальское медицинское училище, Агинское медицинское училище. В эксперименте приняли участие 138 преподавателей.

В результате диагностики социального интеллекта получены следующие данные: низким уровнем развития социального интеллекта обладают 3,62 % респондентов, уровень ниже среднего показали 50,36 % преподавателей, средним уровнем развития социального интеллекта обладают 45,29 % и, наконец, уровень выше среднего показали 0,72 % опрошенных. Категория преподавателей, показавших высокий социальный интеллект, в данном исследовании отсутствует (рис. 1).

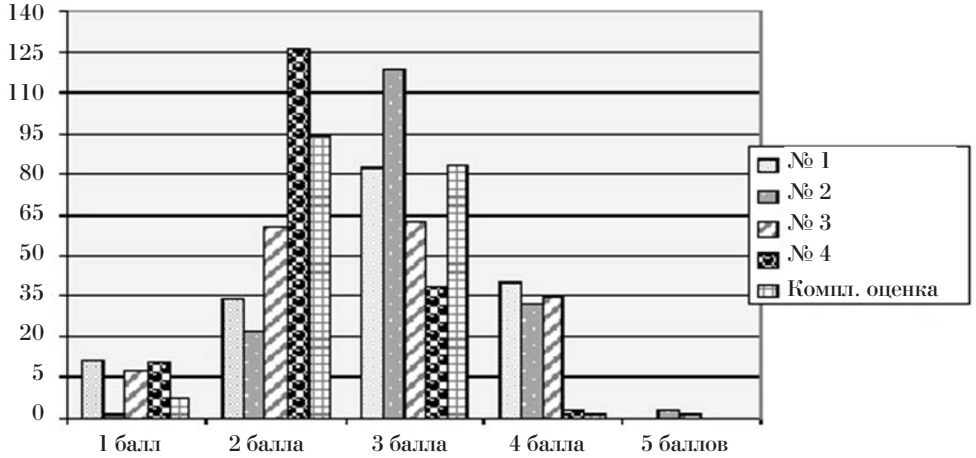


Рис. 1. Результаты диагностики социального интеллекта преподавателей медицинских ссузов Забайкальского края

Наилучшим образом респонденты справились с субтестом № 2 – «Группы экспрессии» и субтестом № 1 «Истории с завершением» (рис. 2). Такие данные говорят о том, что эта группа преподавателей способна правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, мимике, позам, жестам. Чувствительность к невербальной экспрессии существенно усиливает способность понимать других. А также эта группа респондентов умеет предвидеть последствия поведения, способна предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения (семейного, делового, дружеского), предсказывать события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации. Такие люди умеют четко выстраивать стратегию собственного поведения для достижения поставленной цели. Успешное выполнение этих субтестов предполагает умение ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия и знание моделей и правил, регулирующих поведение людей.

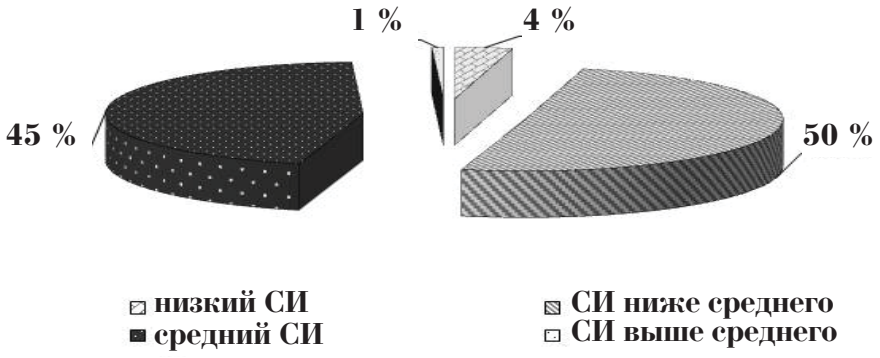


Рис. 2.

Самым сложным из субтестов оказался № 4 «Истории с дополнением». Данный субтест оценивает способность распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике: умение анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимание логики их развития. Путем логических умозаключений респонденты с высокими показателями по субтесту № 4 могут достраивать неизвестные, недостающие звенья в цепи взаимодействий людей, предсказывать, как человек поведет себя в дальнейшем, отыскивать причины определенного поведения.

Диагностика уровня эмоционального выгорания по методу В. В. Бойко позволяет диагностировать ведущие симптомы эмоционального выгорания и определить, к какой фазе развития стресса они относятся: напряжения, резистенции, истощения.

Результаты диагностики уровня эмоционального выгорания преподавателей ссузов представлены в таблице.

Результаты диагностики эмоционального выгорания преподавателей ссузов

Фазы	Симптомы выгорания	Кол-во преподавателей
Напряжение	переживание психотравмирующих обстоятельств	41
	неудовлетворенность собой	10
	ощущение загнанности в клетку	13
	тревога или депрессия	26
Резистенция	неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	65
	эмоционально-нравственная дезориентация	18
	расширение сферы экономии эмоции (избегание ситуаций, проявления эмоций, участия, сопереживания)	92
	редукция профессиональных обязанностей	62
Истощение	эмоциональный дефицит	14
	эмоциональная отстраненность	10
	личностная отстраненность (деперсонализация)	12
	психосоматические и психовегетативные нарушения	26

В стадии эмоционального выгорания находятся 52 преподавателя, что составило 37,7 %. Переживают первую фазу стресса «напряжение» 25 преподавателей, что составило 18 % всех респондентов. Причем, у 6 человек фаза сформированная, у 19 – процесс формирования фазы. Для 21 человека (82 %) доминирующим симптомом является переживание психотравмирующих обстоятельств. Для 13 преподавателей (52 %) доминирующим симптомом является тревога или депрессия.

Фаза резистенции в разной степени формирования характерна для 104 преподавателей (75,4 %). Доминирующими симптомами в этой фазе стресса стали экономия эмоций (46 человек – 44,2 %), неадекватные реакции (32 человека – 31, 2 %) и редукция профессиональных обязанностей (31 человек – 29,8 %). Фаза *исто-*

щения характерна для 31 преподавателя, что составило 22,5 %. Доминирующими симптомами в этой фазе стресса стали психосоматические нарушения (13 респондентов – 41,93 %).

Корреляционное исследование количественных данных по Т-критерию Стьюдента показало, что существует обратная взаимосвязь между уровнем развития социального интеллекта и эмоциональным выгоранием преподавателей ссузов ($\rho \leq 0,05$). Статистически значимая корреляция композитной оценки социального интеллекта имеется с резистенцией и истощением ($\rho \leq 0,05$). Показатели эмоционального выгорания имеют обратную корреляцию с субтестами № 1 – «Истории с завершением», № 3 – «Вербальная экспрессия», № 4 – «Истории с дополнением» и прямую корреляцию с результатами субтеста № 2 – «Группы экспрессии» ($\rho \leq 0,05$).

В исследовании мы выявили следующую закономерность: чем выше уровень социального интеллекта преподавателя, тем он менее подвержен эмоциональному выгоранию. Таким образом, высокий уровень социального интеллекта является фактором стрессоустойчивости преподавателей медицинских ссузов Забайкальского края.

Литература

1. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. – М.: Академия, 2001. – 480 с.

2. Юркевич В.С. Проблема эмоционального интеллекта // Вестник практической психологии образования. – 2005. – № 3 (4). Июль-сентябрь. – С. 4-10.

3. Баширов И.Ф. Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05. – Москва, 2006. – 210 с.

4. Геранюшкина Г. П. Социальный интеллект студентов-менеджеров и его развитие в условиях формирующего эксперимента: дис. … канд. психол. наук: 19.00.07. – Иркутск, 2001. – 194 с.

5. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. – М., 2004. – С. 11-29.

6. Аминов Н.А., Молоканов М.В. О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов // Психологический журнал. – 1992. – № 5. – С. 104.

7. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, 2005. – 236 с.

8. Чудновский В.Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни // Вопросы психологии. – № 3. – 2003.

9. Психология здоровья: учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 549.

10. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности // Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой и др. – СПб.: Речь, 2003.

11. Рогинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 3. – С. 85-95.

12. Бойко В.В. Социально-психологический климат коллектива и личности / В.В. Бойко, А.Г. Ковалев, В.Н. Панферов. – М.: Мысль, 1983. – 208 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Кайдина М.С., руководитель Психологической службы ГБОУ СПО «Педагогического колледжа № 5» г. Москва
aza.shoroh@yandex.ru

M. Kaidina, head of Psychological service, Pedagogical college № 5, Moscow

Научные интересы: психология труда, психотерапия созависимых

Scientific interests: psychology of labour, psychotherapy of co-dependant people

Политология

УДК 321.015

Акулич Игорь Анатольевич
Igor Akulich

ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТУСА ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РФ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ

STATUS CHARACTERISTICS OF THE AUTHORIZED REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN FEDERATION PRESIDENT IN FEDERAL DISTRICTS

Рассматриваются элементы статуса полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах. Основные направления деятельности полномочных представителей президента в федеральных округах опосредованы и ограничены поставленными перед ними задачами и возложенными на них функциями. Их практическая реализация позволяет раскрыть статус полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, а также определить его особенности

The elements of the status of the Presidential Plenipotentiary in the federal districts are considered. The main activities of plenipotentiaries of the President in the federal districts are mediated and restricted; their tasks and functions are entrusted to them. Their practical implementation allows you to uncover the status of presidential representatives in federal districts of Russia, as well as to determine its characteristics

Ключевые слова: *представитель Президента РФ в федеральном округе, округ федеральный, сфера деятельности полномочных представителей Президента РФ*

Key words: *representative of the Russian Federation President in federal district, federal district, sphere of Russian Federation President Plenipotentiaries activity*

Конституция России прямо не предусматривает существование института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах. Полномочие главы государства по назначению и освобождению от должности полномочных представителей Президента РФ зафиксировано лишь в п. «к» ст. 83 Конституции Российской Федерации. Закрепленное в самом общем виде в Основном законе страны полномочие главы государства по назначению своих полномочных представителей образует правовую основу деятельности всех полномочных представителей Президента РФ. Конституционные нормы о полномочных представителях Президента РФ являются рамочными и, вместе с тем, весьма расплывчатыми. Актуальность данной темы определяется отсутствием конкретизации правового статуса, которое предоставляет Президенту РФ возможность посредством принятия указов исключительное, самостоятельное право решать вопрос о своих полномочных представителях в любых государственных органах, в том числе федеральных округах. Конституция РФ позволяет выстраивать президентские структуры по личному усмотрению главы государства и без ограничения сферы деятельности полномочных представителей главы государства: «Они могут быть назначены практически всюду – от федеральных

министерств до муниципальных образований»[1].

Кроме того, по мнению ряда исследователей, правомочие президента России по назначению своих полномочных представителей в федеральных округах проистекает и из так называемых «подразумеваемых» конституционных полномочий, «скрытых» прерогатив главы государства как гаранта Конституции РФ (в частности, по охране суверенитета, государственной целостности и независимости России), обнаруживает в себе определенные элементы таких политико-правовых явлений, как государственная дискреция, политическое усмотрение. В действительности роль главы государства в осуществлении государственной власти зависит не только от объема предоставленных ему Основным законом страны полномочий, но и от условий, определяемых государственно-политическим режимом и формой правления.

1. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе является должностным лицом, представляющим Президента Российской Федерации в пределах соответствующего федерального округа, и обеспечивает реализацию конституционных полномочий главы государства в пределах соответствующего федерального округа.

2. Полномочные представители Президента РФ являются федеральными государственными служащими и входят в состав Администрации Президента Российской Федерации, назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации по представлению Руководителя Администрации Президента РФ. Полномочные представители непосредственно подчиняется Президенту РФ и подотчетны ему.

3. Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах назначаются на должность на срок, определяемый Президентом РФ, но не превышающий срока исполнения Президентом РФ своих полномочий.

4. Руководитель Администрации Президента РФ определяет порядок взаимодействия между полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах и их аппаратами и другими подразделениями Администрации Президента РФ.

5. Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах в своей деятельности руководствуются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, распоряжениями и иными решениями Руководителя Администрации Президента РФ.

6. Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах имеют заместителей, распределяют между ними обязанности и руководят их деятельностью. Заместители полномочного представителя являются федеральными государственными служащими и входят в состав Администрации Президента Российской Федерации [2].

В целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, повышения эффективности института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах образованы советы при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах [3].

Составными элементами политического статуса полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах как должностных лиц являются:

1) принципы деятельности;

2) наименование должностного лица и место в организационной системе государственной службы;

3) функции должностного лица;

4) права и обязанности;

5) правовые формы и методы реализации полномочий должностного лица;

6) ответственность;

7) льготы, гарантии и компенсации.

Специфика труда полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в качестве государственных служащих заключается в том, что они:

– обеспечивают условия для материального и духовного производства, но сами материальных ценностей не создают;

– обладают особым предметом труда – информацией;

– заняты умственным, а не физическим трудом;

– обслуживают интересы не только государства, но и населения;

– работают возмездно, получают заработную плату из федерального бюджета;

– занимают федеральные государственные должности;

– работают на профессиональной основе;

– выполняют волю главы государства.

При этом полномочные представители Президента РФ в федеральных округах – это государственные гражданские служащие:

а) состоящие на федеральной государственной гражданской службе и, следовательно, осуществляющие федеральные полномочия, определенные ст. 71 и частично ст. 72 Конституции РФ;

б) занимающие должности на основании общих нормативно-правовых актов;

в) имеющие специальные властные (распорядительные) полномочия, выражающиеся в обладании правом совершать действия, вызывающие юридические последствия;

г) наделенные правом по занимаемой должности выполнять организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции по реализации принадлежащей компетенции;

д) несущие повышенную политико-правовую ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей.

Таким образом, *полномочные представители Президента РФ в федеральных округах – это федеральные государственные гражданские служащие, занимающие конкретные должности на основании норм Конституции РФ и Указа о полномочном представителе и исполняющие функции по реализации компетенции в соответствии с имеющимися полномочиями, вызывающими определенные юридические последствия и несущие в связи с этим повышенную политико-правовую ответственность*.

В целом политический статус полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах составляет установленная законодательством и гарантированная государством, а равно обладающая устойчивостью, относительным постоянством, внутренней согласованностью и системообразующей значимостью совокупность прав, свобод, обязанностей, ограничений, запретов, гарантий, поощрений, ответственности. Как и иные государственные служащие, они представляют центральный элемент института государственной службы, характеризующегося комплексным характером, объединением в себе множества правовых норм разных отраслей права (конституционного, административного, трудового и других) [4].

Особенности правового положения полномочных представителей президента РФ в федеральных округах в системе государственной службы определяются в большей мере принадлежащей им компетенцией и характером служебных полномочий, особыми чертами государственной гражданской службы РФ как организационного и правового института, спецификой деятельности президентских органов.

Основные направления деятельности полномочных представителей Президента в федеральных округах опосредованы и ограничены поставленными перед ними задачами и возложенными на них функциями. Их практическая реализация позволяет раскрыть политический статус полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, а также определить его особенности. К основным задачам, нашедшим нормативное закрепление в Положении о полномочном представителе, относятся:

а) организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;

б) организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;

в) обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;

г) представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, внесение Президенту Российской Федерации соответствующих предложений.

Успешное разрешение полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах РФ указанных задач во многом определяет эффективность осуществления главой государства, федеральными органами исполнительной власти своих полномочий на местном уровне. В то же время перечень задач, установленный в Положении о полномочном представителе Президента РФ в федеральных округах, не точен, не является исчерпывающим и не в полной мере отражает весь спектр их деятельности, что требует внесения соответствующих дополнений. Многие задачи полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах формулируются ежегодно президентом России в его обращениях к Федеральному Собранию РФ с посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства, в публичных выступлениях и встречах, а также в ходе и по итогам работы совещательных и консультативных органов при президенте России, особенно Государственного совета РФ. Часть задач ставится перед полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах в процессе взаимодействия с главой государства, Руководителем Администрации президента России и ее структурными подразделениями. Вхождение полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в состав Администрации президента России и Совета Безопасности РФ ставит перед ними дополнительные задачи и по обеспечению осуществления целей и задач этих органов в целом на местах [5].

В целях решения основных задач полномочные представители Президента РФ в федеральных округах осуществляют следующие функции:

– обеспечивают координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе;

– анализируют эффективность деятельности правоохранительных органов в федеральном округе, а также состояние с кадровой обеспеченностью в указанных органах, вносят Президенту РФ соответствующие предложения;

– организуют взаимодействие федеральных органов исполнительной власти с органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, политическими партиями, иными общественными и религиозными объединениями;

– разрабатывают совместно с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов РФ программы социально-экономического развития территорий в пределах федерального округа;

– согласовывают кандидатуры для назначения на должности федеральных государственных служащих и кандидатуры для назначения на иные должности в пределах федерального округа, если назначение на эти должности осуществляется Президентом РФ, Правительством РФ или федеральными органами исполнительной власти;

– организуют контроль за исполнением федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, за реализацией федеральных программ в федеральном округе;

– согласовывают проекты решений федеральных органов государственной власти, затрагивающих интересы федерального округа или субъекта РФ, находящегося в пределах этого округа;

– вносят Президенту РФ представления о награждении государственными наградами РФ высших должностных лиц

субъектов РФ (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ) и руководителей законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, находящихся в пределах федерального округа;

– согласовывают направляемые в федеральные органы исполнительной власти органами государственной власти субъектов РФ, находящимися в пределах федерального округа, представления о награждении государственными наградами РФ, Почетной грамотой Президента РФ и об объявлении благодарности Президента РФ, а также о присвоении почетных званий РФ, высших воинских и высших специальных званий[6];

– вручают в федеральном округе по поручению Президента РФ государственные награды РФ, а также объявляет благодарность Президента РФ;

– вручают по поручению Президента РФ удостоверение судьи судьям арбитражных судов субъектов РФ, федеральных судов общей юрисдикции;

– принимают участие в работе органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа;

– организуют по поручению Президента РФ проведение согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, находящимися в пределах федерального округа;

– вносят Президенту РФ предложения о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ, находящихся в пределах федерального округа, в случае противоречия этих актов Конституции РФ, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина;

– взаимодействуют с Контрольным управлением Президента РФ и органами прокуратуры РФ при организации проверок исполнения в федеральном округе федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ;

– анализируют деятельность казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, связанную с реализацией договоров казачьих обществ с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления о несении членами казачьих обществ государственной и иной службы, и вносят в установленном порядке Президенту РФ предложения о совершенствовании этой деятельности;

– рассматривают кандидатуры атаманов войсковых казачьих обществ, избранных высшими представительными органами управления этих казачьих обществ, и вносят в установленном порядке Президенту РФ предложения об их утверждении.

Для осуществления данных функций полномочные представители Президента РФ в федеральных округах вправе:

– запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы от самостоятельных подразделений Администрации Президента Российской Федерации, от федеральных органов государственной власти, а также от органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, находящихся в пределах соответствующего федерального округа, и от должностных лиц;

– направлять своих заместителей и сотрудников своего аппарата для участия в работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа;

– пользоваться в установленном порядке банками данных Администрации Президента Российской Федерации и федеральных органов государственной власти;

– использовать государственные, в том числе правительственные системы связи и коммуникации;

– организовывать в пределах своей компетенции проверки исполнения указов и распоряжений Президента Российской Федерации, а также хода реализации федеральных программ, использования федерального имущества и средств федерального бюджета в федеральном округе;

– направлять на рассмотрение федеральных органов государственной власти, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, руководителей организаций, находящихся в пределах федерального округа, и должностных лиц жалобы и обращения граждан;

– вносить в соответствующие федеральные органы исполнительной власти предложения о поощрении руководителей их территориальных органов, находящихся в пределах федерального округа, и применении к ним мер дисциплинарного взыскания;

– привлекать сотрудников Контрольного управления Президента Российской Федерации, а в необходимых случаях и сотрудников федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов к проведению проверок, анализу состояния дел в организациях, находящихся в пределах федерального округа;

– образовывать совещательные и консультативные органы;

– при исполнении должностных обязанностей имеет право беспрепятственного доступа в любые организации, находящиеся в пределах соответствующего федерального округа [7].

Исследование основных направлений работы полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах позволяет выделить пять функциональных блоков их деятельности:

1) представительский;
2) кадрово-наградной;
3) социально-экономический;
4) контрольно-координационный;
5) информационно-аналитический.

Отдельным направлением работы полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, охватывающим все указанные блоки, выступает работа с обращениями граждан. Главное в деятельности представителей Президента РФ в федеральных округах – обеспечение национальной безопасности на региональном уровне, решение вопросов стратегического значения.

В настоящее время имеется тенденция к устойчивому изменению статуса полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в смысле усиления политического влияния представителей. Следует отметить, что значительно усилен контроль полпредов за главами субъектами федерации и их деятельностью, несмотря на недостаточную правовую регламентированность этого контроля.

Литература

1. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. – М.: Норма, 2001. – С. 226.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 (ред. от 21.03.2005) «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе». СПС «Консультант-Плюс».

3. Указ Президента РФ от 24.03.2005 № 337 «О советах при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах» (в ред. Указа Президента РФ от 22.03.2010 № 332). СПС «Консультант-Плюс».

4. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. – М., 2004. – С. 251.

5. Черкасов К.В. К вопросу о задачах полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 2. – С. 31-32.

6. САПП РФ. 1994. № 10. ст. 775.

7. «Положение о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» в ред. Указов Президента РФ от 21.03.2005 № 316. СПС «Консультант-Плюс».

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Акулич И.А., соискатель, ст. преподаватель, Омский государственный педагогический университет (ОмГПУ)
sharkstation@mail.ru

I. Akulich, applicant for scientific degree, senior teacher, Omsk State Pedagogical University (OmGPU)

Научные интересы: политическое управление; институты, формы и механизмы политического управления; политическое управление в современной России: характер, основные направления, специфика

Scientific interests: political governance; institutions, forms and mechanisms of political governance; political governance in contemporary Russia: nature of its main directions, specifics

УДК 32.019.5

Анучина Наталья Александровна
Natalia Anuchina

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ И АБАО: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

ASSOCIATION OF THE CHITA REGION AND ABAR: EXPERT OPINION

В статье представлены данные эспертного опроса по проблемам укрупнения российских регионов, в частности, объединения Читинской области и Агинского бурятского автономного округа

Ключевые слова: *субъект, регион, укрупнение, объединение, экспертный опрос, экспертная оценка*

In article the data of experts' poll on problems of integration of the Russian regions, in particular, associations of the Chita region and Aginsk Buryat autonomous region are presented

Key words: *subject, region, integration, association, expert poll, expert estimation*

В прикладных политических исследованиях по различной проблематике экспертные оценки чаще всего используются в ситуациях, когда существует нехватка достоверной информации, необходимой для принятия решений и анализа сложившейся ситуации, или когда нужная информация является вероятностной и не верифицируемой традиционными аналитическими средствами. Экспертная оценка – это авторитетное мнение эксперта по какой-либо проблеме, находящейся в сфере его компетенции. При получении экспертных оценок, в отличие от опросов общественного мнения, вопросы задаются эксперту напрямую и формулируются таким образом, чтобы полученный ответ был максимально определенным [1].

Эксперты – это высококвалифицированные специалисты в определенной области, обладающие профессиональными знаниями и опытом, необходимым для принятия эффективных решений. К экспертам устанавливаются некоторые общие требования: компетентность в исследуемой области; эрудированность в смежных областях; ученая степень или ученое звание; стаж научной или практической работы в определенной сфере; должностное положение; принципиальность; объективность; способность творчески мыслить; интуиция [2]. В любом случае необходимо, чтобы условия проведения опроса способствовали получению наиболее достоверных оценок. С целью обеспечения независимости экспертных оценок мы устранили взаимовлияние экспертов. Большое значение также имеет правильная формулировка вопросов опросника, позволяющая выразить мнение эксперта относительно каждого вопроса и возможность согласования оценок, полученных от разных экспертов. Программа опроса экспертов не столь детализирована и носит преимущественно концептуальный характер. В ней, прежде всего, однозначно формулируется подлежащее прогнозу явление, предусматриваются в виде гипотез возможные варианты его исхода [3].

В июне-ноябре 2011 г. автором проведен экспертный опрос по проблемам объединения Читинской области и Агинского бурятского автономного округа. Анкета состояла из тринадцати открытых вопросов, исследование проводилось в формате интервью. В данном исследовании участвовали две группы экспертов: политико-ад-

министративная элита (государственные, муниципальные служащие и др.) – 50 % и политические аналитики (политологи, представители научной общественности, региональных общественных организаций и отделений политических партий) – 50 %. Среди экспертов 4 имеют ученую степень доктора наук, 8 – степень кандидата наук. Экспертам были заданы вопросы, направленные на выяснение их позиции по некоторым аспектам укрупнения российских регионов.

На вопрос о причинах объединительных процессов эксперты однозначно ответили о необходимости укрупнения, что обусловлено многими факторами: оптимизация управленческой структуры; сокращение количества субъектов РФ (все эксперты отметили, что количество субъектов в России явно избыточное); ликвидация «сложносоставных» субъектов (автономный округ в составе области или края) [4]. 90 % опрошенных отмечают главными предпосылками укрупнения экономическое выравнивание территорий: один из объединяющихся регионов должен стать «локомотивом» развития другого региона, что поможет ликвидировать дотационный субъект, сократятся государственные расходы на содержание субъекта и управленческого состава. Также отмечается разностатусность субъектов, их фактическое неравноправие при равном статусе, прописанном в конституции, что объективно обусловило необходимость федеративной реформы.

В ходе исследования прозвучало мнение одного из экспертов: в качестве причины объединения ему видится укрепление обороноспособности страны, что, на наш взгляд, не входит в число приоритетных задач укрупнения регионов. В свою очередь, 30 % опрошенных отмечают, что необходимо трансформировать федерацию в России из национально-территориальной в административно-территориальную и минимизировать вероятность проявления сепаратистских тенденций.

На вопрос о приоритетности проекта укрупнений на государственном уровне 95 % опрошенных отвечают, что объединительные процессы инициированы федеральным Центром и преследуют собой укрепление вертикали власти, централизацию управляемости страной. По мнению экспертов, проекты укрупнения не являются приоритетными во внутренней политике государства. Отмечается, что при реализации проекта укрупнения Читинской области и АБАО активно использовался административный ресурс и ресурс давления на политическую элиту регионов (45 % из группы административно-политической элиты), ведь известно, что представители политической элиты Агинского бурятского автономного округа изначально выступали против объединения с Читинской областью [5]. Один из экспертов считает, что государственного проекта укрупнения российских регионов не существует, и объединение осуществлялось только по инициативе субъектов.

Анализ ответов экспертов об успешности реализации проекта объединения Читинской области и АБАО показал, что из всех проектов в стране данный вариант является наиболее успешным: Агинский округ приобрел «особый статус»; укреплен экономический и ресурсный потенциал двух регионов (хотя, на наш взгляд, непонятно, какой из регионов явился «локомотивом» развития другого региона); кадровый потенциал сохранен.

87 % опрошенных отмечают, что заметно снизилась бюджетная обеспеченность Агинского бурятского округа, прекращено действие некоторых социальных программ, произошло сокращение на всех уровнях власти; начался отток населения из округа в Читу и другие города. Нельзя упускать из виду влияние мирового экономического кризиса на эти процессы. В данном случае прошло слишком мало времени, чтобы оценить политико-экономический эффект объединения Читинской области и Агинского бурятского автономного округа [6].

В качестве основных трудностей при объединении Читинской области и АБАО эксперты выделяют следующее: чрезмерное применение административного ре-

сурса (высокая явка на референдуме была обеспечена при колоссальном давлении и методах убеждения) – 70 %; федеральному Центру необходимо было убедить власти данных субъектов проявить инициативу – 30 %; проект до конца не продуман, население не подготовлено – 27 %; непонятное определение – «особый статус» для Агинского бурятского округа – 64 %; сложности с трудоустройством сокращаемых государственных и муниципальных служащих АБАО – 10 %. Думается, что активное применение административного ресурса обусловлено низкой политической социализацией населения, представителям региональной власти в данных условиях необходимо было обеспечить высокую явку на референдуме любыми способами.

На вопрос о том, учтены ли интересы населения Агинского округа, мнения экспертов разошлись: учтены в достаточной мере – округ приобрел «особый» статус, в каждом министерстве есть представители округа, при Законодательном Собрании Забайкальского края создан Совет Представителей Агинского бурятского округа (12 %); частично (42 %); очевидны негативные последствия для Агинского округа – сокращение чиновников, снижение бюджетной обеспеченности, уменьшилась заработная плата, начался отток населения (46 %). Эксперт – представитель Общественной палаты Забайкальского края отмечает, что есть недовольство среди населения, поступают обращения от граждан в Общественную палату об ущемлении прав агинского народа в результате объединения.

Значение административно-территориальной единицы с «особым» статусом, который приобрел Агинский бурятский округ, эксперты оценивают по-разному: статус нужен для округа (сохранение обычаев, традиций, языка, культуры коренного бурятского населения) – 50 %, в основном, это представители бурятской интеллигенции. Признание АБАО административно-территориальной единицей с «особым» статусом позволило достичь компромисса при объединении АБАО и Читинской области, сгладить имеющиеся противоречия. На взгляд данной половины экспертов, «особый» статус «поставил Агинский округ в статус национально-культурной автономии, которая позволяет народам, проживающим на соответствующей территории, самостоятельно решать вопросы сохранения самобытности для обеспечения жизнеспособности и самостоятельности этноса в национально-культурной сфере». Один из экспертов отметил, что «особый» статус должен стать «главным инструментом и даже системой правовых отношений в России», что, на наш взгляд, маловероятно.

Другая половина экспертов (50 %) считает, что «особый» статус «никакого значения не имеет», «принципиально ничего не трансформирует», «в Конституции РФ о нем не упоминается». Более того, некоторые из опрошенных утверждают, что данная мера «антиконституционна», «абсурдна», «никакого особого статуса не должно быть у административно-территориальной единицы, это может повлечь нарушение конституционного строя и принципов федерализма». Считается, что это временная мера, и в будущем «особый» статус Агинского округа будет снят из-за отсутствия его политико-правового значения.

Вероятность проектов последующих укрупнений субъектов отмечают 100 % экспертов, в то же время, по их мнению, ликвидация национальных республик маловероятна. Думается, что таким образом решить проблемы этнического федерализма в стране представляется практически невозможным, это может спровоцировать этнические конфликты на региональном и федеральном уровнях. Вся история России – бесконечные процессы укрупнений и разукрупнений, нельзя исключать, что реформы продолжатся после выборов 2012 г. Эксперты также отмечают необходимость изменения субъектного состава Российской Федерации в сторону укрупнения ее регионов, прежде всего, этнических. Но в данном случае процесс укрупнения должен быть инициирован населением регионов, а не федеральным Центром. Очень показательно мнение политолога И.Ю. Линника: «В странах со слабыми государственными

институтами и неэффективной бюрократией ожидать благоприятных эффектов не приходится. Возможные преимущества от объединения не смогут компенсировать общие проблемы функционирования государственного аппарата».

Объединение Читинской области и АБАО не сказалось на межэтнических отношениях в Забайкальском крае – вывод 90 % опрошенных экспертов. Это обусловлено многолетним дружественным совместным проживанием, гармония межэтнических отношений в Забайкалье становилась веками и при проведении референдума не нарушена. В Агинском округе, на наш взгляд, этнический фактор не сыграл деструктивной роли [7]. Более того, отмечают эксперты, объединение сыграло положительную роль в сближении народов Забайкалья. 10 % опрошенных утверждают, что отношения между русскими и бурятами стали напряженнее: «Интеграция регионов делает более сложным доступ к региональной политике для достаточно значительного по численности меньшинства».

80% экспертов единогласны во мнении, что существует необходимость разработки концепции национальной политики Забайкальского края, особенно с учетом усилившейся миграции из стран СНГ, но это в большинстве своем не связано с состоявшимся референдумом; 20 % опрошенных считают, что необходимости создания такой концепции нет, мотивируя тем, что национальная политика определяется в Конституции РФ.

Перспективы развития объединенного Забайкальского края эксперты видят в следующем:

– развитие горнодобывающей промышленности (освоение Юго-Востока Забайкалья и др.);

– развитие аграрного сектора;

– создание зон опережающего экономического развития (Могойтуй);

– туризм, внешняя торговля и повышение уровня трансграничного сотрудничества;

– дальнейшее развитие лесной промышленности;

– укрепление инвестиционной привлекательности территорий;

– развитие обрабатывающей промышленности;

– оптимизация муниципального устройства Забайкальского края;

– совершенствование и развитие транспортной инфраструктуры.

Таким образом, исследование показало, что в большинстве своем опрашиваемые пришли к выводу о необходимости изменения субъектного состава Российской Федерации в сторону укрупнения, однако, административно-политическая элита несколько оптимистична в оценках. Негативные изменения более очевидны для Агинского округа. В округе и области этнический фактор не сыграл деструктивной роли, что обусловлено многолетним совместным проживанием русских и бурят, толерантностью, общностью различных интересов в сферах культуры, экономики, образования, здравоохранения и т.д.

Укрупнения субъектов объективно обусловлены определенными различиями в названиях и в статусе, для повышения эффективности управления страной необходимо продолжать данные преобразования. Практически все эксперты считают, что количество субъектов в России явно избыточное, прежде всего, нужно ликвидировать «сложносоставные» субъекты (автономные округа в составе области или края).

Объединительные процессы инициированы федеральным Центром и преследуют собой укрепление вертикали власти, централизацию управляемости страной. С учетом мнения населения, на федеральном уровне необходимо создать концепцию развития федеративных отношений в России. Известно, что уже после начала укрупнений председатель Комитета по делам Федерации и региональной политики в Совете Федерации Александр Казаков в одном из интервью прессе заявил: «К сожалению, реформа началась на ощупь, поскольку никакого концептуального взгляда на проблему не было» [8].

Проблема «особого» статуса Агинского бурятского округа недостаточно исследова-

на и нуждается в конкретизации, сущность данного явления экспертами трактуется неоднозначно. Одну из главных предпосылок укрупнения эксперты видят в экономическом выравнивании территорий. В случае объединения Читинской области и АБАО ожидаемого политико-экономического эффекта, к сожалению, пока не достигнуто.

Литература

1. Боришполец К.П. Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 38.
2. Экспертный опрос – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org›wiki/Экспертный_опрос.
3. Трегубов М.Ю. Специфика экспертного опроса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. md-marketing.ru.
4. Анучина Н.А. Укрупнение субъектов Российской Федерации как решение проблемы «сложносоставности» // VII Всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения»: мат. конференции. – Чита: ЧитГУ, 2007. – Ч. III. – С. 262-264.
5. Черняев Н. Врозь нам скучно, вместе тесно // Читинское обозрение. № 15 (872). – 12 апреля 2006 г. – С. 5.
6. Объединение субъектов Российской Федерации: за и против [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/Regions_for_and_againts.pdf .
7. Анучина Н.А. Объединительные реформы в субъектах РФ: мотивы и последствия (на примере интеграции Читинской области и Агинского бурятского автономного округа) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http: // sisp.nkras.ru /issues/2011 /4/anuchina.pdf.
8. Косиков И.Г. Реформируемая федерация: укрупнение российских регионов. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 12.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Анучина Н.А., ст. преподаватель кафедры философии, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
anychinana@mail.ru

N. Anuchina, senior teacher, Philosophy department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: политология, политическая регионалистика, философия

Scientific interests: political science, political regionalistics, philosophy

УДК 330.342.146

Лобцова Оксана Викторовна
Oksana Lobtsova

Секисов Артур Геннадьевич
Artur Sekisov

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

CORRUPTION AS A SOCIO-POLITICAL SCENE

Рассмотрен подход к пониманию коррупции как социально-политического явления. Определена необходимость установления взаимосвязи административных структур с институтами гражданского общества в противостоянии коррупции

Ключевые слова: *коррупция, социально-политическая сфера, органы власти, гражданское общество*

The article describes «corruption» as socio-political phenomenon. The requirement to create a link between administrative structures and civil society to conform corruption is defined

Key words: *corruption, socio-political field of activity, authorities, civil society*

Проблема борьбы с коррупцией в последние годы стала одной из актуальнейших тем российской действительности, что обусловило резкое возрастание интереса к ней в обществе и властных структурах.

Понимание коррупции как явления социально-политической жизни характеризуется восприятием данного феномена в качестве специфической модели социально-политических отношений и не сводится исключительно к взяточничеству [5; С. 115]. Скорее, это специфическая разновидность девиантного поведения, обусловленного стремлением чиновников достичь неких эгоистических целей за счет недостатков в развитии институтов публичной власти посредством нарушения ролевых функций в системе государственного управления.

Имеющиеся отклонения в процессе реализации политической власти вырастают в определенную систему (иногда достаточно стройную и даже формализованную), что превращает коррупцию в один из механизмов принятия административных решений. Интересно, что в центрах сосредоточения наиболее влиятельных властных институтов (как правило, столицах государств и субъектов федерации) сложившаяся коррупционная политическая сеть становится столь труднопреодолимой, что превращается в нечто совершенно естественное и привычное, извращая тем самым не только основы государственности, но и психологию отношений, формирующихся между управляющими и управляемыми.

В такой ситуации коррупция как явление, на первый взгляд юридическое, теснейшим образом коррелируется с ее пониманием в морально-этическом ключе. И хотя с точки зрения нормативизма подобное соотнесение может носить деструктивный характер, в практической жизни с ним необходимо считаться, вводя в антикоррупционную проблематику такие категории, как «честность», «прозрачность», «открытость» и т.п. [1; С. 6]

В результате концептуальных дискуссий о сущности коррупции в политико-

правовых науках оформились два подхода к пониманию феномена коррупции. Первый из этих подходов может быть назван формально-юридическим, поскольку в его рамках делается акцент на включенности коррупционных деяний в перечень преступлений и проступков, предусмотренных действующим уголовным и административным законодательством [3; С. 27]. Второй же подход может быть квалифицирован как социально-политический в силу того, что в его методологических рамках коррупция исследуется не столько как система должностных преступлений, сколько в качестве девиации ролевых функций любых субъектов, наделенных властными полномочиями [5; С. 54].

Формально-юридическая модель исследования коррупции базируется на признании того, что коррупция – это система противоправных действий властных субъектов, связанная с нарушением, прежде всего, специальных правовых норм, определяющих деятельность государственных органов и должностных лиц.

В рамках данной парадигмы коррупционным может быть признано только то деяние, которое находится в сфере правового регулирования и может быть квалифицировано в соответствии со статьями Уголовного кодекса или Кодекса об административных правонарушениях как должностное преступление или правонарушение [3; С. 28].

В конечном счете, следует помнить, что при всей многогранности проблемы «коррупция как правовое явление», она безоговорочно связывается с процессом правового регулирования общественных отношений и абстрагирования от социально-психологических оценок этого явления с точки зрения морально-этических норм. Коррупция – это социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей.

Сторонники социально-политического подхода исходят из того, что взаимодействие между субъектом и объектом властных отношений осуществляется в рамках модели «принципал агент» [5; С. 45]. В качестве верховного принципала в демократическом государстве выступает народ. Агентом же является должностное лицо, которому принципал выдает некий мандат в виде системы полномочий и определяет через законодательство, для каких целей эти полномочия должны использоваться. Здесь следует упомянуть об особом положении во властной иерархии руководителей государственных органов, избираемых глав государств, субъектов федерации, глав муниципальных образований, которым присуща двойственность их статуса. По отношению к народу они выступают в качестве агентов, по отношению же к своим подчиненным они являются принципалом.

Но как бы то ни было, коррупция присутствует тогда, когда агент (должностное лицо, государственный орган и прочее) использует предоставленные ему принципалом полномочия для достижения не предусмотренных мандатом целей. Причем, совершенно неважно, получает ли агент за это какое-то вознаграждение, или же мотивация его поступков не определяется явной корыстью, что ярко прослеживается в случаях проявления «чистого» бюрократизма. Довольно подробно социально-политическая парадигма исследования коррупции рассмотрена в рамках Йельской правовой школы, яркой представительницей которой является С. Роуз-Аккерман. Именно благодаря ей в политико-правовом лексиконе появилось понятие «политическая коррупция», противопоставленное коррупции «административной» [5; С. 83].

Следует отметить, что данная модель, на первый взгляд, осложняет процесс анализа коррупции как явления, поскольку сознательно снижает степень его формализованности. Такого рода действия властных субъектов довольно трудно квалифицируются как собственно коррупционные, поскольку их противоправный характер либо прослеживается крайне незначительно,

либо не прослеживается вовсе, что, безусловно, затрудняет процесс противодействия данным деструктивным тенденциям. Однако эвристическая польза такого подхода очевидна, поскольку именно данная модель дает возможность представить в качестве коррупционных и антисоциальных те явления, которые явно не могут быть квалифицированы как противоправные.

Данный подход помогает раскрыть безнравственную основу корыстных действий властных субъектов и направить общественную активность на противодействие такой модели властвования.

Можно высказать предположение, что изначально сама категория «коррупция» находится в плоскости социально-политического бытия, нежели бытия юридического. Так, под коррупцией можно понимать определенную модель властвования, основанную на манипулировании социальными ожиданиями, признавая, что в процессе противостояния «коррозии» общества недостаточно участия только правоохранительных органов. Рассматривая коррупцию как интегрирующее понятие для целого ряда поступков и действий властных субъектов (причем, не обязательно политических), отклоняющихся не только от правовых, но и от моральных норм, необходимо призвать к мобилизации гражданского общества в процессе воздействия на управленческие структуры.

Понимание коррупции в социально-политическом ключе неизбежно ведет к перераспределению ответственности за деструктивные процессы в государстве, и возложения части этой ответственности на плечи социума. То есть в рамках данной исследовательской модели технология противостояния коррупции рассматривается как двояконаправленное явление, где один вектор связан с деятельностью прокуратуры и органов внутренних дел, а другой – с активной социально-политической позицией каждого отдельно взятого гражданина.

Показательным в рамках данного подхода является понимание коррупции А.И. Кирпичниковым: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный термометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозийная усталость означает понижение предела его устойчивости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости» [4; С. 17].

В социально-политическом понимании коррупция достаточно давно воспринимается в качестве объективного показателя степени активности или пассивности, сознательности или иррациональности гражданского общества, поскольку действие «железного закона олигархии», напрямую влияющего на нравственное разложение управленческого аппарата, нейтрализуется только эффективным противодействием со стороны гражданских институтов [2; С. 49]. Если же мздоимство, «административный восторг», семейственность становятся социальной нормой, то подобного рода отношения не могут не затронуть и более высокие этажи общественной иерархии, включая государственную власть.

Развитые демократические государства, демонстрирующие многолетний пример укрепления активной гражданской позиции, в ходе своего исторического развития выработали такую модель социально-политического партнерства, которая априори подразумевает укрепление институтов гражданского контроля над деятельностью государственной службы [1; С. 34]. Несмотря на то, что административный сектор явно неохотно «уступает» традиционно государственные сферы влияния, он все же вынужден считаться с конкуренцией со стороны неполитических объединений и организаций. Это, с одной стороны, значительно повышает уровень подотчетности управленческих структур гражданскому сектору, а с другой, способствует росту авторитета и общественного доверия по отношению к правительственной и парламентской деятельности.

Главным аргументом против активизации гражданского сектора в процессе контроля за деятельностью чиновничьего аппарата является признание излишней эмоциональности гражданских отношений, неспособности общества видеть те или иные проблемы управления комплексно, в государственном масштабе.

Признавая весомость подобного рода обвинений, особенно для государств, находящихся в переходном состоянии, где гражданская активизация носит нередко деструктивный характер, принимая порой революционные формы, следует все же констатировать тот факт, что именно гражданские институты, в конечном счете, могут стать ключевым звеном в процессе предупреждения коррупции в государственных структурах различного уровня.

Это объясняется целым рядом причин, главными из которых можно признать следующие:

– гражданский сектор выступает одной из сторон коррупционной деятельности;

– гражданский сектор охватывает гораздо более широкий спектр правоотношений, нежели государственный, и поэтому обладает большим потенциалом в решении проблем противостояния коррупции;

– гражданский сектор гораздо более эффективно способен противостоять распространению коррупции на низовом уровне, поскольку контроль за деятельностью подчиненных регионального эшелона для государственных чиновников высших этажей власти в значительной степени затруднен фактическим незнанием местной специфики.

Однако следует учитывать, что коррупция распространяется и на социальном уровне. Поэтому было бы наивным абсолютизировать роль гражданской сферы в процессе противодействия коррупции. Скорее всего, здесь необходима теснейшая смычка государственных и гражданских сил, заинтересованных в обуздании коррупции. От государства здесь требуется соответствующая нормативная практика, обеспечивающая свободное развитие гражданских инициатив, формирование неправительственных организаций. Становление последних может стать толчком к постепенному конституированию механизмов гражданского контроля за деятельностью административного аппарата, а в последующем – и в устойчивую систему соответствующих институтов.

Литература

1. Барциц И.Н. Противодействие коррупции и модернизация государственного управления: опыт России. – М.: РАНХиГС, 2011. – 62 с.

2. Богданов И.Я. Коррупция в России. Социально-экономические и правовые аспекты. – М., 2008. – 137 с.

3. Дорохов Н.И. Некоторые аспекты оценки коррупции как социально-правового явления // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 4. – С. 26-32.

4. Кирпичников А.И. Российская коррупция. – М.: Юрист, 2004. – 480 с.

5. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы: пер. с англ. О.А. Алякринского. – М.: Логос, 2003. – 356 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Лобцова О.В., канд. социол. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
oxy-pusik@rambler.ru

Научные интересы: проблемы противодействия коррупции в России и мире

O. Lobtsova, Candidate of Sociological Sciences, associated professor, associate professor, State, Municipal Administration and Politics department, Zabaikalsky State University

Science interests: problems of confronting corruption in Russia and all over the world

Секисов А.Г., д-р техн. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
oxy-pusik@rambler.ru

Научные интересы: проблемы противодействия коррупции в России и мире

A. Sekisov, Doctor of Technical Sciences, Zabaikalsky State University

Science interests: problems of confronting corruption in Russia and all over the world

Науки о Земле

УДК 537.8+ 622.7

Баландин Олег Агафангелович
Oleg Balandin

Верхотуров Анатолий Русланович
Anatoly Verkhoturov

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТВЕРДЫХ ЧАСТИЦ С ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫМИ ВОЛНАМИ

THEORETICAL ASPECTS SOLID PARTICLES AND ELECTROMAGNETIC WAVES INTERACTION

Рассматривается механическое взаимодействие электромагнитного поля с твердыми частицами, возникающее вследствие эффекта давления электромагнитных волн на поверхность материального тела. Математическая модель движения частицы под действием бегущих электромагнитных волн основывается на методах классической теории волн и теоретической механики.

Анализ уравнений движения показывает, что воздействие бегущих электромагнитных волн на частицу зависит от плотности потока энергии электромагнитного поля, параметров частицы, вязкости среды, в которой рассматривается движение частицы

In this article the authors consider mechanical interaction of electromagnetic field with solid particle as a result of the electromagnetic waves pressure effect on the surface of material body. Mathematical model of solid particle motion under the action of progressive electromagnetic waves is based on the methods of classic electromagnetic waves theory and theoretical mechanics.

The analysis of equation of particle motion shows that mechanical action of progressive electromagnetic waves on the solid particle depends on energy density flux electromagnetic radiation, parameters of particle, viscosity of surrounding where the particle moves

Ключевые слова: *электромагнитное поле, электромагнитные волны, объемная плотность энергии, плотность потока энергии, давление волн, сила, твердая частица, перемещение*

Key words: *electromagnetic field, electromagnetic waves, volume energy density, power flux density, wave pressure, force, solid particle, movement*

Твердая частица, находящаяся в электромагнитном поле, испытывает различные воздействия. На движущуюся заряженную частицу в электромагнитном поле действует сила Лоренца (8; 9). В зависимости от строения и химического состава вещества под действием электромагнитного поля возникают различные явления: в диэлектриках возникает электрический дипольный момент, в магнетиках наводится магнитный момент, в металлах возможно возникновение вихревых токов и др. Одним из эффектов является возникновение давления на поверхность тела [6; 8; 9; 10]. В общем случае возникает достаточно сложная картина взаимодействия поля с материальными телами.

Целью работы является исследование механического воздействия бегущих электромагнитных волн на твердую частицу в ре-

зультате возникновения давления волн на ее поверхность. Данная задача имеет как теоретический, так и практический интерес. Одним из направлений в разработке современных, экологически чистых методов обогащения полезных ископаемых является применение электромагнитных полей для извлечения ценных компонентов из руд, золотоносных песков и др. Особый интерес представляет обогащение минерального сырья, содержащего полезный компонент преимущественно в виде мелких фракций. В дальнейшем возможно проведение исследований по определению воздействия электромагнитных волн на частицы с учетом и других из названных факторов.

При разработке физической и математической модели движения частицы в данной задаче применяются методы классической теории волн и теоретической механики. Уравнения движения частицы составляются на основе дифференциальных уравнений динамики материальной точки или уравнений движения центра масс частицы. При этом полагается, что средняя величина давления волн постоянна, а сила давления зависит от размеров тела.

Поле, распространяющееся в виде электромагнитных волн, оказывает на преграды давление p, определяемое в виде [6; 8; 9; 10]

$$p = w(1+k)\cos^2\alpha = \frac{I}{c}(1+k)\cos^2\alpha \ , \qquad (1)$$

где w – объемная плотность энергии волн; k – коэффициент отражения; α – угол падения; I – интенсивность волн; c – скорость света.

Объемная плотность энергии поля

$$w = \frac{1}{2}\varepsilon_0\varepsilon E^2 + \frac{1}{2}\mu_0\mu H^2 , \qquad (2)$$

где ε_0, μ_0 – электрическая и магнитная постоянные соответственно

ε, μ – электрическая и магнитная проницаемости среды соответственно

E, H – напряженности электрического и магнитного полей соответственно.

Плотность потока энергии электромагнитной волны определяется вектором Умова-Пойнтинга

$$\vec{P} = \left[\vec{E}, \vec{H}\right].$$

С учетом того, что E и H взаимосвязаны [2; 8; 10], $\sqrt{\varepsilon_0\varepsilon}E = \sqrt{\mu_0\mu}H$, получим

$$w = \varepsilon_0\varepsilon E^2 = \mu_0\mu H^2 . \qquad (3)$$

Для плоской монохроматической волны

$$E = E_m \cos(\omega t - \boldsymbol{k} \ + \varphi_0), \qquad (4)$$

$$H = H_m \cos(\omega t - \boldsymbol{k} \ + \varphi_0). \qquad (5)$$

Средняя величина плотности энергии электромагнитного поля

$$\langle w \rangle = \frac{1}{2}\varepsilon_0\varepsilon E_m{}^2 = \frac{1}{2}E_m H_m \sqrt{\varepsilon_0\varepsilon}\sqrt{\mu_0\mu} =$$

$$= \frac{1}{2}E_m H_m \frac{1}{c} \ , \qquad (6)$$

$c = \dfrac{1}{\sqrt{\varepsilon_0\varepsilon}\sqrt{\mu_0\mu}}$ – скорость электромагнитных волн;

E_m, H_m – амплитуды напряженностей.

Интенсивность электромагнитных волн [8; 9]

$$I = \langle w \rangle c = \frac{1}{2}E_m H_m = \langle P \rangle . \qquad (7)$$

Исходя из (1), (2), (6), (7), можно определить величину давления, оказываемого электромагнитными волнами на твердую частицу, а также соответствующие ускорение, силу и перемещение.

Составим уравнения динамики твердой частицы массой m, движущейся в вертикальной плоскости под действием силы тяжести $m\vec{g}$, горизонтальной силы давления $\vec{F}$ электромагнитных волн и силы линейно-вязкого сопротивления среды

$$m\vec{a} = \vec{F} + m\vec{g} + \vec{F}_C \ , \qquad (8)$$

где $F = pS$;

p – давление электромагнитных волн;

S – площадь нормального сечения частицы;

$\vec{F}_C = -\alpha\vec{V}$, α – коэффициент вязкого сопротивления; $\vec{V}$ – скорость частицы.

В проекциях на оси координат получим дифференциальные уравнения движения частицы

$$m\ddot{x} = F - \alpha\dot{x} \ , \ \ddot{x} = f - \frac{\alpha}{m}\dot{x} \ , \ a = \frac{f}{m} ,$$

$$, \; m\ddot{y} = mg - \alpha\dot{y} \,, \qquad (9)$$

$$\ddot{x} + \alpha_1\dot{x} = f \,, \; \ddot{y} + \alpha_1\dot{y} = g \,, \; \alpha_1 = \frac{\alpha}{m} \,. \qquad (10)$$

Решения этих уравнений имеют вид

$$x = \frac{1}{\alpha_1^2}(f - V_{0x}\cdot\alpha_1)\big(\exp(-\alpha_1 t) - 1\big) + \frac{f}{\alpha_1}t, \quad (11)$$

$$\dot{x} = \frac{f}{\alpha_1}\big(1 - \exp(-\alpha_1 t)\big) + V_{0x}\exp(-\alpha_1 t) \,,$$

$$y = \frac{1}{\alpha_1^2}(g - V_{0y}\cdot\alpha_1)\big(\exp(-\alpha_1 t) - 1\big) + \frac{g}{\alpha_1}t, \quad (12)$$

$$\dot{y} = \frac{g}{\alpha_1}\big(1 - \exp(-\alpha_1 t)\big) + V_{0y}\exp(-\alpha_1 t) \,,$$

где $\vec{V}_0 = \big(V_{0x}, V_{0y}\big)$ – начальная скорость частицы.

Уравнения (11), (12) позволяют определить перемещение частицы, задавая параметры электромагнитного поля и частицы, а также время движения ее в зоне действия электромагнитного излучения. Вычисления выполнялись при следующих значениях параметров поля и частицы:

$w = 0{,}02\,\frac{Дж}{м^3}$ – средняя объемная плотность энергии поля (СВЧ-излучение);

плотность металлической частицы

$\rho = 19{,}3\cdot 10^3\,\frac{кг}{м^3}$,

радиус сферической частицы $r = 10^{-3}\,м$,

масса частицы $m = 80{,}84\cdot 10^{-6}\,кг$,

коэффициент отражения

$k = 0{,}7$; $\eta = 1{,}8\cdot 10^{-5}\,Па\cdot с$ – динамическая вязкость воздуха при температуре

$\tau = 20\ ^0C$. Результаты вычислений приведены на рис. 1 и 2.

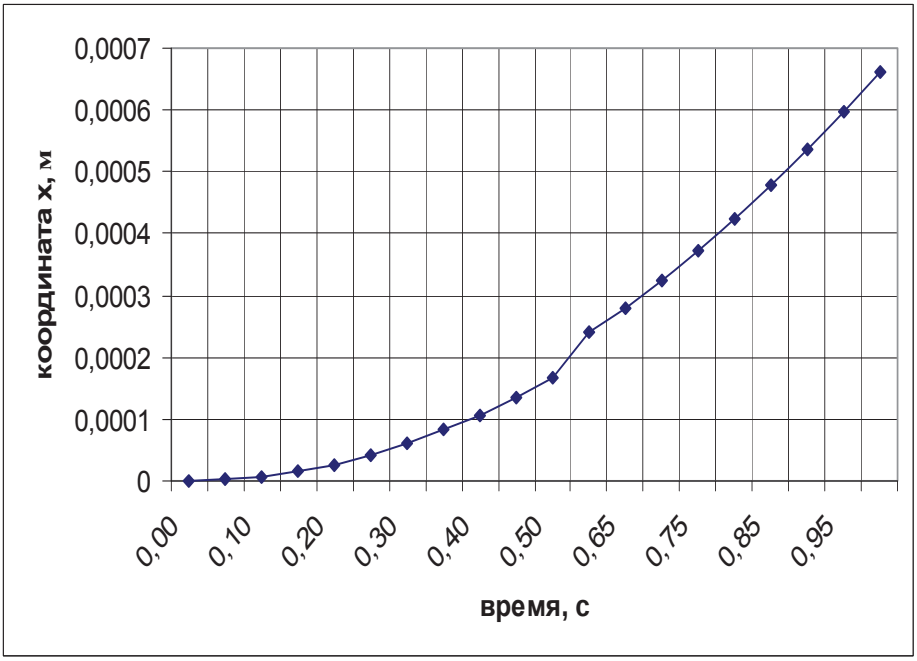


Рис. 1. Зависимость горизонтального перемещения частицы от времени

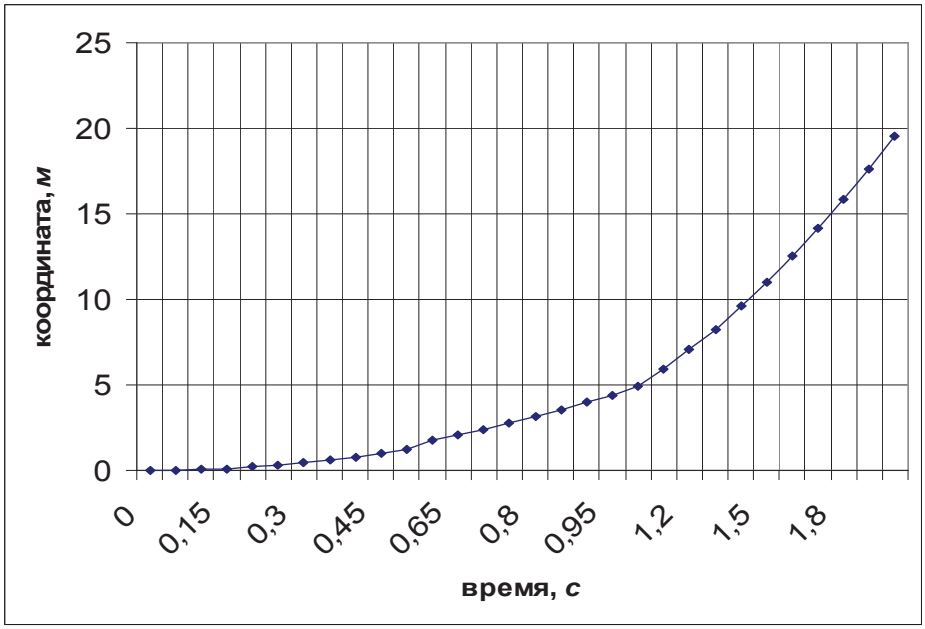


Рис. 2. Зависимость вертикального перемещения частицы от времени

С целью выявления влияния размеров частицы на ее перемещение формулу (11) можно представить в виде зависимости от радиуса частицы R, подставляя формулы размеров для сферы

$$S = \pi R^2, \quad V = \frac{4}{3}\pi R^3, \quad m = \rho V \cdot$$

Получим

$$x_1 = k_1 R t_1 + k_2 p \rho R^3 \left(\exp(-k_3 R t_1) - 1\right),$$

где $k_1 = \dfrac{\rho}{6\eta}$, $k_2 = \dfrac{1}{27\eta^2}$, $k_3 = 6\pi\eta$, t_1 – время движения в зоне действия электромагнитных волн (ЭМВ).

Результаты вычислений представлены на рис. 3.

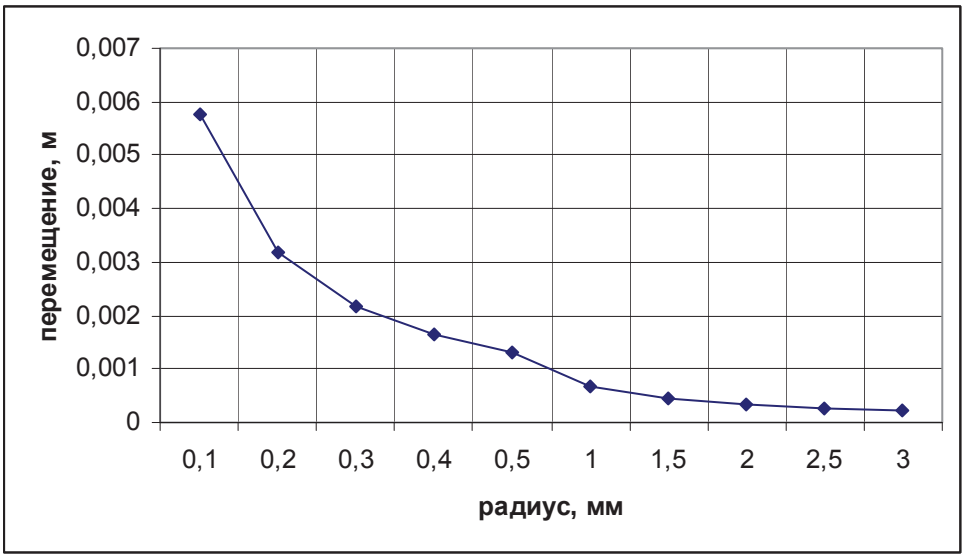


Рис. 3. Зависимость горизонтального перемещения частицы от ее радиуса

Эти результаты показывают, что горизонтальное перемещение частицы значительно зависит от ее радиуса. Для частиц радиусом $R \geq 1$ *мм* оно незначительно. Однако, если мощность СВЧ-излучения уве-

личить, например, в пять раз, перемещение частицы радиусом 1 *мм* в течение времени $t_1 = 1c$ составит, при прочих равных условиях, $x_1 = 0{,}008$ *м*. Еще больший эффект можно получить, применяя поле лазерного излучения, имеющего еще большую плотность энергии [3; 10].

Также были выполнены вычисления по определению горизонтального перемещения сферических частиц кварца с параметрами:

$$\rho = 2{,}6 \cdot 10^3 \frac{кг}{м^3},\ k = 0,\ t_1 = 1c,$$

результаты которых приведены на рис. 4.

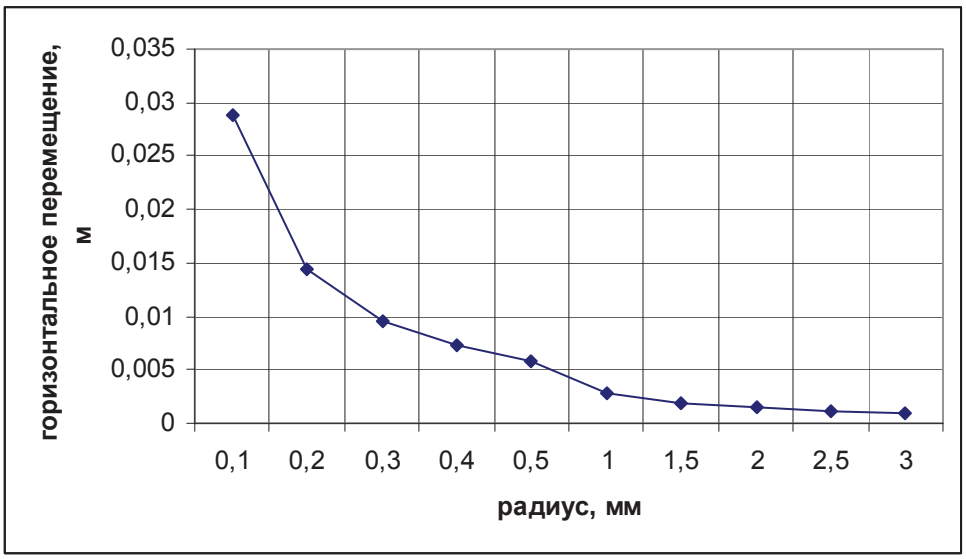


Рис. 4. Зависимость горизонтального перемещения частицы кварца от радиуса

Сравнение перемещений частиц приведено на рис. 5.

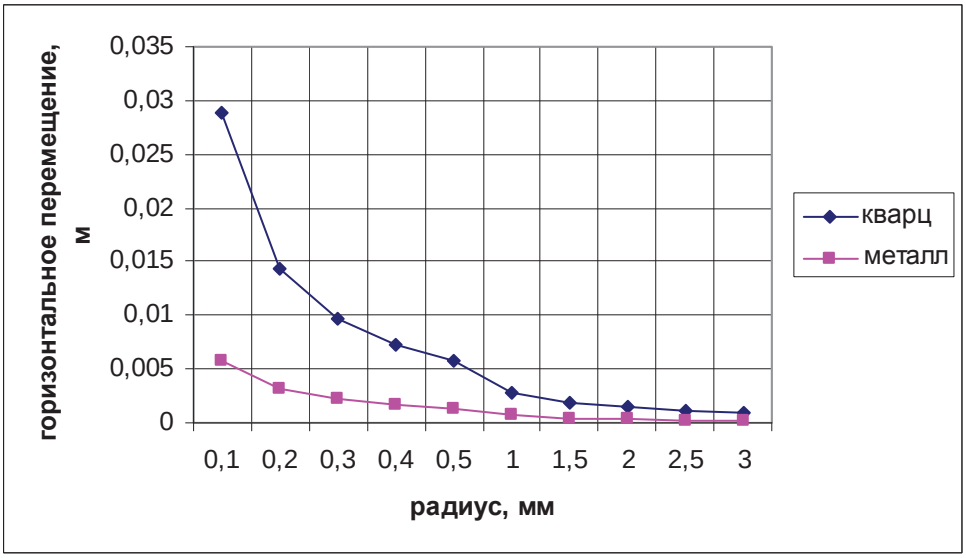


Рис. 5. Зависимость горизонтального перемещения частиц от радиуса

Из этих результатов следует, что горизонтальное перемещение частиц кварца значительно превышает перемещение таких же по размерам небольших частиц металла.

Также рассматривалось перемещение плоской (цилиндрической) частицы металла различной толщины, такой же массы, как и сферическая, в поле СВЧ-излучения при прочих равных условиях. Полагает-

ся, что под действием волнового давления плоская частица разворачивается так, что нормаль к плоскости основания цилиндра (пластинки) параллельна волновому вектору, что создает максимальное давление [1; 5]. Результаты вычислений приведены на рис. 6. Перемещение частицы зависит от ее толщины (высоты цилиндра).

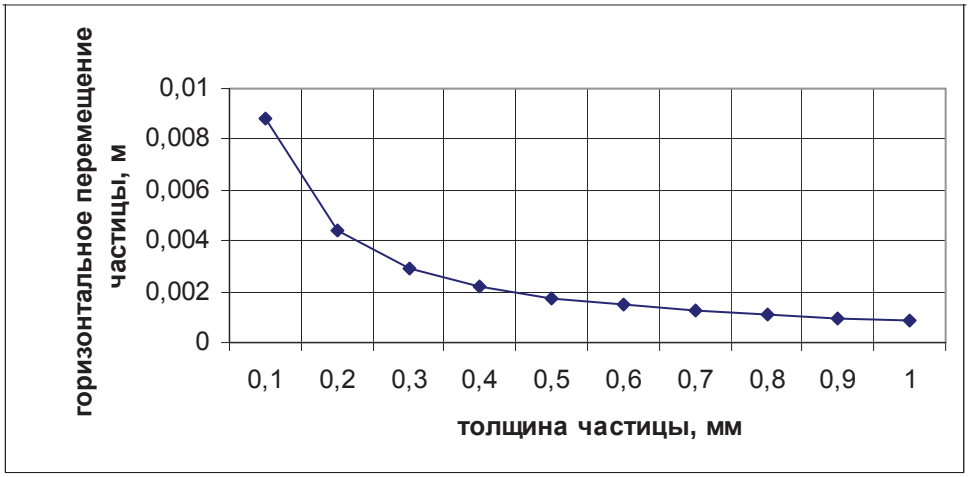


Рис. 6. Зависимость горизонтального перемещения плоской частицы от ее толщины

Приведенные результаты показывают, что существует возможность создания условий для оказания механического воздействия на твердые частицы в электромагнитном поле, имеющем достаточную плотность энергии (поля СВЧ-излучения, лазерного излучения).

Литература

1. Баландин О.А. Основы теории разделении минеральных смесей в волновых полях: автореф. дис. ... на соискание ученой степени д-ра техн. наук. – Иркутск: ИрГТУ, 1994. – 44 с.

2. Бессонов Л.А. Теоретические основы электротехники. Электромагнитное поле: учебник. – М.: Гардарики, 2003. – 317 с.

3. Верхотуров А.Р. Воздействие на частицу в поле лазерного излучения // VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения» (материалы конференции). – Чита: ЧитГУ, 2008. Ч.II. – С. 63-65.

4. Виноградова М.Б., Руденко О.В., Сухоруков А.П. Теория волн. – М.: Наука; Главная редакция физико-математической литературы, 1979. – 384 с.

5. Казаков В.Д. Взаимодействие твердых частиц с поверхностными волнами // Динамика, прочность и надежность в машиностроении. – Чита: ЧитПИ, 1984. – С. 115-118.

6. Крауфорд Ф.С. Волны. – М.: Наука; Главная редакция физико-математической литературы, 1974. – 528 с.

7. Новожилов Ю.В., Яппа Ю.А. Электродинамика: учеб. пособие для вузов. – М.: Наука; Главная редакция физико-математической литературы, 1978. – 352 с.

8. Савельев И.В. Курс общей физики. – М.: Астрель, 2001-2005. – Кн. 1-5.

9. Сивухин Д.В. Общий курс физики: учеб. пособие для вузов. В 5 т. Т. 3. Электричество. – М.: ФИЗМАТЛИТ; Изд-во МФТИ, 2004. – 656 с.

10. Яворский Б.М., Детлаф А.А., Лебедев А.К. Справочник по физике для инженеров и студентов вузов. – 8-е изд., перераб. и испр. – М.: Оникс; Мир и Образование, 2006. – 1056 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Баландин О.А., д-р техн. наук, профессор кафедры теоретической механики, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-71-19

Научные интересы: колебания и волны, динамика частиц в волновых полях, физические процессы обогащения полезных ископаемых

Верхотуров А.Р., канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры физики, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-71-19

Научные интересы: физика колебаний и волн, динамика частиц в волновых полях

O. Balandin, Doctor of Technical sciences, professor, head of Theoretical Mechanics department, Zabaikalsky State University

Scientific interests: physics of oscillation and waves, dynamics of particles on the wave field, physical process of concentration minerals

A. Verkhoturov, Candidate of Physical and Mathematical sciences, associated professor, Physics department, Zabaikalsky State University

Scientific interests: physics of oscillation and waves, dynamics of particles on the wave field

УДК 56(571.55): 016.3

Вильмова Елена Станиславовна
Elena Vilmova

К ВОПРОСУ О ВИДОВОМ СОСТАВЕ РОДА UDOKANIA LEITES ИЗ ПРОТЕРОЗОЙСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ЗАБАЙКАЛЬЯ

ON THE ISSUE OF SPECIES COMPOSITION OF UDOKANIA LEITES GENUS FROM THE PROTEROZOIC DEPOSITS OF TRANSBAIKALIA

Приводится характеристика двух известных видов рода *Udokania* и одного нового Udokania terleevi, sp. nov. из протерозойских отложений Забайкалья. Рассматриваются доказательства биологической природы удоканий и особенности захоронения в различных местонахождениях

Ключевые слова: *Удокания, остатки, местонахождение, отложения, захоронение, колония, вид, род*

The characteristic of the two known species of Udokania genus and one new specie U. terleevi, sp. nov. from the Proterozoic deposits of Transbaikalia is given. The proofs of biological nature of udokania and special feature burial in different locations are examined

Key words: *Udokania, remains, location, problematic, colony, burial, transverse section*

Трубчатая фауна удоканий из отложений протерозойского удоканского комплекса на севере Забайкалья впервые выделена и описана А.М. Лейтесом [6] как *Udokania problematica*. Б.С. Соколов и Р.Ф. Геккер отнесли проблематичные остатки к результатам деятельности червей-трубкожилов. Органическое происхождение трубок поддержали палеонтологи В.В. Меннер, Р.Ф. Геккер и литологи А.В. Копелиович и М.С. Швецов. Однако Л.И. Салоп считал удокании кристаллами скаполита и цеолитов, образовавшихся в результате перекристаллизации перенасыщенных эвапоритных растворов [8].

По А.М. Лейтесу [6], призматические формы имеют длину до 15...20 мм и квадратные сечения, при этом часто грани как бы вогнуты. Захороняются удокании параллельно слоистости строматолитов или под углом к ней. При просмотре шлифов видно, что трубчатые образования имеют внешнюю стенку толщиной 0,10...0,20 мм и внутреннюю полость. Стенки сложены альбитом (№ 3-4), кварцем, карбонатом и пренитом. Внутренняя часть выполнена тонкозернистым карбонатным материалом. От стенок внутрь отходят перпендикулярные выросты, по мнению В.В. Меннера, напоминающие септы коралла *Tetradium*. Л.И. Салоп [8] считал удокании кристаллами скаполита. А.М. Лейтес [6] первым доказал, что удокании по призматической форме сходны с кристаллами скаполита, однако отличаются наличием внешней оболочки, внутренней полости и своеобразных септ.

В 1990 г. автором совместно с Т.А. Саютиной монографически описаны род Udokania Leites и два вида – *U. problematica* Leites и *U. leitesi* Sajutina et Vilmova, где отмечалась возможность отнесения удоканий к древнейшим кишечнополостным [9].

В 1993-1995 гг. автор провела детальное сравнение морфологии и генезиса кристаллов скаполита и удоканий. Скаполиты чаще всего встречаются в породе в виде изометрических зерен и только в друзовых

полостях могут образовывать четырехгранные призмы. Призмы удоканий характеризуются сглаженными и искривленными гранями. Если бы они представляли собой псевдоморфозы по кристаллам скаполита, то повторяли бы прямые грани кристаллов и не могли бы образовывать плавных перегибов [2; 4]. Для кристаллов скаполита не характерны двойники или тройники, так что этим нельзя объяснить ветвление удоканий. Характер спайности скаполита (по третьему пинакоиду) резко отличается от расположения перегородок или септ удоканий, перпендикулярных внешней оболочке. Извилистые и ветвистые удокании сравнивались с подобными образованиями серы, мелантерита и др. минералов. Минералоги отмечают [5; 11; 12], что извилистая форма кристаллов может быть объяснена перепадом температур, давления, замкнутым пространством, препятствующим росту кристалла, и т.д., чего не наблюдается в нашем случае [10].

Далее приведено переописание рода *Udokania* и двух видов, а также дано описание нового вида *Udokania terleevi*, sp. nov.

Переописание рода и видов продиктовано необходимостью уточнения видового состава рода, появлением новых данных по стратиграфическому распространению удоканий в докембрийских разрезах Забайкалья, по находкам различных типов захоронений удоканий в известковых частях разрезов, а также корректировки признаков, характерных для рода и видов.

ТИП CNIDARIA

КЛАСС ANTHOZOA

Подкласс Tabulatoidea

Отряд, семейство incertain

Род Udokania Leites, 1965

Udokania: Лейтес, 1965, с. 51-58. Саютина, Вильмова, 1990, с.103.

Типовой вид – *Udokania problematica* Leites; нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита; Северное Забайкалье.

Диагноз. Формы трубчатые, призматические, реже усеченно-конические, гладкие или с продольно-морщинистой поверхностью. Формы прямые или слегка изогнутые. Поперечное сечение изменяется от овального до субквадратного и «цветкообразного». Некоторые призматические формы имеют сглаженные грани до образования уплощенных разновидностей. Стенки четко обособлены. От стенок внутрь отходят горизонтальные, реже – наклонные перегородки – «днища», по которым происходит растрескивание удоканий, смещение отдельных фрагментов и захоронение их на месте. Призматические формы удоканий встречаются в виде самостоятельных пластовых скоплений и в строматолитах; трубчатые формы – в виде кустистых, ветвистых «колоний», однорядных цепочек и т.д.

Видовой состав. *U. problematica* Leites, *U. leitesi* Sajutina et Vilmova, *U. terleevi* sp. nov.

Замечания. Автор относит эти образования к книдариям и сравнивает их с табулятоидеями [7] по формам поперечного сечения (квадратные, ромбовидные, овальные, цветкообразные), по наличию стенки и внутренней полости, обособленности отдельных призматических и трубчатых форм, по поперечным перегородкам – «днищам» и продольной (реже поперечной) ребристости на наружной поверхности. На наличие шипов в центральной части трубок указывал Лейтес [6], однако при просмотре поперечных сечений в шлифах подобные образования не наблюдались. Наиболее убедительной чертой сходства удоканий с табулятоидеями является образование ветвистых и кустистых «колоний», в которые сгруппированы чаще всего отдельные трубчатые формы [3; 13; 14]. Такие «колонии» могли образовываться за счет ветвления. В коллекции насчитывается более 100 подобных образований. Однако удокании не содержат пор, септ и соединительных образований, характерных для табулятоидей и, кроме того, обладают гораздо большими размерами отдельных трубчатых и призматических форм.

Изученный материал хранится в г. Чита в коллекции Института природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИПРЭК СО РАН).

Udokania problematica Leites, 1965

Табл. I, фиг. *1-3*

Udokania problematica: Лейтес, 1965, с. 57, фиг. 20-23. Саютина, Вильмова,1990, с.103-104, рис. 1, фиг. *а – е*, *и*, *к*

Лектотип – ИПРЭК СО РАН, № 100 – 5, призматическая форма с четко выраженной внутренней полостью; Северное Забайкалье, Удоканский хребет; нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита;

Описание. Призматические формы с квадратными и субквадратными (до ромбовидных) поперечными сечениями. Грани призмы часто сглажены. Выделяются стенки и внутренняя полость, различные по составу. Во внутренней полости наблюдаются горизонтальные перегородки «днища», расстояние между которыми не является постоянным. Внешняя поверхность трубок гладкая или тонко-морщинистая. Призматические формы прямые, реже слабо изогнутые при плавном перекрывании друг друга. Иногда центральная зона выщелочена и на ее месте образуется пустота (иногда в виде воронки). В таких трубках стенки имеют зазубренные внутренние края.

Размеры, мм: длина трубок 10...70-80, ширина граней (сторона квадрата в поперечном сечении) 2...5, толщина стенок 1...3.

Изменчивость. Меняется форма поперечного сечения – от квадратной до субквадратной (реже ромбовидной), толщина стенок. В центре некоторых трубок внутренняя (срединная) полость заполнена более темным материалом.

Наблюдаются формы со слабо выраженной внутренней полостью и поперечными перегородками.

Сравнение. От совместно встречаемого вида *U. leitesi* отличается формой поперечного сечения, сглаженными гранями призм и типами захоронения.

Замечание. Выделяются пластовые захоронения в известняках (мощность слойков 10...50 см) с хаотичным скоплением удоканий, а также рассеянные захоронения в строматолитах, где наблюдаются угнетенные формы удоканий. Материал стенок отличается от заполнения внутренней полости, которая сложена вмещающей известковой массой. В минеральном составе самих призматических форм преобладают кальцит, доломит, тюрингит.

Распространение. Нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита; Северное Забайкалье, Удоканский и Кодарский прогибы; верхний протерозой, средний рифей; нортуйская свита; Южное Забайкалье, Кличкинский хребет, г. Кличка (встречается редко); венд – ранний кембрий, алтачинская свита; Юго-Восточное Забайкалье, п. Нерчинский Завод, г. Крестовка.

Материал. Около 100 экземпляров из отложений бутунской свиты, не более 20 экземпляров из отложений нортуйской свиты, около 30 проблематичных экземпляров из алтачинской свиты.

Udokania leitesi Sajutina et Vilmova

Табл. II, фиг. *1 – 17*

Udokania leitesi: Саютина, Вильмова, 1990, с.104, рис. 1, фиг. *ж*, *з*

Голотип – ПИН АН СССР, № 4331/2; ветвистая трубочка; Забайкалье, Южное Приаргунье, г. Кличка, южные склоны; верхний протерозой, даурская серия, нортуйская свита.

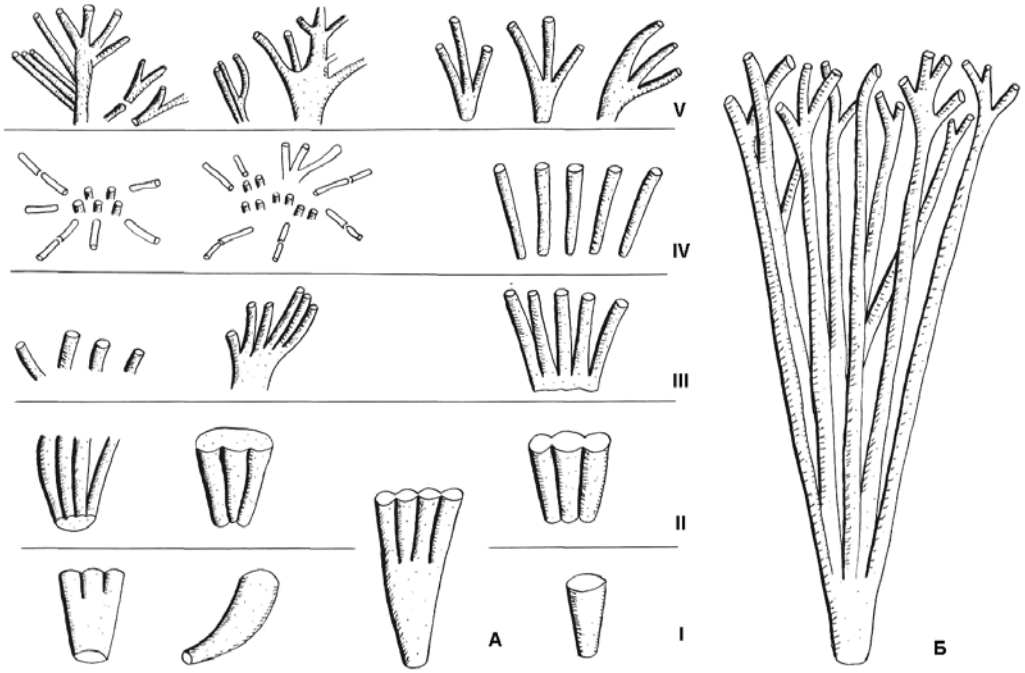
Описание. Трубчатые формы с овальными или эллипсовидными сечениями. Внутренняя полость не всегда четко обособлена, редки горизонтальные перегородки, хотя часты случаи разламывания хрупкого скелета трубочек по предполагаемым «днищам», их смещение и захоронение на месте. Поверхность трубочек гладкая или неровная, шероховатая. Прямые или изогнутые трубочки образуют «колонии» кустистой, ветвистой формы. В «колонии» можно видеть центральный «ствол» и отходящие от него веточки от самого основания или сбоку «ствола» до самой вершины. Отмечаются примеры двойного ветвления, когда боковые веточки начинают ветвиться в верхней части на несколько более мелких.

Размеры, мм: длина отдельных трубочек 10...60, диаметр поперечного сечения 1...3, толщина стенок до 1, количество трубочек в «колонии» 3...10.

Сравнение. Описываемый вид от-

личается от *U. problematica* по форме поперечного сечения, нечеткой внутренней полостью и редкими «днищами», а также размерами трубчатых удоканий и специфическими кустистыми и ветвистыми формами «колоний».

Замечания. Прямые или слегка изогнутые удокании образуют «колонии» сложной формы, детальная реконструкция которых приведена в работе [1]. Основание предполагаемой «колонии» (см. рис. 1) представлено скоплением настолько плотно сросшихся трубочек удоканий, что затрудняет выделение границ между ними. Таким образом, основание представляет собой конус, расходящийся кверху с поперечным сечением в форме "цветка". Если пытаться реконструировать возможный вид подобной «колонии», то от нижних частей к верхним начинают различаться границы отдельных трубочек, и «колония» принимает вид веера: трубочки как бы начинают расходиться, но не полностью (еще заходят одна за другую). В верхней части «колонии» трубочки могут располагаться параллельно друг другу. При наклонном или вертикальном захоронении образуются своеобразные формы типа «забора». В ископаемом состоянии часто встречаются розеткообразные типы захоронений – в центре видны вертикальные обломки трубочек, а обломанные части располагаются радиально по отношению к центру. Такое захоронение вполне возможно при ориентировании плоскости, оказывающей давление, перпендикулярно к оси роста предполагаемой колониальной постройки. Подобные захоронения, очевидно, характерны для той части «колонии», где трубочки (кораллиты) довольно широко расходятся друг от друга. Завершается предполагаемая колониальная постройка разветвленными трубчатыми формами (см. рисунок).



Для удоканий из южных разрезов Забайкалья в минеральном составе стенок трубочек преобладают альбит, карбонаты, флюорит, хлориты, белые слюдки, образующие псевдоморфозы.

Редкие формы данного вида обнаружены в разрезах бутунской свиты по р. Талакан и на г. Бутун. Они представлены более тонкими трубочками, чем *U. problematica*, с характерным сечением и дихотомическим ветвлением.

Распространение. Верхний протерозой (средний рифей); нортуйская свита; Южное Забайкалье, Кличкинский хребет,

г. Кличка; нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита; Северное Забайкалье, Удоканский хребет (встречается редко); верхний протерозой (венд) – кембрий; быстринская свита; Юго-Восточное Забайкалье, водораздел рек Иля и Ерничная.

Материал. Более 100 экземпляров из одного местонахождения в отложениях нортуйской свиты, не более 10 экземпляров из двух местонахождений бутунской свиты, около 30 проблематичных экземпляров из быстринской свиты.

Схематичная реконструкция предполагаемой колонии Udokania leitesi **Sajutina et Vilmova; А** – отдельные формы, обозначающие части (уровни) предполагаемой колонии; **Б** – полная реконструкция возможной колониальной постройки; **I** – начальный уровень – образование конусов из сближенных трубочек; **II** – второй уровень – начало расхождения отдельных трубочек; **III** – третий уровень – расхождение или параллельное расположение трубчатых форм; **IV** – четвертый уровень – розетковидные захоронения с радиальным расположением трубочек от места их отламывания; **V** – пятый уровень – разветвленные окончания трубчатых форм

Udokania terleevi Vilmova, sp. nov.

Табл. III, фиг. *1–3*

Название вида в честь палеонтолога А. А. Терлеева

Голотип – ИПРЭК СО РАН, № 104 – 2, фрагмент ребристой трубочки с «цветкообразным» поперечным сечением; Северное Забайкалье, Удоканский хребет, левобережье р. Ингамакит; нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита.

Описание. Поперечные сечения округлые (реже до овальных и ромбовидных) с неровными, волнистыми краями – в виде неправильных своеобразных «цветков».

На наружной поверхности форм фиксируются грубые, неветвящиеся, продольные ребра (шириной до 2 мм), вследствие чего поперечные сечения и приобретают не совсем обычный вид. Продольные сечения (различные по форме и размерам) чаще всего имеют неровные краевые части. Плохо выражены (часто отсутствуют) внутренние перегородки.

Выделяется внутренняя полость (до 1...2 мм в диаметре), окруженная толстыми стенками.

Размеры, мм. Длина 15...25, диаметр округлого поперечного сечения 2...5 (реже 7), эллипсовидного (больший диаметр) – до 4 (реже 5...7), толщина стенок – 1...2 мм.

Изменчивость. Изменяется форма и размеры поперечного сечения, толщина стенок, длина трубок, цвет материала, выполняющего трубки.

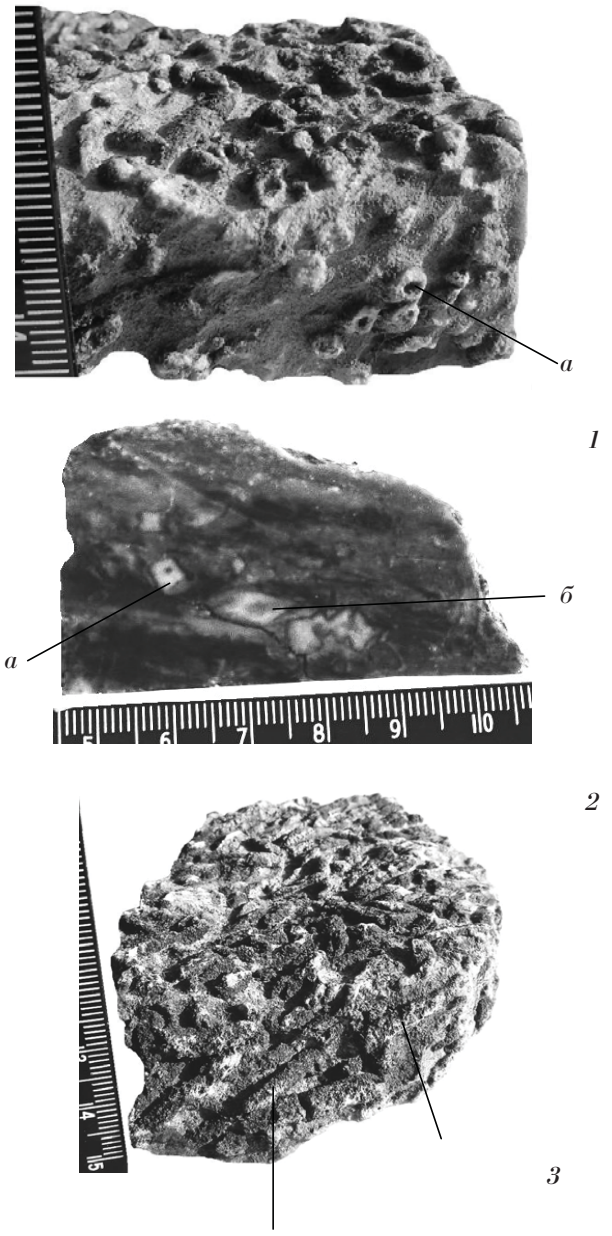
Сравнение. Отличается от *U. problematica* и *U. leitesi* наличием грубых продольных ребер на внешней поверхности трубчатых и измененной «цветкообразной» формой поперечного сечения, хаотичным типом захоронения и небольшой частотой встречаемости в отложениях бутунской свиты.

Замечания. Наличие ребер более четко улавливается при просмотре поперечных сечений в шлифах. В хаотичных скоплениях удокании могут захороняться почти вертикально или наклонно к поверхности известняка, перекрывая друг друга. У некоторых форм может быть плохо выражена внутренняя полость.

Распространение. Нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита; Северное Забайкалье, верховье р. Ингамакит.

Материал. Более 50 форм.

Таблица 1



Фиг. 1. Udokania problematica Leites, хаотичное захоронение удоканий:

а – лектотип ИПРЭК СО РАН, № 100 – 5, призматическая форма со сглаженными гранями и внутренней полостью (х 1/3); Северное Забайкалье, Удоканский хребет, р. Большая Икабья; нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита

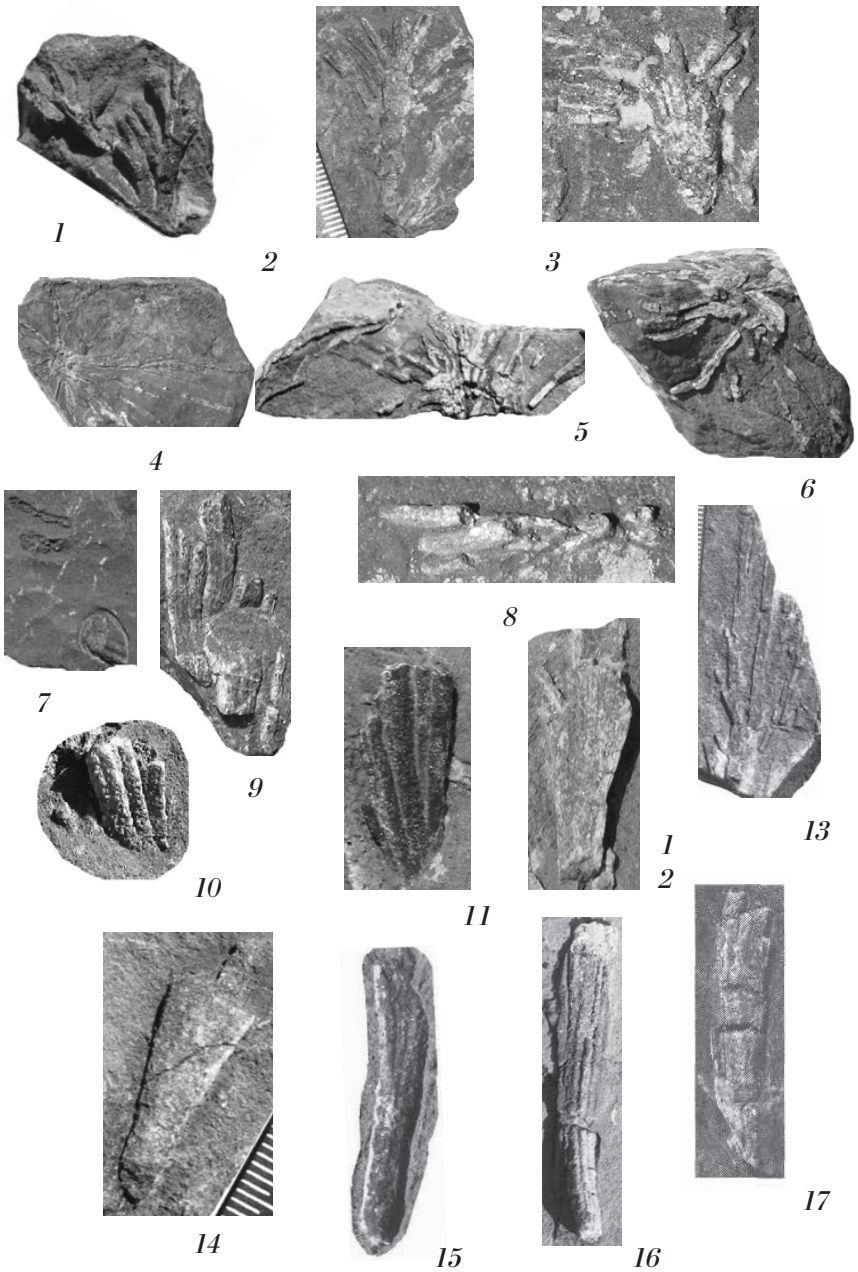
Фиг. 2. Udokania problematica Leites, экз. ИПРЭК СО РАН, № 100-12, различные формы поперечных сечений:

а – квадратное; б – ромбовидное (х 1,5); местонахождение и возраст те же.

Фиг. 3. Udokania problematica Leites, экз. ИПРЭК СО РАН, № 100-15, пластовое захоронение:

а, б — отдельные формы (х 1/2); местонахождение и возраст те же

Таблица 2



Фиг.1-3, 12. Udokania leitesi Sajutina et Vilmova, ветвистые формы, предположительно завершают «колонию» удоканий (V уровень) (x1):

1 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108-5, 2 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 7, 3 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 9, 12 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 11 (x 1); Забайкалье, Южное Приаргунье, г. Кличка, южные склоны; верхний протерозой, даурская серия, нортуйская свита

Фиг. 4-6. Udokania leitesi Sajutina et Vilmova, розетковидные формы (IV уровень):

4 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 12 (1/3), 5 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108-14 (xl,5), 6 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 17 (xl,5); местонахождение и возраст те же

Фиг. 7-8. Udokania leitesi Sajutina et Vilmova, вертикальное захоронение трубочек предполагаемой «колонии» (III уровень):

7 – экз. ИПРЭК СО РАН, №108 – 20 (xl/3), 8 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 23 (xl); местонахождение и возраст те же

Фиг. 9, 13. Udokania leitesi Sajutina et Vilmova, параллельное расположение немного уплощенных трубчатых форм (II уровень):

9 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 15 (xl), 13 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 -22 (xl); местонахождение и возраст те же

Фиг. 10-12. Udokania leitesi Sajutina et Vilmova, веерообразные формы (II уровень) (xl):

10 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 24, 11 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 28, 12 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 31; местонахождение и возраст те же

Фиг. 14. Udokania leitesi Sajutina et Vilmova, экз. ИПРЭК СО РАН, № 108-45, конусовидное основание предполагаемой «колонии», в котором не различаются отдельные трубчатые формы – «кораллиты» (x 1); местонахождение и возраст те же

Фиг. 15-17. Udokania leitesi Sajutina et Vilmova, конусовидные основания предполагаемой «колонии», в которых различаются отдельные трубчатые формы – «кораллиты» (xl):

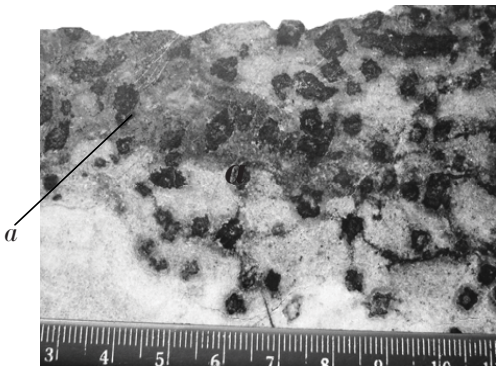
15 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 48, 16 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 52, 17 – экз. ИПРЭК СО РАН, № 108 – 57; местонахождение и возраст те же

Таблица 3

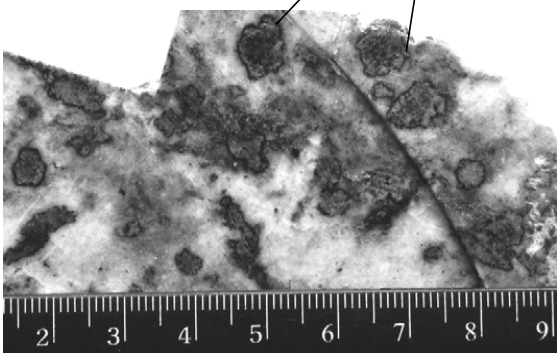
1

Фиг.1. Udokania terleevi sp. nov., хаотичное расположение отдельных трубчатых форм:

а – голотип ИПРЭК СО РАН, № 104 – 2, фрагмент ребристой трубочки с выраженным поперечным сечением (xl/2); Северное Забайкалье, Удоканский хребет, местонахождение Ингамакит; нижний протерозой, удоканский комплекс, чинейская серия, бутунская свита



2



3

Фиг. 2. Udokania terleevi sp. nov., различные формы поперечных сечений:

а – голотип ИПРЭК СО РАН, № 104 – 2, «цветкообразное» поперечное сечение (х l; местонахождение и возраст те же

Фиг. 3. Udokania terleevi sp. nov., экз. ИПРЭК СО РАН, № 104 – 8, поперечные и продольные сечения:

а, б – отдельные крупные «цветкообразные» поперечные сечения (х 1, 2); местонахождение и возраст те же

Литература

1. Вильмова Е.С. Возможная реконструкция колоний удоканий из протерозойских отложений Южного Забайкалья // Актуальные проблемы наук о Земле. – Чита, 1990. – С. 33-38.

2. Григорьев Д.П., Жабин А.Г. Онтогения минералов. – М.: Наука, 1975. – 337 с.

3. Дубатолов В. Н., Ивановский А. Б. Указатель родов табулят. – М.: Наука, 1977. – 152 с.

4. Жабин А.Г. Онтогения минералов. – М.: Наука, 1979. – 273 с.

5. Лазаренко Е.К., Сребродольский Б.И. Особенности роста шестоватых и волокнистых сульфатов Береговского района в Закарпатье // Генезис минеральных агрегатов и индивидов. – М., 1966. – С. 245-251.

6. Лейтес А.М. Нижний протерозой северо-востока Олекмо-Витимской горной страны. – М.: Наука, 1965. – 82 с.

7. Михайлова И.С., Бондаренко О.Б. Палеонтология. – М.: МГУ, 2006. – С. 226-232.

8. Салоп Л.И. Общая стратиграфическая шкала докембрия. – Л.: Недра, 1973. – С. 120-123.

9. Саютина Т.А., Вильмова Е.С. К вопросу о природе удоканий из докембрийских отложений удоканского комплекса // Палеонтол. журнал. – М.: Наука, 1990. – № 1. – С. 100-104.

10. Синица С.М., Вильмова Е.С., Туранова Т.К. Протерозойские экосистемы удоканского комплекса // Удокан. Геология, рудогенез, условия освоения. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 26-42.

11. Сребродольский Б.И. Особенности роста кристаллов и двойников серы // Генезис минеральных индивидов и агрегатов. – М., 1966. – С. 89-96.

12. Сребродольский Б.И. Биологическая минералогия. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 101 с.

13. Тесаков Ю.И. Табуляты. Популяционный, биоценотический и биостратиграфический анализ. – М.: Наука, 1978. – 260 с.

14. Шафрановский И.И., Плотников Л.М. Симметрия в геологии. – Л.: Недра, 1975. – 144 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Вильмова Е.С., канд. геол.-минер. наук, доцент кафедры геологии политехнического института Северо-Восточного государственного университета, г. Магадан
Тел. раб.: (4132) 61-68-94

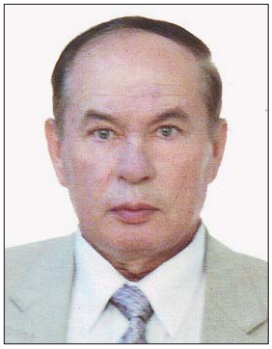
E. Vilmova, Candidate of Geological and Mineralogical sciences, associate professor, Geology department, Polytechnic Institute of North-Eastern State University of Magadan

Научные интересы: палеонтология, стратиграфия, седиментология

Scientific interests: paleontology, stratigrafy, sedimentology

УДК 624.042.8

Герасимов Виктор Михайлович
Victor Gerasimov



ВЛИЯНИЕ НАГРУЖЕНИЯ И ДЕФОРМАЦИИ МАТЕРИАЛОВ НА ИНТЕНСИВНОСТЬ ФИЛЬТРАЦИИ ДРЕНАЖЕЙ В ИСКУССТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЯХ ГОРНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

THE INFLUENCE OF LOADING AND DEFORMATION OF MATERIALS ON THE INTENSITY OF THE FILTERING DRAINAGES IN ARTIFICIAL CONSTRUCTIONS OF THE MINING ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

Представлены теоретические исследования по обеспечению фильтрационной способности дренажных систем на основе волокнистых полимерных сред, заложенных в грунтовом массиве искусственного сооружения

Ключевые слова: *дренажные системы, грунтовый массив, искусственные сооружения*

The article presents theoretical research to ensure the filtration capacity of drainage systems on the basis of fibrous polymer media, laid in soil array of artificial constructions

Key words: *drainage systems, a soil file, artificial constructions*

Искусственные сооружения из грунтов широко распространены в геотехнологии; наиболее известны гидротехнические сооружения из горных пород при открытом способе разработки месторождений полезных ископаемых в виде плотин, дамб, гидроотвалов [1...3]. В большей степени распространены сооружения из рыхлых пород (гравий, песок, глина), отличающиеся друг от друга свойствами сжимаемости [4]. Дренажи являются неотъемлемой частью гидротехнического сооружения и обеспечивают снижение положения поверхности депрессии для повышения устойчивости низового откоса и предотвращения фильтрационных деформаций [5...7].

Для дренажных устройств используются различные материалы. К новым из них относят волокнистые полимерные материалы типа дорнит, типар, полифельт, бидим плотностью 100..200 кг/м^3 с коэффициентом фильтрации 10^{-4}-$5\cdot10^{-3}$ м/с.

Плоская форма волокнистых полимерных материалов позволяет создавать пластовые дренажи, укладывая их в массив сооружения (рис. 1). Движение фильтрационного потока в грунтовом сооружении описывается системой уравнений Н.Н. Павловского [8].

Высота слоя дренажа из полимерного волокнистого материала $h_д$ на два порядка меньше размеров S и $L_д$, поэтому можно считать, что фильтрационный поток поступает в дренажный слой перпендикулярно его плоскости и изменяет направление движения на 90 ^{0} к нижнему бьефу.

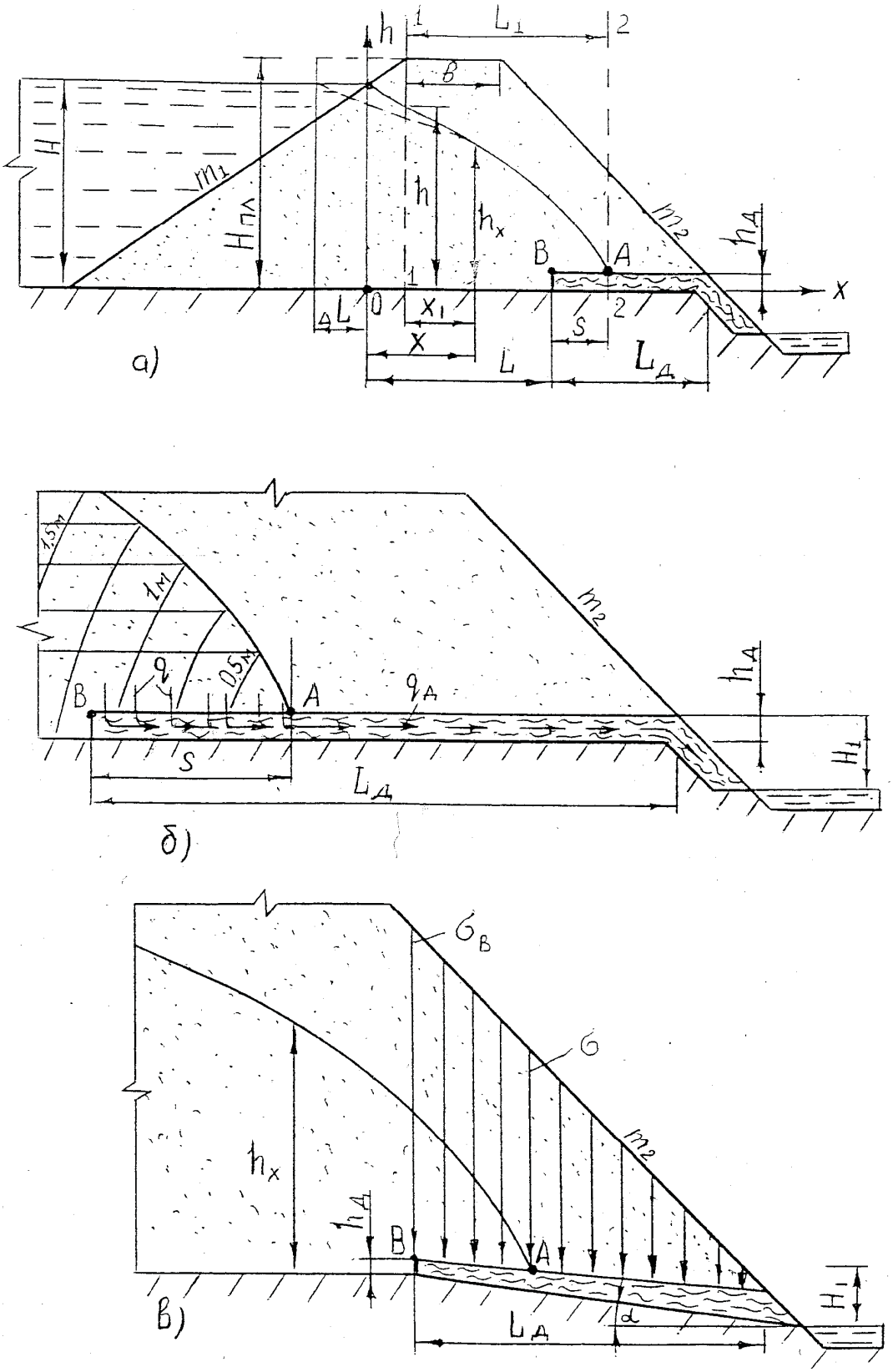


Рис. 1. Схема фильтрации через массив сооружения с пластовым дренажем на водонепроницаемом основании

Эффективность пластового дренажа определяется соотношением

$$q \le q_Д, \qquad (1)$$

где $q_Д$ – фильтрационный расход дренажа на 1 м длины, м²/с.

Для обеспечения надежности дренирования грунтовых вод желательно превышение $q_Д$ над q на 10...15 %.

Учитывая формулу (1) и вводя повышающий коэффициент 1,15 на основе уравнения Дарси, получаем формулу фильтрации на отводящей части дренажа

$$\frac{q_Д}{K_Д} = \frac{1{,}15 \cdot q}{K_Д} = h_Д \frac{H_1}{\left(L_Д - S\right)}, \qquad (2)$$

где $K_Д$ – коэффициент фильтрации волокнистого полимерного материала дренажа, м/с;

H_1 – высота расположения дренажа к уровню воды в нижнем бьефе, м.

Общую длину пластовых дренажей $L_Д$ рекомендуется принимать до 30 % ширины сооружения по основанию [9]. Длину S рабочего участка дренажа, обеспечивающего приток грунтовых вод, определяют по формуле [7]

$$S = \frac{0{,}5q}{K_ф}, \qquad (3)$$

где $K_ф$ – коэффициент фильтрации грунта, м/с.

Средняя скорость движения дренажного потока на участке S находится по известной формуле

$$V_Д = \frac{K_Д \cdot h_B}{S}, \qquad (4)$$

где h_B – напор в начале дренажного слоя, определяемый по линиям равных напоров, м.

Предварительное значение высоты слоя дренажа находим для сечения A (рис. 1, б)

$$h_Д = \frac{q_Д}{V_Д}. \qquad (5)$$

Уточненное значение $h_Д$ определяется для отводящего участка дренажа длиной $(L_Д - S)$ по формуле (2) и по уровню фильтрации для всей длины пластового дренажа

$$h_Д = \frac{q_Д \cdot L_Д}{K_Д\left(h_B + H_1\right)}. \qquad (6)$$

Напряжение сжатия σ, действующее от веса массива грунта на плоский слой дренажа, изменяется по линейному закону, определяемому наклоном нижнего откоса сооружения (рис. 1, в). Следовательно, деформация сжатия волокнистого слоя неравномерна по длине дренажа; наибольшее сжатие испытывает участок, расположенный около точки B.

Поэтому начальную высоту слоя пластового дренажа, укладываемого в массив, рассчитываем исходя из максимального напряжения σ_B

$$\sigma_B = \frac{\gamma \cdot L_Д}{m_2}, \qquad (7)$$

где γ – удельный вес грунта, Н/м³;

m_2 – коэффициент заложения низового откоса.

Начальную высоту слоя t_0, укладываемого в дренаж с учетом сжатия грунтовым массивом, определим из уравнения

$$t_0\left[1 - \left(\frac{\sigma_B}{0{,}15 \cdot 10^6 K \cdot \rho_0 \cdot t_0 \cdot g}\right)^{1/n}\right] = h_Д, \qquad (8)$$

где K – поправочный коэффициент;

ρ_0 – начальная плотность волокнистого материала, кг/м³;

g – ускорение свободного падения, м/с²;

n – показатель нелинейности, n=2,5.

Принимая во внимание неровноту пластового дренажа, следует выполнять его с уклоном в сторону нижнего бьефа на угол α=3...5 ⁰. Точное значение уклона дренажа можно определить по формуле [8]

$$i_Д = \frac{\left[2q_Д - \dfrac{K_Д \cdot H_1^2}{L_Д}\right]}{K_Д \cdot H_1}. \qquad (9)$$

В качестве защитного слоя, препятствующего поверхностной кольматации, рекомендуется поверх пластового дренажа укладывать песчано-гравийную смесь высотой 50...100 мм.

При длительной эксплуатации гидротехнического сооружения снижается коэффициент фильтрации дренажа из-за постепенной кольматации. Для предотвращения выхода точки высачивания на низовой откос можно использовать комбинированный дренаж, включающий ярусные пластовые дренажи из волокнистых сред и дренажную упорную призму из каменной наброски, а также обратный фильтр из волокнистого полимерного материала, уложенный на поверхность верхового откоса банкета (рис. 2).

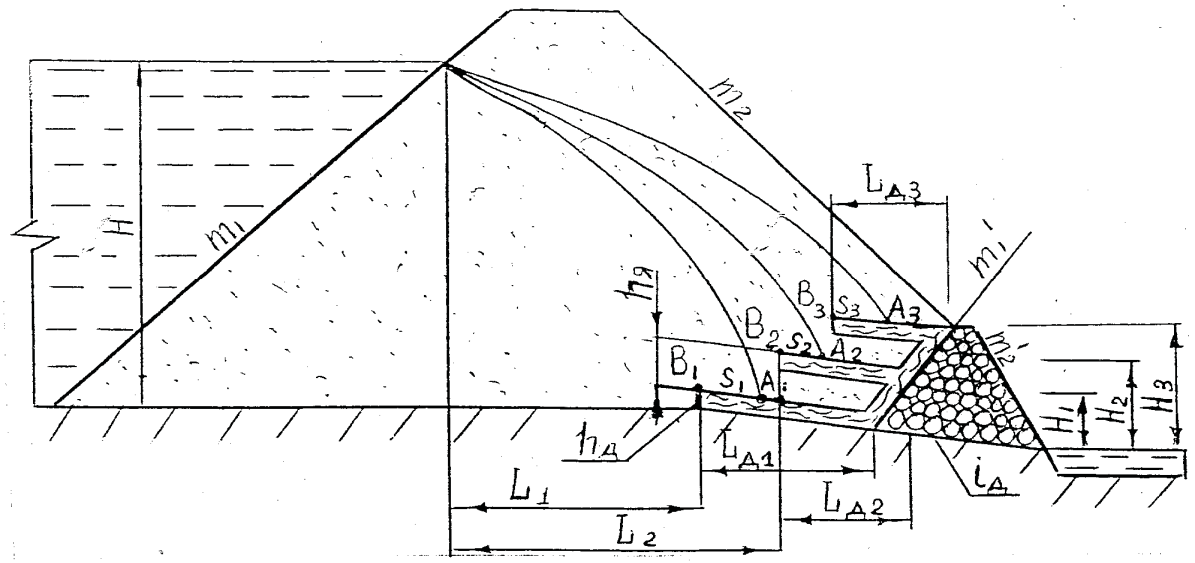


Рис. 2. Ярусная схема расположения пластовых дренажей из волокнистых материалов в комбинации с дренажным банкетом и обратным фильтром

Шаг $h_я$ между ярусами пластовых дренажей принимают в пределах 0,5...0,7 м.

В случае кольматации участка A_1B_1 первого яруса дренажа вступает в работу второй ярус, а затем – третий.

Наряду с горизонтальными дренажами проектируются другие устройства, включающие наклонные дренажные слои в комбинации с горизонтальными дренажами [10]. Первый ярус такой дренажной системы имеет подстилающий песчано-гравийный слой высотой 50...70 мм, обеспечивающий устойчивое положение наклонного участка (рис. 3).

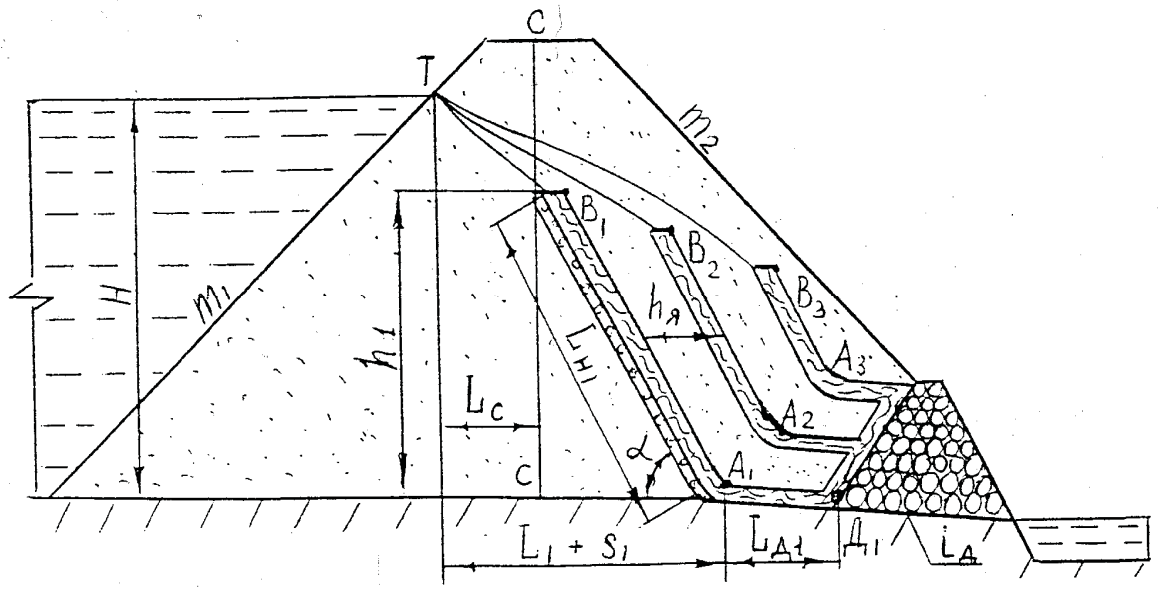


Рис. 3. Схема расположения пластовых дренажей с двумя наклонными участками в комбинации с дренажным банкетом и обратным фильтром

Используя изложенную теорию, выполнен расчет пластового дренажа из волокнистых полимерных материалов плотины отстойника промышленных вод гидромеханизированного участка месторождения россыпного золота по схеме рис. 2 при следующих параметрах

$H_{ПЛ} = 5{,}5$ м; $H = 5$ м, $b = 3{,}5$ м, $m_1 = 2$; $m_2 = 1{,}3$; $K_Ф = 10^{-6}$ м/с; $K_Д = 10^{-3}$ м/с; $H_1 = 0{,}6$ м; $L_Д = 3$ м.

Результаты расчетов, выполненных для трехярусной схемы дренажей, представлены в таблице.

Параметры пластовых дренажей ярусной схемы

Номер яруса j	Координата точки B L_j, м	Размер дренажа $L_{Дj}$, м	Фильтрационный расход на 1 м длины плотины q, м²/с	Размер рабочего участка дренажа S_j, м	Высота слоя дренажа $h_{Дj}$, мм	Давление грунта в точке B σ_{Bj}, МПа	Начальная высота слоя волокнистого полимерного материала t_0, мм
1	7,25	2	$1{,}24 \cdot 10^{-6}$	0,63	5,64	0,078	7,8
2	8,1	1,67	$1{,}14 \cdot 10^{-6}$	0,57	4,9	0,052	6,5
3	8,91	1,33	$1{,}03 \cdot 10^{-6}$	0,5	4,2	0,025	5,3

В расчетах учитывается нагружение и деформация сжатия волокнистого полимерного материала, поэтому начальная высота волокнистого слоя при закладке в 1,5...2 раза больше высоты слоя дренажа.

Проведенные теоретические исследования позволяют проектировать разнообразные дренажные системы пластовых дренажей из волокнистых полимерных материалов для гидротехнических сооружений горного природопользования.

Литература

1. Чугаев Р.Р. Земляные гидротехнические сооружения. Теоретические основы расчета. – Л.: Энергия, 1967. – 460 с.

2. Нурок Г.А., Лутовинов А.Г., Шерстюков А.Д. Гидроотвалы на карьерах. – М.: Недра, 1977. – 311 с.

3. Гидравлическое складирование хвостов обогащения: Справочник / В.И. Кибирев, Г.А. Райлян, Г.Т. Сазонов. – М.: Недра, 1991. – 207 с.

4. Иванов П.Л. Грунты и основания гидротехнических сооружений. – М.: Высш. шк., 1985. – 352 с.

5. Ялтанец И.М. Проектирование гидромеханизации открытых горных пород: учеб. пособие для вузов. – М.: МГГУ, 1994. – 481 с.

6. Гидротехнические сооружения / Н.П. Розанов, Я.В. Бочкарев, В.С. Лапшенков; Под ред. Н.П. Розанова. – М.: Агропромиздат, 1985. – 432 с.

7. Гидротехнические сооружения. Справочник проектировщика / Г.В. Железняков, Ю.А. Ибад-заде, П.Л. Иванов; Под общ. ред. В.П. Недриги. – М.: Стройиздат, 1983. – 543 с.

8. Справочник по гидравлическим расчетам / Под ред. П.Г. Киселева. – М.: Энергия, 1974. – 312 с.

9. Гидротехнические сооружения (в двух частях) / М.М. Гришин, С.М. Слисский, А.И. Антипов: Под ред. М.М. Гришина. Ч. 1. – М.: Высш. шк., 1979. – 615 с.

10. Патент № 2126868 РФ, МКИ6Е02И7/06. Плотина / В.М. Герасимов, А.В. Рашкин. Роспатент. Заявлено 06.05.97. – заявка 97107604. Приоритет 06.05.97. Опубликовано 27.02.99. Бюлл. № 6.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Герасимов В.М., д-р техн. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) Служ. тел.: (3022) 41-72-57

V. Gerasimov, Doctor of Technical sciences, professor, head of Technology of woodworking and mechanics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: геотехнология, геоэкология, механика волокнистых сред

Scientific interests: geotechnology, geoecology, mechanics of fibred environments

УДК 622.85

Карасев Константин Иванович
Konstantin Karasev

Тютрина Светлана Владленовна
Svetlana Tyutrina

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЕЛКОДИСПЕРСНЫЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ, НАХОДЯЩИЕСЯ В СТОЧНЫХ И ОБОРОТНЫХ ВОДАХ ГОРНОДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

PHYSICO-CHEMICAL EFFECTS ON THE FINE-DYSPERSATED MINERAL PARTICLES THAT ARE IN THE WASTE AND CIRCULATING WATERS OF THE MINING ENTERPRISES

Рассматривается комплексное воздействие ионных флокулянтов и ультразвуковых колебаний, в режиме стоячей волны, на мелкодисперсную илисто-глинистую систему, содержащую ионы кремниевых кислот в коллоидной форме. Освещается примерный механизм наблюдаемых явлений. Наблюдаемый экологический эффект данного воздействия позволит значительно улучшить качество сточных и оборотных вод горнодобывающих предприятий

Ключевые слова: *сточные воды горнодобывающих предприятий, флокуляция, дисперсные системы, ультразвуковое воздействие*

The article considers the combined effect of ion flocculants and ultrasonic vibrations, and in a mode of a standing wave on the fine silt and clay system containing ions of silicon acids in colloidal form. Highlights approximate mechanism of the observed phenomena. The observed ecological effect of this impact would greatly improve the quality of sewage and return water mining enterprises-enterprises

Key words: *wastewater mining enterprises, flocculation, disperse systems, ultrasonic influence*

Возрастающие требования к качеству сточных и оборотных вод горнодобывающих предприятий делают актуальным поиск новых, более экологически и экономически выгодных методов очистки воды. В настоящее время ведутся поиски новых методик на стыке нескольких научных направлений. Нами проводилось исследование производственных сточных вод м. Хамара, м. Рензель и м. Средний Хонгорок, относящихся к артели «Бальджа». Исследуемые сточные и оборотные воды содержат глинистые частицы каолинита и монтмориллонита, а также достаточно большое количество ионов тяжелых металлов и силикатных ионов, находящихся в коллоидной форме. Основными приемниками сточных вод являются бассейны рек Бырца, Тырин (м. Хамара), притоки, берущие свое начало с отрогов Даурского хребта и впадающие в реки Кыра и Онон (м. Средний Хонгорок и м. Рензель). Реки, в которые производится периодический сброс воды из системы отстойников, относятся к рекам первой и второй рыбохозяйственной категории, поэтому к воде применяются строгие экологические требования [3; 4]. На изучаемых объектах целенаправленно проводится

осаждение только дисперсных глинистых частиц с помощью анионных флокулянтов, а ионы тяжелых металлов и силикат-ионы не осаждаются и остаются в воде [1]. Длительное использование полиэлектролитов приводит к их накоплению в оборотных водах, что наряду с наличием соединений кремния в коллоидном состоянии изменяет не только реологические параметры системы, но и делает невозможным сброс сточных вод в природные водные объекты [2; 10]. Химический состав сточных и оборотных вод месторождений артели «Бальджа» приведен в табл. 1.

Таблица 1

Химический состав сточных и оборотных вод месторождений артели «Бальджа»

Показатели состава сточных вод	Концентрация ионов до очистки, мг/дм^3	Концентрация ионов после очистки, мг/дм^3	ПДС, мг/дм^3
pH	8,94	7,95	6,5-8,5
Взвешенные вещества	65,6	12,4	40,4
Ионы аммония	0,5	0,03	6,72
Нитрат-ионы	0,25	0,39	2,11
Нитрит-ионы	0,029	0,01	0,099
Хлорид-ионы	4,6	3,17	13,9
Сульфат-ионы	35,7	27,7	37,75
Фосфат-ионы	1,8	1,09	1,883
Ионы железа	0,498	0,323	0,895
Силикат-ионы	19,4	5,4	10,3
Нефтепродукты	0,11	0,09	0,877
Сухой остаток	177,5	98,2	366,8

Суть предлагаемого нами способа очистки воды от дисперсных частиц, ионов тяжелых металлов и силикатных ионов заключается в том, что внесение источника ультразвуковых колебаний в обрабатываемый объем суспензии производится наряду с добавлением полиэлектролитов. Интенсивность ультразвуковых колебаний плавно изменялась от 0 до 8×10^4 Вт/м^2 с помощью устройства независимого возбуждения, находящегося на генераторе, и составила 1×10^4 Вт/м^2. Время ультразвуковой обработки изменялось от 2...2,5 до 20 мин, более длительное озвучивание нецелесообразно, т.к. приводит к процессу диспергирования полученных флокул. Выбранный нами режим позволяет добиться максимальной скорости осаждения дисперсных частиц при более низком содержании полимеров при воздействии ультразвуковых колебаний в режиме стоячей волны (УЗСВ) в течение 5 мин. Дополнительно происходит переход коллоидной формы соединений кремния в растворимую форму, что подтверждается изменением оптической плотности раствора [6; 7]. Измерение оптической плотности раствора проводилось на фотоколориметре КФК – 3. Предварительно был построен калибровочный график. Данные для построения калибровочного графика отражены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты определения оптической плотности и концентрации растворов проб калибровочного графика

Точки калибровочного графика	Среднее значение оптической плотности	Концентрация растворов, мг/дм^3
X_1	2,023	2
X_2	2,135	3
X_3	2,802	10
X_4	3,316	15
X_5	3,927	20

После ультразвукового воздействия на исследуемую систему были сняты показатели оптической плотности и соотнесены с предварительными данными по калибровочному графику. Полученные результаты отражены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты определения оптической плотности и концентрации растворов после обработки у/з колебаниями

Время обработки образцов, мин	Среднее значение оптической плотности образцов	Концентрация растворов по калибровочному графику, мг/дм^3
3	2,972	11,25
5	3,879	18,65
10	3,976	18,93

Проведенные исследования показали, что ультразвуковое воздействие на дисперсные системы, содержащие коллоидные формы кремниевых кислот, увеличивает концентрацию растворимой формы.

Для объяснения полученных результатов мы руководствовались тем, что при распространении волны частицы жидкости совершают колебания около положения равновесия, происходящее с определенной скоростью. Колебания частичек среды при распространении звуковой волны приводят к образованию в жидкости областей сгущения и разряжения [5].

Если в ультразвуковом поле частица расположена так, что плоскость ее составляет некий угол с направлением распространения волны, то колеблющиеся частицы среды обтекают частицу, меняя направления своего движения дважды за период ультразвуковой волны, при этом возникают силы, создающие вращательный момент, который стремится повернуть твердую частицу перпендикулярно к направлению распространения волны. Учитывая, что размеры частицы малы по сравнению с длиной ультразвуковой волны, то сила, поворачивающая частицу, пропорциональна интенсивности ультразвука [8; 9]. Флокуляция в узлах смещения происходит, если мелкодисперсное вещество имеет плотность меньше плотности жидкости и в пучностях смещений стоячей волны, если его плотность превышает плотность жидкости. Наблюдаемое явление увеличения скорости осаждения твердой фазы можно объяснить тем, что в поле УЗСВ пучности колебательной скорости совпадают с узлами давления, а узлы колебательной скорости – с пучностями давления. Причем в отличие от бегущей волны стоячая волна не передает энергии, энергия перераспределяется между соседними пучностями давления и скорости. Поэтому в суспензии, обрабатываемой в режиме УЗСВ, макромолекулы флокулянта и частицы суспензии будут перемещаться в зоны пучности давления и избегать зоны пучностей скоростей. При этом в зоне пучности давлений будет наблюдаться высокая концентрация макромолекул флокулянтов и частиц под повышенным давлением, а в зонах пучностей скоростей будут образовываться зоны чистой воды [7; 10].

Степень осветления сточных и оборотных вод горно-обогатительных предприятий после воздействия УЗСВ в комплексе с анионными полиэлектролитами увеличивается до 88 %. Происходит процесс перехода коллоидной формы кремниевых кислот в растворимые соединения, что способствует удалению из воды ионов кремния. При внедрении предложенного метода воздействия на мелкодисперсные минеральные частицы, находящие в сточных и оборотных водах горнодобывающих предприятий, предполагается улучшение экологической ситуации в районе проведения работ.

Литература

1. Баран А.А., Грегори Д. Флокуляция суспензий каолинакатионными полиэлектролитами // Коллоид. журн. – 1996. – Т. 58, № 1. – С. 13-18.

2. Дерягин Б.В. О влиянии поверхностно-активных веществ на устойчивость дисперсных систем // Коллоид. журн. – 1993. – Т. 55, № 2. – С. 10-16.

3. Доработка запасов месторождений рассыпного золота м. Средний Хонгорок, Хамара и Рензель: поясн. записка (ООС). – Чита: ООО «Забайкалзолотопроект», 2002. – 157 с.

4. Исследование процесса коагуляции и флокуляции при образовании высокоминерализованной воды / М.А. Трофименко, Л.А. Тягнырядно, А.Б. Железняк и др. // Вопросы химии и химической технологии, 1998. – Вып. 96. – С. 30-32.

5. Круглицкий Н.Н., Ничипоренко С.П. Управление свойствами коагуляционных структур глинистых минералов // Успехи коллоидной химии. – М., 1973.– С. 190-200.

6. Мягченко В.А., Крикуненко О.В. Влияние состава сополимеров актиламида с акрилатом натрия на интенсивность ультразвуковой деструкции в водной и водносолевой (0,5н NaCl) средах // Химия и хим. технология. – 1998. – Т. 41, Вып. 1.– С. 88-90.

7. Основы физики и техники ультразвука: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1999. – 331 с.

8. Твердохлебов В.П., Шепелев И.И. Очистка промышленных сточных вод электровзрывной обработкой // Водоснабжение и санитарная техника. – 2001. – № 7. – С. 36-38.

9. Ультразвуковые методы воздействия на технологические процессы / Под ред. Н.Н. Хавского. – М.: Металлургия, 1981. – 141 с.

10. Яремко З.М., Федушинская Л.Б., Солтыс М.Н. Флокуляция дисперсий водорастворимыми полимерами. Механизм флокуляции // Химия и технология воды. – 1991. – Т. 13, № 5. – С. 421-424.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Карасев К.И., д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой химии Забайкальского государственного университета, президент Забайкальского отделения МАНЭБ, академик, член-корреспондент ряда общественных академий (РАЕН, МАН ВШ, АГН), Министр образования и молодежной политики Забайкальского края
Служ. тел.: (3022) 35-94-85

Научные интересы: изучение повышения эффективности и безопасности горного производства на базе использования полимерных флокулянтов

K. Karasev, Minister of education and youth policy, Trans-Baikal Region, head of chemistry department, Zabaikalsky State University, president of the Trans-Baikal branch IAELS, academician, corresponding member of several public academies (Academy of Natural Sciences, IAS HS, AGN), professor

Scientific interests: efficiency and safety of mining study on the basis of polymeric flocculants use

Тютрина С.В., канд. техн. наук, доцент кафедры химии, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-71-22

Научные интересы: исследование физико-химических воздействий на мелкодисперсные минеральные системы с целью нарушения их агрегативного равновесия, а также создание на основе минерального сырья силикатных композитных материалов

S. Tyutrina, Candidate of Chemical Sciences, assistant professor, Chemistry department, Zabaikalsky State University

Scientific interests: physical and chemical study of effects on the fine-dispersed mineral system to violations of their aggregative equilibrium as well as the establishment of mineral silicate composite materials on the basis

УДК 38.49:38.17

Кондратьев Валентин Георгиевич
Valentin Kondratiev

Трубачев Алексей Иванович
Alexey Trubachev

ТРЕЩИННО-ЖИЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРНЫХ ПОРОДАХ ЗОЛОТОРУДНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ «БАМСКОЕ»

CRACK-THREAD FORMATIONS IN ROCK GOLD DEPOSIT «BAMSKOE»

Рассмотрены трещинно-жильные образования в гранитах и гнейсах Бамского золоторудного месторождения: их структурное положение, минеральный состав, степень распространения, связь с рудными телами месторождения

Ключевые слова: *трещинно-жильные образования, минеральный состав, элементы залегания*

Crack-thread formations in granites and gneisses of «Bamskoe» gold deposits are considered: their structural position, mineral composition, prevalence, relationship with ore-body field

Key words: *crack-thread formation, mineral composition, abundance*

Бамское золоторудное месторождение является одним из крупнейших на юге Дальнего Востока. По данным ЗАО «Полюс», на месторождении числится 14,2 т запасов золота по категориям C_1+C_2 со средним содержанием 3,7 г/т и 86,5 т прогнозных ресурсов золота по категориям P_1+P_2 [1].

Бамское месторождение расположено на севере Тындинского района Амурской области, в 70 км к северу от ст. Хорогочи БАМ, в зоне Станового глубинного разлома, состоящего из серии сопряженных разрывов преимущественно близширотного и северо-западного направлений. В металлогеническом отношении оно входит в состав Апсаканского золоторудного узла Становой золотоносной провинции.

Рудное поле месторождения представляет сегмент структуры центрального типа, ограниченный на севере внешним концентрическим разломом, а с юга – прямолинейным разломом субширотного простирания, южнее которого протягивается мощный пояс мезозойских даек среднего состава [2]. Вмещающими породами для всех рудных тел Бамского месторождения являются гранитоиды Чубачинского массива, а также гнейсы и частично сланцы джигдалинской свиты.

Рудные тела оконтурены по бортовому содержанию 1,5 г/т. Простирание рудных тел субширотное, реже северо-восточное. Мощность рудных тел колеблется 0,7...22,4 м, составляя в среднем по месторождению 2,3 м, причем мощность отдельных кварцевых жил достигает 9,1 м (обычно 0,3...0,5 м). Протяженность рудных тел до 1500 м, в среднем по месторождению она составляет 780 м. Углы падения их 40...60°.

Месторождение по классификации ГКЗ отнесено к III группе по сложности геологического строения. Месторождение может отрабатываться комбинированным способом (открытым и подземным) при простых горнотехнических и гидрогеологических условиях. На первой стадии планируется применить метод кучного выщелачивания [1].

Сотрудники Читинского государственного университета (ныне Забайкальского) в 2010 г. по заказу ЗАО «ГИДЭК» проводили полевые геолого-структурные и инженерно-геокриологические исследования на территории золоторудного месторождения «Бамское» с целью изучения трещин и прожилков в горных породах. Полевые исследования керна из 12 разведочных скважин глубиной 100...300 м и бортов карьера проводили Е.С. Седунова и З.Б. Данзанов в пределах четырех участков месторождения.

Массив горных пород, слагающих месторождение, пересекается многочисленными тектоническими нарушениями различного порядка и характеризуется различной степенью трещиноватости: от слаботрещиноватых монолитных зон до зон дробления. Для пород характерны значения модуля общей трещиноватости 1-5...30, в среднем 5...10. Трещины расположены под самыми разными углами 10...85° по отношению к оси керна, разнонаправленные, параллельные к оси керна, ветвящиеся, извилистые, с неровным раковистым изломом.

Карьер протяжённостью около 350 м (рис. 1) захватывает зону надвига и пересекает многочисленные разломы, облекающие зону надвига. Стенка карьера высотой 6...35 м вскрывает зону внедрения гранитных протерозойских интрузий в архейские гнейсы – зону ультраметаморфизма.

Рис. 1. Общий вид карьера на Бамском месторождении

Борта карьера состоят преимущественно из протерозойских гранитов, архейских гнейсов, местами кристаллосланцев; контакты разных пород как четкие, так и нечеткие. Дно карьера сильно завалено глыбово-щебнистым материалом, местами затоплено. За 9 лет нахождения борта карьера в субаэральных условиях после его разработки, породы подверглись интенсивному физическому (в особенности морозному) выветриванию, местами до порошковатого состояния. В некоторых местах, преимущественно в восточной части стенки карьера, породы лимонитизированы.

Визуальным осмотром бортов карьера было выделено четыре участка, на которых выполнено 511 инструментальных измерений трещиноватости пород, и для каждого из 4 участков в виде таблиц Excel дана характеристика трещиноватости пород с указанием типа породы, азимута простирания, угла падения трещины и состава заполнителя.

По этим данным построена общая сетка Вульфа (рис. 2), на которой четко выделились участки с разной трещиноватостью пород.

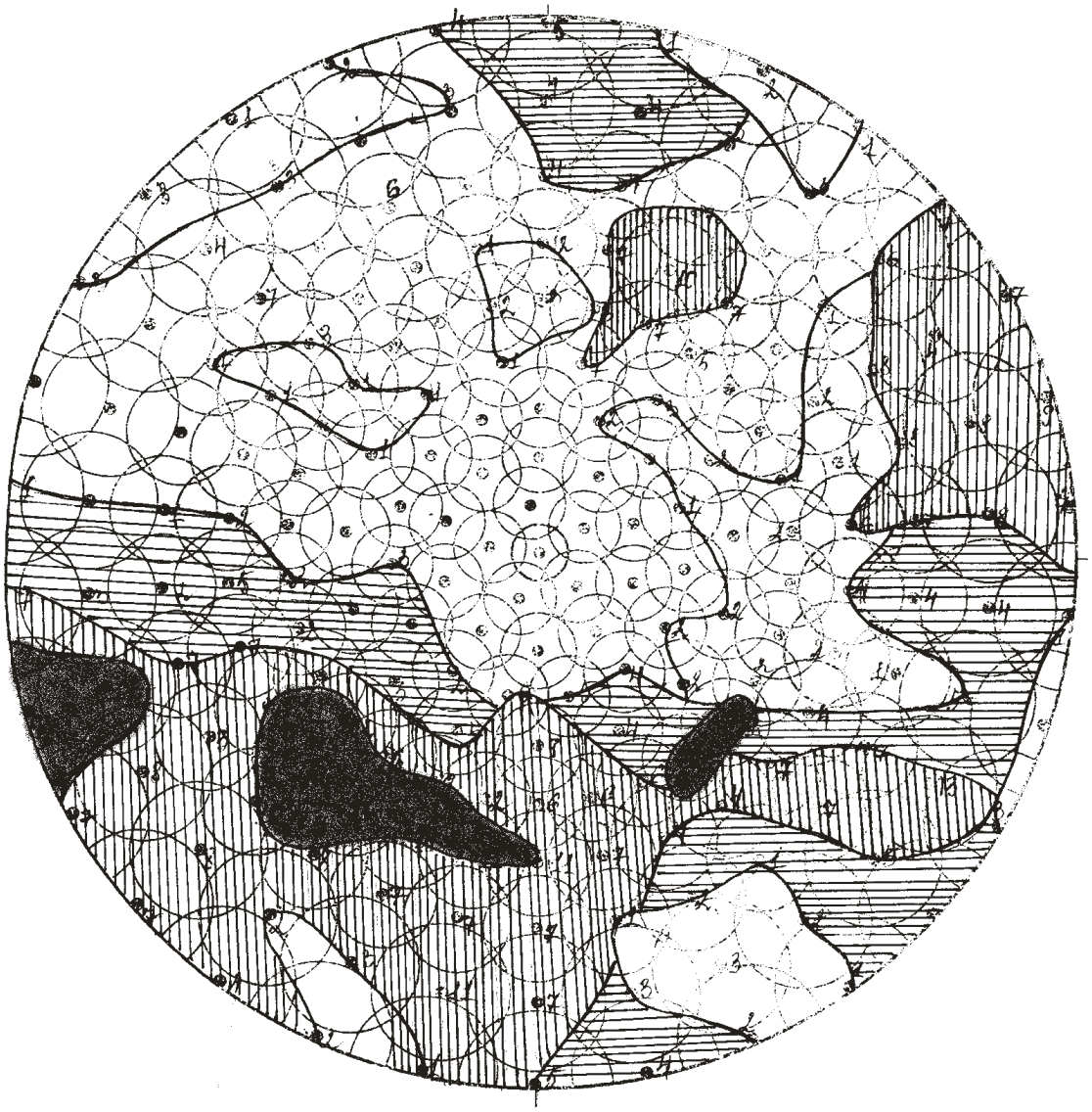


Рис. 2. Общая сетка Вульфа для трещиноватости пород Бамского месторождения

Участки интенсивной трещиноватости пород (черные участки) занимают 22,6 % исследованной площади, средние азимуты падения трещин для этих участков составляют 40, 72,5 и 310°, углы падения 63, 85 и 53°.

Участки средней трещиноватости пород (вертикальная штриховка) занимают 44,8 % исследованной площади и являются преобладающими в борту карьера. Азимуты падения трещин изменяются от 80 до 225°, углы падения трещин – преимущественно 50...90°.

Участки слабой трещиноватости пород (горизонтально заштрихованы) занимают 19,7 % исследованной площади. Азимуты падения трещин изменяются от 95 до 270°, углы падения трещин – преимущественно 20...43° и 80...90°.

Участки с очень слабой трещиноватостью (не имеют штриховки) занимают 12,9 % площади, азимуты падения трещин 325...345, 10...35 и 235...300°.

Поскольку трещины (более 95 %) заполнены тем или иным минералом, их в полной мере можно считать прожилками. Минеральный состав прожилков разнообразен – гематит, хлорит, кальцит, лимонит, кварц с сульфидами (пирит, халькопирит), слюды, представленные мусковитом и био-

титом либо совместно, либо по отдельности. И только 5 % трещин не несут в себе никакой минерализации, иногда это система параллельных трещинок, создающих зонки дробления с неясно выраженными зеркалами скольжения.

Все прожилково-трещинные образования зафиксированы в основном в двух типах горных пород месторождения – в протерозойских гранитах и архейских гнейсах (частично в сланцах).

На первом участке месторождения в гранитах зафиксировано 52 прожилка (это 42 % от всего их количества на участке); по степени распространения развиты хлориты (21,7 %), затем кальцит (11,3 %), гематит (5,6 %), кварц-сульфидные и лимонитовые (по 1,6 %). В гнейсах на этом же участке распространенность трещинно-жильных образований по минеральному составу выстраивается в следующий убывающий ряд (в %): гематит (38,7) – хлорит (13,1) – кальцит (4,9) – лимонит (1,6), совсем нет кварц-сульфидных прожилков.

На втором участке в гранитах зафиксировано 57,6 % всех прожилков, в гнейсах – 42,4 %. По минеральному составу в гранитах убывающий ряд по минеральному составу выглядит иначе, чем на Первом участке: мусковит + биотит (20 %) – кальцит (15,2) – кварц-сульфидные (7,2) – хлорит (6,3) – лимонит (5,6) – гематит (4,7). В гнейсах этот ряд другой, %: гематит (24,1) – хлорит (8,9) – слюды (4,0) – лимонит (3,2) – он почти противоположен гранитному ряду, но с отсутствием в гнейсах кварцево-сульфидных прожилков.

На третьем участке в гранитах минеральный ряд будет таков, %: кальцит (16,0) – слюды (12,8) – хлорит (10,4) – гематит (9,6) – лимонит (5,6) – кварц-сульфидные (4,0). В гнейсах на первом месте по распространенности стоят гематитовые прожилки (19,2 %), затем хлоритовые (8,8) – далее лимонитовые и слюдяные (по 5,6 %) и кварц-сульфидные (2,4 %).

Четвертый участок характеризуется развитием всех типов трещинно-жильных образований. В гранитах из 92 прожилков (это 66,7 %) на долю кварц-сульфидных приходится 28,3 %, далее идут: слюдяные (8,6 %) – открытые трещины без минерального выполнения (8,2 %) – лимонитовые (7,3 %) – хлорит и кальцит (по 5,0 %) – гематит (4,3 %). Если учесть, что лимонит развивается в зоне окисления за счет пирита и халькопирита, то на долю кварц-сульфидных прожилков в гранитах придется почти 36 % всей массы трещинно-жильных образований. В гнейсах на этом участке месторождения трещинно-жильных образований (которых меньше всего – 45 штук) выстраивается по степени распространенности следующий убывающий ряд (в %): лимонит (8,9) – «пустые» открытые трещины (7,3) – хлорит (3,8) – кварц-сульфидные (3,0) – кальцит (1,5) – слюды (1,5).

По всем четырем участкам в гранитах нет резко преобладающих по минеральному составу трещинно-жильных образований; этот ряд будет таков, %: кальцит (11,8) – кварц-сульфидные (10,8) – хлорит (10,6) – слюды (10,3) – гематит (5,9) – лимонит (5,1) – открытые трещины (2,1). В гнейсах наблюдается некоторая дифференцированность по степени распространения (в %): гематит (22,1) – хлорит (8,6) – лимонит (4,8) – слюды (2,8) – открытые трещины (2,0) – кварц-сульфидные (1,3).

В целом по месторождению во всех горных породах зафиксирован по 511 наблюдениям (измерениям) следующий убывающий минеральный ряд (таблица, %): гематит (28,0) – хлорит (19,2) – кальцит (13,6) – слюды (13,1) – кварц-сульфидные (12,1) – лимонит (9,9) – открытые трещины (4,1).

Трещинно-жильные образования в горных породах Бамского месторождения отражают собой этап формирования пород и руд в фанерозое, после гранитоидов Чубачинского массива и, скорее всего, после или во время становления мощного пояса мезозойских даек среднего состава.

Распределение трещинно-жильных образований в породах и участках Бамского месторождения золота, %

Участки и породы			Минералы в трещинно-жильных образованиях							
			Гематит	Хлорит	Кальцит	Лимонит	Кварц с сульфидами	Слюды (мусковит, биотит)	Открытые трещины	Итого Кол-во жил / %
N = 124	I	граниты	7/5,6	27/21,7	14/11,3	2/1,6	2/1,6	–	–	52/42,0
		гнейсы	48/38,7	16/13,1	6/4,9	2/1,6	–	–	–	72/58,0
N = 125	II	граниты	5/4,7	7/6,3	19/15,2	7/5,6	9/7,2	25/20,0	–	72/57,6
		гнейсы	31/24,1	12/8,9	1/0,8	4/3,2	–	5/4,0	–	53/42,4
N = 125	III	граниты	12/9,6	13/10,4	20/16,0	7/5,6	5/4,0	16/12,8	–	73/58,0
		гнейсы	24/19,2	11/8,8	–	7/5,6	3/2,4	7/5,6	–	52/41,6
N = 137	IV	граниты	6/4,3	7/5,0	7/5,0	10/7,3	39/28,3	12/8,6	11/8,2	92/66,7
		гнейсы	10/7,3	5/3,8	2/1,5	12/8,9	4/3,0	2/1,5	10/7,3	45/33,3
Итого		граниты	30/5,9	54/10,6	60/11,8	26/5,1	55/10,8	53/10,3	11/2,1	289/56,6
		гнейсы	113/22,1	44/8,6	9/1,8	25/4,8	7/1,3	14/2,8	10/2,0	222/43,4
Всего N = 511			143/28,0	98/19,2	69/13,6	51/9,9	62/12,1	67/13,1	21/4,1	511/100

В числителе – число трещин (прожилков), в знаменателе – их процентное количество;
N – число замеренных трещин (прожилков)

Минеральный состав трещинно-жильных образований отражает в значительной степени минеральный состав кварцево-рудных жильных тел месторождения [2]. Кварцево-сульфидные прожилки – это остаточные растворы после формирования основных рудных тел. У авторов нет данных по золотоносности рассмотренных трещинно-жильных образований месторождения. Это задача следующих исследований на объекте.

В целом, изучение трещинно-жильных образований месторождения дает возможность прослеживания породо- и рудообразования на протяжении длительного геологического развития – от протерозоя до мезозоя. Минеральный состав отражает состав рудообразующих растворов, которые, проникая по тектоническим нарушениям, формируют либо само месторождение (в благоприятных структурах), либо его фрагменты в виде мелких прожилков и не дающих промышленных скоплений. Пространственная ориентировка трещинно-жильных образований колеблется в трех диапазонах: СВ (10...80°), СЗ (300...345°) и субширотном (90...270°) с крутыми углами их падения (50...90°) и лишь изредка в зонах надвига с пологим падением (20...43°), отражает направления тектонических движений в зоне Станового глубинного разлома.

Приведенные сведения о трещинно-жильных образованиях в породах Бамского месторождения будут полезны для расшифровки его структуры, морфологии рудных тел и истории формирования, а также для характеристики горно-геологических и геотехнологических условий при проектировании его разработки.

Литература

1. Волков А.В. В Амурской области производство золота стремительно растет, несмотря на кризис // Золото и технологии. – 2009. – № 1 (4).

2. Степанов В.А. Бамское золоторудное месторождение (Становой хребет, Россия) // Геология рудных месторождений. – 2001. – Т. 43. – № 1. – С. 38-51.

Коротко об авторах ***Briefly about the authors***

Кондратьев В.Г., д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
mail@zabgu.ru

Научные интересы: месторождения полезных ископаемых

Трубачев А.И., д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
mail@zabgu.ru

Научные интересы: геология месторождений полезных ископаемых, минерагения

V. Kondratiev, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, professor, Zabaikalsky State University

Scientific interests: mineral deposits

A. Trubachev, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, professor, Zabaikalsky State University

Scientific interests: geology of mineral deposits

УДК 553.634.12(571.55)

Котова Наталья Павловна
Natalia Kotova

ГЕОТЕКТОНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И МИНЕРАГЕНИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ НА ФЛЮОРИТ

GEOTEKTONIC CHARACTERISTICS OF FORMATION AND MINERAGENIC ZONING OF EAST TRANSBAIKALIA IN FLUORITE

Дана характеристика геотектонической позиции месторождений эпитермальной флюоритовой формации Восточного Забайкалья. С учетом ведущих прогнозно-поисковых критериев и признаков оруденения проведено минерагеническое районирование территории региона на флюорит в пределах Монголо-Забайкальского флюоритового пояса с выделением перспективных зон, районов и узлов

Ключевые слова: *Восточное Забайкалье, флюорит, условия формирования, минерагеническое районирование*

Elucidate the geotectonic position of epithermal formations of fluorite in Easten Zabaikalie. Taking into account the leading search criteria and indications of mineralization zoning of the region territory mineragenic regioning within Mongol-Transbaikalian fluorite belt with prospective zones, areas and sites is held

Key words: *Easten Zabaikalie, fluorite, conditions of formation, mineragenic zoning*

Фторная минерализация широко распространена в различных геотектонических структурах, связанных с глубинными процессами и находящихся в тесной связи с геологическим развитием Земли. Концентрации соединений фтора в силу присущих этому элементу летучести и активности выступают индикаторами проявления глобальных и региональных рифтогенных структур, контролирующих размещение флюоритовых провинций, поясов и месторождений. Эти структуры проявляются в виде тектонически ослабленных зон, изобилующих интрузивными породами, линейными системами грабенов и т.д., обеспечивают доступ из глубин планеты летучего фтора и гидротермальных растворов [11].

Эпитермальные месторождения и проявления флюорита известны на всех континентах, формируются чаще за счет фторной дегазации мантии. В иерархии флюоритоносных структур выделяются флюоритоносные пояса, зоны (районы), узлы, поля и месторождения.

Известны два типа флюоритоносных поясов: глобальные (периокеанические), располагающиеся в зонах перехода современной континентальной коры в океаническую, и региональные (внутриконтинентальные), наложенные на структуры внутренних частей континентов [4].

Анализ размещения флюоритовых поясов показывает, что глобальные пояса приурочены к периферии континентов (побережьям Тихого, Атлантического, Индийского, Северного Ледовитого океанов). Они связаны с транскоровыми разломами и прослеживаются на тысячи километров, охватывая крупные сегменты Земли. Пояса этого типа фиксируют границы консолидированного обрамления подвижного ложа океанов и отражают их металлогенические особенности, зависящие от глубинных частей тектоносферы. Месторождения и

проявления таких поясов, в основном мезозойско-кайнозойские, возникли в эпоху планетарной тектонической активности в связи с образованием современных океанов [5; 13]. Наиболее крупным глобальным поясом является Тихоокеанский.

Сопоставление тектонического положения внутриконтинентальных флюоритоносных поясов со схемами геодинамического районирования и глубинного строения территории свидетельствует, что главные провинции с плавиковошпатовым оруденением находятся в зоне линейных растяжений земной коры [2; 10], а наиболее продуктивные регионы – Забайкальский, Среднеазиатский, Южно-Казахстанский и другие – характеризуются, кроме того, мантийно-коровым разуплотнением, неоднородностями верхней мантии. На поверхности Земли эти пояса трассируют краевые части Центральноазиатской области аномальной мантии. Наблюдается увеличение интенсивности мезозойского флюоритогенеза от внутренних частей к периферии указанной области, намечается связь масштабов, формационной принадлежности оруденения с мощностью аномальной мантии и глубиной погружения ее краев [9].

О.З. Алиева и А.В. Коплус, проанализировав размещение флюоритоносных поясов [1], показали, что большинство их локализовано в складчатых областях (коллизионно-аккреционных зонах) и совмещено с вулкано-плутоническими поясами, телескопированными на эти зоны. Реже флюоритоносные пояса приурочены непосредственно к краевым частям платформ и щитов. Флюоритоносные регионально-металлогенические подразделения, совмещенные с континентальными вулканогенными поясами окраинно-континентального (Тихоокеанский пояс) и внутриконтинентального (Забайкальский, Монголо-Забайкальский, Бельтау-Кураминский, Южно-Казахстанский и др.) типов, заслуживают особого внимания – для них типичны проявления эпитермального флюоритообразования. Они располагаются в областях завершенной складчатости, срединных массивов и платформ, которые испытали интенсивные растяжения земной коры в условиях сводообразования, нередко приводящие к рифтогенезу. Забайкальская флюоритоносная провинция, например, территориально совпадает с Забайкальско-Восточномонгольской рифтовой зоной, прослеживающейся на 3 тыс. км [7].

С позиций тектоники литосферных плит такие пояса характерны для активных окраин континентов и, особенно, для «горячих точек» – областей воздействия на литосферу поднимающихся мантийных струй [13]. Сводообразование обусловлено проявлением диапиризма аномальной мантии. В пределах возникающих над "горячими точками" сводовых поднятий со свойственным им повышенным тепловым потоком формируются рифты. Там, где мантийные струи располагаются под ослабленными зонами земной коры, наблюдается проявление магматизма, а устойчивые участки кратонов испытывают поднятия без вулканических проявлений. С падением активности мантии процесс сводообразования (аркогенеза) сменяется стадией ослабления напряжений, растяжением и дифференциацией движений (обрушение свода, тафрогенез, горсто-грабеновая тектоника и др.) [12].

Герцинские и, особенно, мезозойско-кайнозойские вулкано-тектонические пояса и ближайшие их обрамления, соответствующие стадиям разрушения сводовых поднятий и рифтогенеза, представляют ведущие по значению региональные структуры, с которыми связано плавиковошпатовое оруденение [4].

Гидротермальное оруденение фтора выявлено в областях с континентальной корой, сформированной в разное время, в частности, в Забайкалье – в конце триаса – раннем мелу. Внутриконтинентальные флюоритовые пояса Забайкалья наложены на каледонские и герцинские складчатые сооружения в позднем мезозое. Они располагаются в областях влияния глубинных долгоживущих разломов, которые имеют значительные размеры по простиранию и ограничивают корово-мантийные блоки. Образованию флюоритовой минерализа-

ции предшествовало общее воздымание территории в сводовые поднятия, широкое заложение новых и подновление древних разрывных нарушений, контрастные блоковые перемещения, развитие вулканических поясов и формирование разнообразных рудных комплексов [3; 6].

Забайкальская флюоритоносная субпровинция (более 800 тыс. км^2) включает Забайкалье и Западное Прибайкалье. Она является северной частью Монголо-Забайкальской флюоритоносной провинции, в которой (вместе с Восточной Монголией) известно более 1200 флюоритовых месторождений, проявлений и пунктов минерализации, из них более 900 – на территории Забайкалья. Восточное Забайкалье – наиболее флюоритоносный регион в пределах Забайкальской субпровинции: 60 % выявленных в Забайкалье флюоритовых месторождений расположены в Забайкальском крае, при этом преобладающая доля разведанных запасов флюоритовых руд сосредоточена в его восточной части.

Флюоритовое оруденение Монголо-Забайкальского пояса приурочено к внутриконтинентальному Восточномонгольско-Приаргунскому вулкано-плутоническому поясу, по геодинамическим условиям возникновения относящегося к рифтогенному. Плавиковошпатовая минерализация проявлена в тектонических блоках, сложенных разнообразными по возрасту породами, входящими в различные структурно-формационные зоны.

Процессы флюоритового рудогенеза связаны с позднемезозойским (поздняя юра – ранний мел) этапом геологической истории региона. Для этого времени характерны интенсивные блоково-глыбовые деформации, тектонические подвижки с подновлением существующих и заложением новых разломов; формирование рифтовых систем и пространственно совмещенных с ними вулкано-плутонических поясов северо-восточного простирания, в том числе вулкано-тектонических структур и наложенных впадин забайкальского типа, заполненных осадочно-вулканогенными, осадочными отложениями; образование магматогенных очагово-купольных структур, интрузивных массивов, внедрение малых интрузий и даек; гидротермальное рудообразование и эндогенный метаморфизм пород.

Минерагеническое районирование территории Восточного Забайкалья на флюорит проведено с использованием данных о контроле оруденения, флюоритоносности региона и поисковых признаках флюоритовой минерализации. При уточнении границ флюоритоносных площадей учтены минерагенические карты и схемы, составленные ранее исследователями, изучавшими флюоритоносность региона: А.А. Ивановой, В.С. Кормилицыным, А.Д. Щегловым, А.Т. Соловьевым, П.А. Котовым и др. (табл. 1; 2).

Монголо-Забайкальский пояс ограничен в Забайкалье лишь с северо-запада. Длина его 850 км, максимальная ширина 260 км. Он включает две флюоритоносные зоны: Центрально-Забайкальскую и Урулюнгуй-Уровскую, являющиеся продолжением Северной и Южной зон монгольской части пояса. К первой из них приурочены 5, ко второй – 15 промышленных флюоритовых месторождений.

Минерагенические зоны включают более локальные флюоритоносные территории – рудные районы (тысячи – первые десятки тысяч квадратных километров) с промышленными месторождениями флюорита и узлы (сотни квадратных километров), а также соответствующие им по размерам потенциально рудоносные территории (с непромышленными месторождениями, проявлениями).

Вне пояса располагается Ингодинский редкометалльно-флюоритовый узел.

Таблица 1

Характеристика Монголо-Забайкальского флюоритового пояса на территории Забайкалья

Длина, км		850
Ширина, км		160-250
Глубина, м		350-460
Площадь, км^2		104000
Число минерагенических зон		2 (Центрально-Забайкальская, Урулюнгуй-Уровская)
Генетические типы		Гидротермальный
Рудные формации		Флюоритовая
Морфология		Жилы, минерализованные зоны дробления, метасоматические залежи
Минеральные типы		Кварц-флюоритовый, кварц-карбонатно-флюоритовый, сульфидно-кварц-флюоритовый, адуляр-кварц-флюоритовый
Металлогенические формации (сопутствующие)		Позднемезозойская фтор-молибден-урановая; мезозойские золото-молибден-полиметаллическая, редкометалльная
Факторы контроля оруденения	Геотектонические	Монголо-Охотская геосинклинальная область с наложенными структурами (впадины межгорные и забайкальского типа – J_2, J_{2-3}, K_1, вулкано-тектонические – J_{2-3}, J_3, магматогенные очагово-купольные – J_1, J_{2-3}, J_3)
	Структурные	Зоны глубинных региональных и субрегиональных разломов, реже локальных глубокого заложения СВ простирания сквозные скрытые разломы СЗ простирания, участки их пересечения
	Литологические	Вулканогенно-карбонатно-терригенные толщи PR_3 – PZ_1, образования терригенно-базальт-андезит-риолитовой формации, кремнисто-сланцево-песчаниковые толщи T, гранитоиды PR_3 – PZ_3, PZ_3, MZ
	Магматические	Позднемезозойские формации: субвулканическая риолит-базальтовая, лейкогранитовая, гранитовая, монцонит-гранодиорит-гранитовая, трахиандезит-трахибазальтовая, базальт-андезит-риолитовая
	Геохимические	Кальциеносные породы карбонатной и терригенно-карбонатной формаций в восточной части пояса, на остальной площади – умеренно карбонатные. Гранитоиды AR – J_3 с повышенным содержанием акцессорного флюорита
	Минералого-геохимические	Площади распространения литохимических ореолов фтора (до целых %), шлиховых ореолов флюорита, фтороносных вод (до 5-8, в отдельных пробах до 14 мг/л)
	Метасоматические	Аргиллизация, окварцевание, оплавикование, доломитизация, калишпатизация
Библиографический список		Анферов и др., 1976, 1979, 1990; Березовиков и др., 1965; Булнаев, 1978; Евсеев и др.,1961; Иванов, 1984; Иванов, Анферов, 1970; Иванова, 1984; Котова и др., 1980; Карманов и др., 1990; Левадний, Анферов, 1972; Луканчев и др., 1989; Озерский и др., 1985, 1987; Рутштейн и др., 1977; Прогнозно-металлогеническая карта.., 1982 (ВСЕГЕИ)

Таблица 2

Минерагеническое районирование Восточного Забайкалья на флюорит

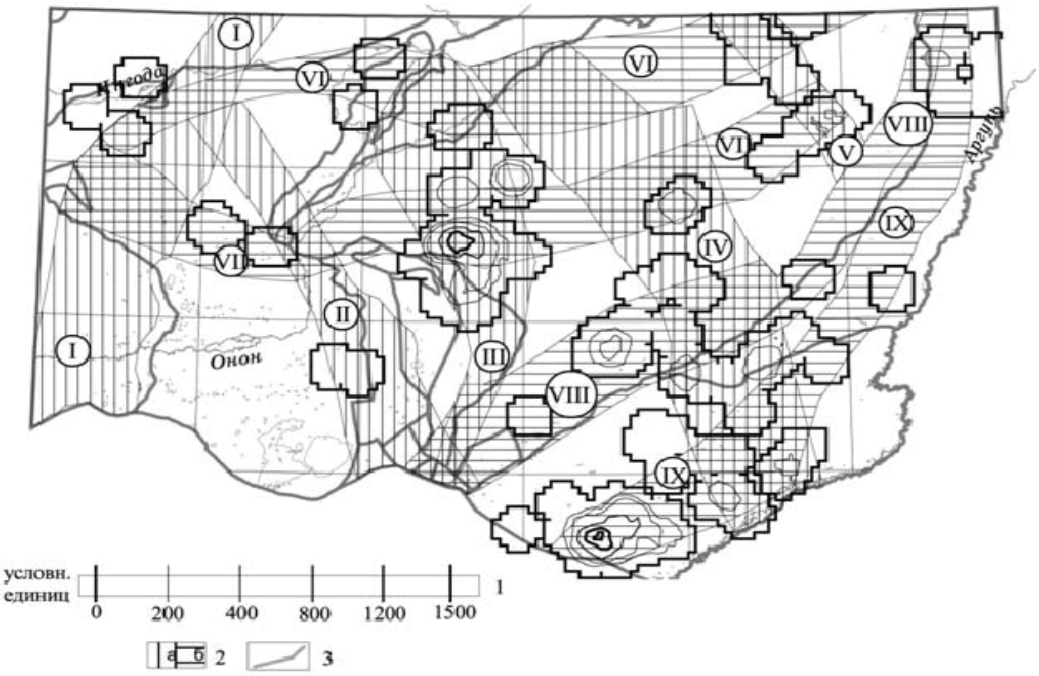
Флюоритоносные территории			
Пояс	**Минерагеническая зона**	**Рудный район**	**Рудный узел, зона 2-го порядка**
Монголо-Забайкальский	Центрально-Забайкальская (Северная)	Саханай-Дурулгуевский	–
		Агинский	–
		Балейский	Балейский
		Сретенско-Карийский	–
	Межзональная территория	Кукульбейский	Букука-Белухинский, Тургинский
		Газимуро-Заводский	Уктычинский, Солонечный
	Урулюнгуй-Уровская (Южная)	Богдатско-Аркиинский	Мотогорский
		Кличкинский	Нарынский, Гарсонуйский, Урулюнгуй-Верхнеборзинская зона
		Заурулюнгуйский	Бугутуро-Абагайтуйский, Тулукуевский, Уртуйский , Урулюнгуйский

Окончание табл. 2

Флюоритоносные территории			
Пояс	**Минерагеническая зона**	**Рудный район**	**Рудный узел, зона 2-го порядка**
Вне пояса	–	–	Ингодинский

Таким образом, с использованием ведущих рудоконтролирующих факторов – геотектонических, структурных, литологических, магматических, геохимических, минералого-геохимических, метасоматических в пределах Центрально-Забайкальской и Урулюнгуй-Уровской минерагенических зон Восточного Забайкалья выделены перспективные флюоритоносные площади, группирующиеся в рудные районы и узлы (зоны 2-го порядка).

Современная модель пространственного распространения флюорита Юго-Восточного Забайкалья [14] базируется на картировании экстенсивного проявления этой минерализации и ее связи со структурами тектоно-магматической активизации докембрийского кристаллического фундамента Юго-Восточного Забайкалья (см. рисунок).



Экстенсивность проявления флюоритовой минерализации в структурах зон тектоно-магматической активизации докембрийского кристаллического фундамента (по Ю.В. Павленко [8]) :

1 – поля экстенсивности; 2 – зоны тектоно-магматической активизации субмеридионального (а) и субширотного-северо-восточного (б) направлений, уточненные по полям экстенсивности; цифры в кружках – наименование зон: I – Монголо-Удский шов, II – Ононская, III – Восточно-Агинская, IV – Далайнор-Газимурская, V – Урово-Газимурская, VI – Ингода-Куренгинская, VII – Ага-Урюмканская, VIII – Борзя-Уровская, IX – Приаргунская; 3 – границы основных тектонических структур

Она отличается от ранее предложенной систематики флюоритовых объектов рассмотрением этой минерализации в составе комплексной мультиметалльной минерализации региона, сформированной в специфических геолого-генетических условиях. Поля экстенсивности проявления полезных ископаемых региона, в том числе флюорита, в целом подтверждают рудовмещающее значение флюидопроницаемых структур раннедокембрийского фундамента, имеющих аномально большую глубину и проницаемость для рудоносных растворов [8].

Выявленные новые региональные закономерности пространственного размещения эндогенного минерального сырья расширяют существующие представления об условиях формирования флюоритовой минерализации Монголо-Забайкальского пояса.

Комплекс региональных и локальных прогнозно-поисковых критериев и признаков оруденения позволит более точно оценивать уровень благоприятности геологической обстановки для локализации флюоритовых объектов.

Полученные данные могут использоваться при оценке перспектив региона на флюорит, составлении карт прогноза и рекомендаций по проведению геологоразведочных работ.

Литература

1. Алиева О.З., Коплус А.В. Эволюционная модель формирования рудного потенциала флюоритового эпитермального оруденения // III Международная конференция «Новые идеи в науках о Земле»: тез. докл. – Т. 2. – М., 1997.

2. Белоусов В.В., Вольвовский Б.С., Вольвовский И.С. и др. Глубинное строение Центральной Азии по геотраверсу Тянь-Шань – Памир – Гималаи // 27 МГК. Тектоника Азии: Доклады. – М.: Наука, 1984. – Т. 5. – С. 24-42.

3. Иванова А.А., Щеглов А.Д.. Флюоритовые месторождения континентальных вулканических поясов // Геология и генезис флюоритовых месторождений Забайкалья. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – 180 с.

4. Коплус А.В. Тектоническая позиция и структурные условия формирования флюоритового оруденения // Геология и генезис флюоритовых месторождений. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – 180 с.

5. Корытов Ф.Я. О флюоритоносности океанических регионов // 9-й семинар по геохимии магматических пород: тез. докл. – М., 1983. – С. 25.

6. Кошелев Ю.Я. Флюоритовые месторождения Монголо-Забайкальского вулканического пояса: образование, размещение, перспективы поисков: автореф. дис. … канд. геол.-минерал. наук. – Чита, 2002.

7. Милановский Е.Е. Геология СССР. – Ч. 2. Урало-Монгольский пояс и смежные метаплатформенные области. – М., 1989. – 271 с.

8. Павленко Ю.В. Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного Забайкалья: монография. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 200 с.

9. Рогожина В.А., Кожевников В.М. Область аномальной мантии под Байкальским рифтом. – Новосибирск: Наука, 1979. – 104 с.

10. Рязанцева М.Д. Закономерности размещения флюоритовых месторождений в Приморье. – Изв. АН СССР. Сер. геол., 1982. – № 10. – С. 87-97.

11. Самсонов Я.П., Савельев А.К. Геология месторождений фторсодержащего сырья. – М.: Недра, 1980. – 216 с.

12. Томсон И.Н., Кривцов В.С., Кочнева Н.Т. и др. Рудоносность континентальных вулканических поясов. – М.: Недра, 1982.

13. Harland W.B., Armstrong R.L., Cox A.W. a.o. A Geologic Time Scale // Cambridge University Press. – 1989.

14. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1: 1000000 (третье поколение). Лист М-50 – Борзя. Объяснительная записка. – СПб.: Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2010. – 553 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Котова Н.П., канд. геол.-минерал. наук. доцент, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 26-52-92

N. Kotova, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, associated professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: геология, геоэкология

Scientific interests: geology, geoecology

УДК 911.3: 341.222

Соколова Александра Александровна
Aleksandra Sokolova

ГРАНИЦА РОССИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА И ИНТЕРНЕТ-ОБРАЗАХ (ПО ДАННЫМ GOOGLE EARTH – PANORAMIO)

THE BORDERLINE OF RUSSIA IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW AND THE INTERNET IMAGES (ON BASIS OF GOOGLE EARTH – PANORAMIO)

Рассмотрены географические образы границы, представленные в диалектной лексике, топонимии, на геосервисе Google Earth – Panoramio. Установлена преемственность в восприятии пограничных рубежей. Выявлены ядра концентрации информации, определено влияние географических факторов на содержание визуальных и вербальных образов пограничных рубежей России

Ключевые слова: *граница, геопространство, геоизображение, картина мира, вербализация и визуализация геопространства, географический образ*

The article reviews geographical images of the borderline as they are represented in dialectal lexicon, toponymy, and geographical server Google Earth – Panoramio. The continuity of perception of frontiers by representatives of different cultures was has been stated. There have also been defined the cores of information concentration as well as the impact of geographical factors on the contents of the Internet-images of Russia's borderline

Key words: *geographic space, worldview, geographical image, borderline, geographic picture*

Понятие «границы» присуще любой культуре. С ним связаны образы *своей* и *чужой* территории, сложная система религиозно-мифологических представлений, соответствующая топонимия и народная географическая терминология. Существует несколько подходов к изучению границы и пограничья, которые условно можно свети к трем: геополитическому, социологическому, историко-культурному (историко-археологические, языковые, этнологические, культурологические исследования). В них в той или иной степени присутствует географический компонент. Порубежье – объект социально-экономической, культурной и этнокультурной географии, изучающийся с точки зрения объективных закономерностей пространственной организации и взаимодействия экономик и культур, самоидентификации населения [3; 4]. Особый интерес вызывают регионы, расположенные в зонах физико-географических, этнокультурных и социально-экономических рубежей, обладающие, согласно концепции В. А. Дергачева, уникальной рубежной коммуникативностью [5]. Развивается комплексный подход к изучению геополитических рубежей и трансграничных регионов, эта тема становится популярной в образовательной географии [1].

Вместе с тем, географическим образам границы, формирующимся в культурах разного типа и локализации, уделяется недостаточно внимания. Появление нового источника информации – геосервиса Google Earth, ассоциированного с Web-сайтом Panoramio, позволяет получить обобщенные данные о субъективной сторо-

не восприятия пограничного пространства пользователями Сети – носителями современной массовой культуры. Основные задачи статьи – определить содержание образов границы России и выявить роль отдельных географических компонентов в их формировании. Поскольку массовая культура создает собственный мир и мифологию, опираясь на архетипические представления [2; С. 483]), в работе использован кросс-культурный анализ. Содержание фотографических образов границы, представленных на Google Earth – Panoramio, сопоставлено с картинами пограничья, формировавшимися в культурах традиционного типа.

Идею использования в географии фотоизображений активно развивал В. П. Семенов-Тянь-Шанский [7]. Наряду с анализом содержания снимков в работе использован количественный метод. Число точек фотофиксации территории на единицу площади определялось по геоизображению Google Earth масштаба 1:100 000 в пределах 5...6 км от линии границы и 1:1 000 000 в 20-километровой зоне (методика исследований изложена автором в более ранней публикации [11]).

Граница государства в традиционной картине мира. Ойкумена человека традиционного общества структурирована в соответствии со сторонами света и системой базовых пространственных оппозиций, среди которых географическое содержание имеют «центр – периферия» и «ближний – дальний». Важно положение объектов относительно течения реки, морского побережья, удаленность от местного административного и религиозного центра. Ядро ойкумены ассоциируется с домом, поселением и ближайшей окрестностью, внешние рубежи проходят по границе земель, заселенных представителями своего этноса, вероисповедания и нередко определяются самим фактом наличия объективной информации. Понятие «чужая сторона» имеет выраженную отрицательную семантику, а земли соседних этносов нередко воспринимаются как места обитания душ умерших, мир непонятный и опасный, для защиты от которого создаются многочисленные культовые места, используется обрядовая практика. Преодоление рубежа ойкумены сопряжено с реальным и вымышленным риском.

Административные и государственные границы имеют второстепенное значение. Они «проступают» в том случае, если совпадают с внешней зоной ойкумены. Многие из пограничных маяков, установленных в 1727 г. на рубежах России и Китая, находились на высотах, называемых шаманистами *обоо* – место совершения обряда, посвященного духу – хозяину местности [6]. Символами русской колонизации Европейского Севера и Сибири стали *крестовые горы* – доминирующие высоты с установленными на них православными крестами. Идея сакральности, *святости* пограничного пространства сохранялась и в советское время, находя отражение в идеологических клише типа «враждебное окружение» и «священные рубежи Родины». Она воплощена в Кургане Дружбы, установленном в 1959 г. на стыке границ России, Латвии и Республики Беларусь. В тексте надписи использованы символы *курган*, *совместно пролитая кровь*, *братство по оружию* (см. [15]).

Профанная, житейская сторона восприятия границы связана с заселением приграничной территории, развитием торговли, налаживанием добрососедских отношений. Ядро ойкумены в *пограничных деревнях* было максимально приближено к геополитическим рубежам, граница становилась привычным элементом одомашненного пространства, что находило отражение в занятиях населения и соответствующей топонимии (гора *Командир*, падь *Розыскная*), лексике местных говоров: *хазгар* ‘нейтральная зона на границе’ [14; СВ. 435], *линейные казаки* или *караульцы* ‘казаки, жившие на границе’ [14; С. 151]. С торговой деятельностью связано слово *карава́нщик* ‘человек, ходивший с караваном’: «*В прежние времена я караванщиком в Монголию десять лет подряд ходил*» [14; С. 150]. Для укреплением взаимного доверия на монгольско-русской границе со второй половины XIX

в. до 1920-х гг. устраивался праздник *талá* (от монг., бур. *тала* ‘друг, приятель’ [13; С. 411] с застольем, обменом подарками, спортивными состязаниями [14; С. 405]. Участники праздника произносили клятву *тангарúк* (от *тангариг* монг., бур. ‘клятва, присяга, обет’ [14; С. 413]), в которой давали зарок не чинить друг другу зла, уважать границу, взаимно охранять свое хозяйство, не приносить урона стадам и посевам’ [14; С. 407].

Граница в современных повседневных картинах мира сохраняет ряд свойств, присущих пространству, одомашненному традиционной культурой. Для лиц, пересекающих границу, особенно впервые – это важный рубеж, позволяющий идентифицировать себя в геополитическом, конфессиональном, этнокультурном отношении, расширить пределы личной ойкумены. Граница вписана в систему пространственных координат постоянных жителей порубежья. Особое место она занимает в жизни служащих пограничных войск и членов их семей. При успешной адаптации *своей территорией* становится все пограничье, личная ойкумена приобретает линейные очертания, чему в немалой степени способствуют переводы военнослужащих из одного округа в другой. У лиц с низкой степенью адаптации возникает инверсионная структура ойкумены, в которой место службы (временного проживания) ассоциируется с окраиной обжитого мира. Человек ощущает себя затерянным среди непривычного, чужого, более того, враждебного природного и социального окружения [10].

Визуализация и вербализация границы на геоизображении Google Earth – Panoramio. Среди авторов снимков, размещенных на геосервисе Google Earth, преобладают активно путешествующие горожане (автолюбители, туристы, альпинисты), посещающие различные регионы России и мира, а также пограничники и члены их семей. Деятельность пользователей сервиса можно определить как процесс информационного освоения, опредмечивания современной массовой культурой значимых элементов географической реальности. Одновременно идет процесс распредмечивания созданных в рамках народной и элитарной культур ценностей (посещение и фотографирование археологических объектов, памятников архитектуры, музеев, мемориалов и т. д.).

1. Физико-географические образы границы. Значительная протяженность российской границы с севера на юг и с запада на восток определила многообразие охваченных фотофиксацией ландшафтов. Сухопутная граница пересекает территорию девять из одиннадцати физико-географических стран. По линии границы происходит смена природных зон (особенно хорошо это фиксируют фотографии Русской равнины) и высотных поясов, относящихся к различным спектрам поясности (фотоизображения Кавказа, Алтая, Хэнтэй-Даурского нагорья, хребта Сихотэ-Алинь).

Содержание фотографий объективно отражает характерные особенности компонентов природы и целостно воспринимаемых геосистем топологического, реже регионального ранга:

– состав выходящих на дневную поверхность пород, мезо- и микрорельеф речных долин разного типа, строение поймы и русла; рельеф горных стран, элементы строения гидросети;

– атмосферные и гидрологические явления, характерные для различных сезонов года, изменение освещенности в утреннюю и вечернюю фазы циркадного ритма;

– состав широко известных или характерных для конкретного региона представителей флоры и фауны;

– доступные для непосредственного восприятия натурные выделы фаций, урочищ, местностей.

Картина мира, которая может быть построена на основании представленного выше перечня, близка к традиционной (см. [11]) и включает объекты, относящиеся к мифологической системе. На территории Забайкалья к ним могут быть отнесены элементы шаманистической картины мира бурят: красная глина, желтый песок, красная утка или огарь (Tadorna ferruginea), растение прострел (Pulsatilla sp.) [6].

2. Общественно-географические образы границы с разной степенью полноты и детальности фиксируют линейно-узловую структуру геопространства, сформировавшуюся вдоль линии пограничного рубежа и на примыкающей территории, рисунок трансграничных коммуникаций с привязанными к нему пунктами пропуска, таможнями, жилыми и заброшенными военными городками. Прослеживаются характерные черты планировки местоположения и поселений, заданные этническими и географическими факторами (приречные, горные, притрактовые и др.). Промышленность представлена преимущественно снимками предприятий горнодобывающей отрасли (шахты украинского и восточного Донбасса, рудники Алтая, разработки золота и полиметаллов в Забайкальском крае). В незначительной степени охвачены фотофиксацией сельскохозяйственные земли: поля, полевые дороги, в засушливых регионах – пруды и оросительные системы, в горах – высокогорные пастбища. В окрестностях Хабаровска отмечены дачные участки – спутники крупных городов. Авторы фотографий отмечают запустевание территорий на отдельных участках русско-украинского пограничья (изображение «разорванной» границей деревни Рогозное (Сумская область, Украина): «Когда-то здесь была большая деревня, сейчас проживает два человека» [16]. Низкий уровень фотофиксации отмечен в зоне радиационного загрязнения на границе Беларуси и Брянской области. Наиболее полно представлена география спортивного, познавательного, рекреационного туризма. На геоизображении масштаба 1:100 000 по числу точек фотофиксации на единицу площади лидируют Домбай и Чегет (визуализация грузинской стороны значительно ниже), на Алтае – горы Белуха, Табын-Богдо-Ола, плато Укок, на Южном Урале (Оренбургская область) – Губерлинские горы. Визуализацией отмечены пограничные реки I-II порядка – Волга, Урал, Амур, крупные притоки Днепра, Дона, Селенги, приграничные национальные парки «Паанаярви» (Россия) и «Оуланка» (Финляндия).

3. Этнолого-географические образы границы отражают субъективное восприятие пограничья и максимально близки к традиционному видению *своей* территории. Авторы позиционируют себя относительного ядра личной ойкумены и всего российского пространства. Отсчет идет от дома, поселения, прилегающих окрестностей: «Мой двор летом» [17], «Мой двор зимой» [18]. «Мое поле» [19]. В восприятии *своего пространства* присутствует ностальгический компонент. Это касается фотофиксации заброшенных поселений, храмов, некогда *своих* домов.

Границу ойкумены в широком понимании маркируют снимки, в названиях которых используется понятие *граница*. Содержание фотоизображений отражает разнообразие ландшафтов пограничья: покрытые инеем ели («Border land» [20]), степь с уходящей к горизонту дорогой («Приграничье», Саратовская область) [21]). Пределы России ассоциируются с центрально-азиатскими и дальневосточными рубежами: «Border to Russia» (хребет Сайлюгем, Алтай [22]), «Край России» (Хэнтэй-Чикойское нагорье [23]), «Край земли Русской» (бухта Посьета [24]). Присущее русской традиционной культуре понятие *раздолье*, *приволье* (*привольство* в русских говорах Забайкалья [14; С. 329]) находит отражение в снимках «Дорога в даль», «Просторы» и др.

Метафоризация географической реальности, характерная для традиционной культуры, проявляется в названиях снимков вершин («пирамида», «кирпич»), отдельных скальных массивов («развалы»), горных рек с большим объемом твердого стока («Молочная река» [25]), изолированных лесных массивов («Вид на «грядку [26]). Некоторые авторы приводят в названиях народные географические термины: «Мост через ерик Безымянный-1» [27], где *ерик* ‘небольшой проток, впадающий или вытекающий из рукава Волги’ [9, вып. 9, С. 26]); «Копанка» [28], в псковских говорах – ‘искусственный пруд’[9, вып. 14, С. 263]; «Ставок» [29] – в южнорусских говорах – ‘пруд’[19, вып. 41, С. 26]. На

снимке «Была грибная рёлка…» [30] изображен старый прирусловой вал в пойме Амура. Термин *рёлка* на Русском Севере и в Сибири означает ‘сухое возвышенное место, островок среди болот или заболоченной низменности’ [8; С. 237].

Эстетический, религиозно-мистический и христианский компоненты картины мира представлены в изображениях горных пейзажей («Озеро Духов» [31]), отмеченных крестами перевалов [32]) и пограничных стыков [33]. Сочетания христианской и советской символики присуще мемориалам («Сопка Крестовая, памятник Героям Хасана» [34]) и скульптурам, символизирующим этнокультурное единство России, Украины и Беларуси [35]. Конфессиональное единство еврорегиона «Ярославна» (Курская и Сумская области) воплощает маршрут паломничества между Горнальским Свято-Николаевским Белогорским монастырем (Россия) и Никольским храмом в с. Мирополье (Украина) [36]. В регионах, относящихся к различным конфессиям, континуальность геопространства усиливает сохранение культурного наследия. В число объектов фотофиксации на территории Финляндии и Норвегии входят действующие православные церкви [37; 38]. Точка схождения границ Россия, Китая и Монголии, напротив, воспринимается как «стык трёх миров» (см. [33]).

Целостность геопространству частично возвращает «визуальный перехлест», возникающий, когда место съемки и объект фотографирования находятся по разные стороны границы. Перехлесты односторонние (асимметричные) и двухсторонние (симметричные) характерны для изображений горных панорам, долин рек, степных равнин (см. снимки-дублеты Д. Сергиенко «Вид степи Луганской 2010» и «Вид на Ростовскую степь 2010» [39; 40]). О том, что визуальная доступность частично возвращает геопространству разорванное границей единство, свидетельствуют нарративные источники: «*На Табан-Богдо-Олу поднялись в размышлении о призрачности человеческих границ. Справа от нас лежали китайские ледники, слева монгольские, а за нами стояла Россия*» [41]. Следует отметить, что игнорирование барьерной функции рубежа ойкумены присуще в большей степени современной городской культуре.

Количественные показатели визуализации пограничья и внутренних территорий зависят от степени хозяйственной освоенности и густоты населенных пунктов, аттрактивности местности. Наибольшая концентрация точек фотофиксации отмечена в приграничных регионах, посещаемых с рекреационными и спортивными целями, а также на участках границы, выполняющих контактную функцию. Общее представление о визуализации территории дают геоизображения среднего масштаба (1:500 000 – 1:1 000 000) (см. рисунок).

Визуализация геопространства в зоне сухопутной границы России и на прилегающих территориях по геоизображению Google Earth – Panoramio масштаба 1:1 000 000 (данные на середину 2011 г.). Номера соответствуют участкам границы (см. таблицу).

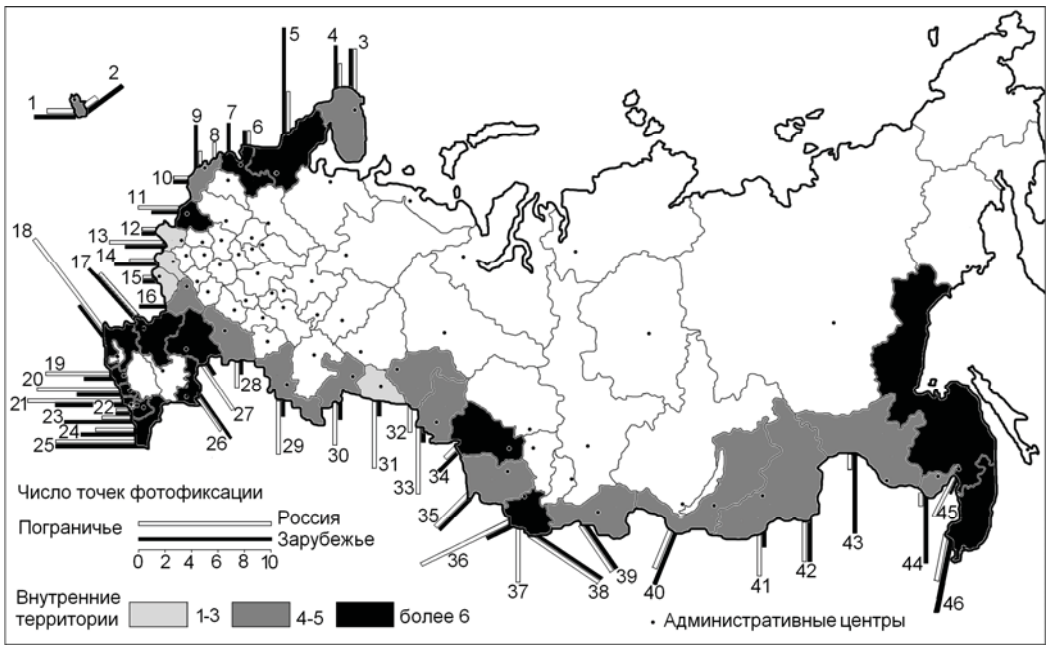
Визуализация геопространства в 20-километровой приграничной зоне и на прилегающих территориях России и зарубежных стран по геоизображению Google Earth – Panoramio масштаба 1:1 000 000)

Участок границы (российские регионы – зарубежные страны)	Максимальное число точек фотофиксации			
	На 100 км границы		На 2000 км² территории	
	Россия	Зарубежье	Россия	Зарубежье
А. «Симметричное» геопространство				
А1. Зоны с высокой визуализацией пограничья и внутренних территорий				
21*. Северная Осетия -Алания – Грузия	7	5	6	9
25. Дагестан – Азербайджан	6	6	9	6
38. Алтай – Монголия	6	6	7	10

Окончание таблицы

Участок границы (российские регионы – зарубежные страны)	Максимальное число точек фотофиксации			
	На 100 км границы		На 2000 км² территории	
	Россия	Зарубежье	Россия	Зарубежье
А2. Зоны со средней визуализацией пограничья и высокой визуализацией внутренних территорий				
13. Брянская обл. – Украина	4	3	3	5
17. Ростовская обл. – Украина	4	5	8	5
24. Дагестан – Грузия	3	4	12	9
40. Бурятия – Монголия	3	4	5	7
42. Забайкальский край – Китай	3	3	5	5
45. Хабаровский край – Китай	3	1	6	4
39. Тыва – Монголия	4	4	5	5
А3. Зоны с низкой и средней визуализацией пограничья и внутренних территорий				
15. Белгородская обл. – Украина	1	1	3	3
41. Забайкальский край – Монголия	3	1	2	1
2. Калининградская обл. – Литва	1	3	4	4
8. Псковская обл. – Эстония	1	0	4	4
9. Псковская обл. – Латвия	1	3	4	5
10. Псковская обл. – Беларусь	1	1	4	3
12. Брянская обл. – Беларусь	1	1	4	3
28. Саратовская обл.– Казахстан	2	1	4	3
30. Челябинская обл. – Казахстан	3	1	4	3
А4. Зоны с низкой и средней визуализацией пограничья и средней – высокой визуализацией внутренних территорий				
1. Калининградская обл. – Польша	2	3	4	6
3. Мурманская обл. – Норвегия	3	3	5	7
4. Мурманская обл. – Финляндия	2	3	5	6
6. Ленинградская обл. – Финляндия	1	1	6	7
7. Ленинградская обл. – Эстония	0	2	5	4
11. Смоленская обл. – Беларусь	3	2	6	4
14. Курская обл. – Украина	2	3	3	5
16. Воронежская обл. – Украина	0	2	5	3
32. Тюменская обл. – Казахстан	2	0	5	4
34. Новосибирская обл. – Казахстан	1	2	7	6
Б. «Асимметричное» геопространство приграничья				
Б1. Зоны с визуализацией преимущественно российского пограничья				
18. Краснодарский край – Грузия	8	2	10	7
19. Карачаево-Черкессия – Грузия	5	2	7	7
20. Кабардино-Балкария – Грузия	6	3	6	11
31. Курганская обл. – Казахстан	5	1	2	4
33. Омская обл. – Казахстан	5	1	5	5
36. Республика Алтай – Казахстан	7	2	7	8
37. Республика Алтай – Китай	4	0	5	8
Б2. Зоны с визуализацией преимущественно пограничья соседних стран				
5. Карелия – Финляндия	3	8	6	6
23. Чечня – Грузия	2	5	7	9
43. Амурский край – Китай	1	6	4	4
44. Еврейская АО – Китай	1	5	5	5
В. «Асимметричное» геопространство внутренних территорий				
В1. Зоны с визуализацией преимущественно российских территорий				
26. Астраханская обл. – Казахстан	3	4	12	1
46. Приморский край – Китай	3	5	14	5
В2. Зоны визуализацией преимущественно зарубежья				
22. Ингушения – Грузия	1	1	2	7
35. Алтайский край – Казахстан	3	3	4	10
Г. «Тотально асимметричное» геопространство				
27. Волгоградская обл.– Казахстан	4	1	8	1
29. Оренбургская обл. – Казахстан	4	1	4	1

* цифра соответствует номеру на карте (см. рисунок)



На геоизображении масштаба 1:1 000 000 видна высокая визуализация посещаемых туристами рекреационных территорий (Краснодарский край, Кавказ, Алтай), прослеживается зависимость плотности точек фотофиксации от политической обстановки, уровня безопасности региона. Низкая визуализация и асимметрия присущи участкам границы с преимущественно барьерной функцией, высокая визуализация отмечена на территориях еврорегионов «Донбасс» (Ростовская и Луганская области) и «Карелия» (Россия – Финляндия). Выраженная асимметрия российско-казахстанского пограничья обусловлена невысокой концентрацией населения и промышленности в северной части Казахстана. В казахской части Рудного Алтая показатели визуализации значительно выше, чем по Алтайскому краю (см. таблицу).

Запечатленные на фотографиях Panoramio образы границы передают присущие пользователям геосервиса объективное и субъективное восприятие географической реальности, отношение к историческим и вновь появившимся рубежам. По своему содержанию они близки к «народной географии» – системам обыденных и мифологических представлений, складывающимся в культурах традиционного типа. В номинации ряда природных объектов использованы диалектные термины. Количественные характеристики визуализации отражают освоенность и рекреационную привлекательность территорий.

Достоверность и массовость данных, получаемых с помощью геосервиса Google Earth – Panoramio, возможность верификации результатов открывает возможности для применения данного источника в гуманитарной географии, а также в исследованиях туристского потенциала регионов в географическом образовании и просвещении.

Литература

1. Бабурин В. Л., Даньшин А. И., Елховская Л. И. География Российского Порубежья: мы и наши соседи. 8-9 классы. – М.: Просвещение, 1999. – 306 с.

2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. – 1008 с.

3. Герасименко Т. И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. – СПб.: РТП ЛГУ, 2005. – 235 с.

4. Глазычев В. LIMES NOVUM // Отечественные записки. 2002. Вып. 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=311.

5. Дергачев В. На сопках Маньчжурии. Желтороссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.dergachev.ru/geop_events/011109.html.

6. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Наука, 1978. – 125 с.

7. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. – М. – Л.: Госиздат. 1928. – 311 с.

8. Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1983. – 341 с.

9. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 9-41. – Л.: Наука, 1972. – 2007.

10. Соколова А.А. Барга: территория границы (географические аспекты изучения) // Геоэкология, краеведение, туризм. IV Царскосельские чтения: материалы научно-теоретической межвузовской конференции с международным участием. – СПб.: ЛГОУ, 2000. – С. 119-129.

11. Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов: моногр. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – 392 с.

12. Соколова А. А. Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным Google Earth и Panoramio) // Изв. РГО. – 2010. – Т. 142. – Вып. 6. – С. 31-36.

13. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 804 с.

14. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Наука, 1980. – 471 с.

15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/37594957.

16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/44332435.

17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/38420441.

18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/38420264.

19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/19723802.

20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/32115673.

21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/38743577.

22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/13088056

23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/31731674.

24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/48194063.

25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/56179619.

26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/53422477.

27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/32131417.

28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/54137561.

29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/24569334.

30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/23694001.

31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/6870359.

32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/538680.

33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/44000115.

34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/5156333.

35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/1150020.

36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/36303102.

37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/11566280.

38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/40146664.

39. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/38835878.

40. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.panoramio.com/photo/38835884.

41. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://turizm.lib.ru/l/luchko_m_i/nayramdal.shtml.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Соколова А.А., канд. геогр. наук, доцент кафедры естествознания и географии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
falcones@list.ru

Научные интересы: историческая и гуманитарная география, ландшафтоведение, история горной промышленности

A. Sokolova, Candidate of Geographical Sciences, associate professor, Natural Sciences and Geography department, Leningrad State University named after A.S. Pushkin

Scientific interests: historical and humanitarian geography, landscape study, history of mine industry

УДК 911.7

Томских Андрей Александрович
Andrei Tomskich

МОДЕЛЬ КЛАСТЕРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

THE CLUSTER MODEL OF ZABAIKALSKY KRAI PROFESSIONAL EDUCATION IN THE SOCIAL-ECONOMIC FIELD OF THE REGION

Рассматривается территориальная организация перспективной модели высшего профессионального образования и науки Забайкальского края в соответствии с методическим и региональным направлением исследований в географии

Ключевые слова: *высшее профессиональное образование, научно-образовательный кластер, Забайкальский край*

The article deals with the territorial organization of the perspective model of Zabaikalsky Krai professional education and science in accordance with the methodical and regional research direction in geography

Key words:higher professional education, scientific, institutions education cluster, Zabaikalsky Krai

Работа выполнена при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы (АВЦП) «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/10962

Сначала 80-х гг. XX в. развитые страны мира осуществляют переход своего хозяйства с индустриального типа на постиндустриальный. Это отражается на выработке стратегий развития мирового образования вообще и высшего образования, в частности. Российская высшая школа в целом повторяет мировой тренд. Лейтмотивом будущего экономического роста стран и регионов становится тезис о том, что «образование – ключ будущего процветания». Приоритетными вложениями развитых государств становятся инвестиции в развитие человеческого капитала, в уровень его образования, социальное окружение, качество жизни. Одним из необходимых условий стратегий национального развития становится необходимость формирования эффективных механизмов функционирования образовательных моделей, особенно на региональном уровне. В последний период в нашей стране речь идет о создании научно-образовательных кластеров. Модели научно-образовательных кластеров регионального уровня должны учитывать ключевые национальные и региональные стратегии социально-экономического развития. В Забайкальском крае в рамках целевой программы «Модернизация профессионального образования Забайкальского края (2011-2015 гг.)» с 2011 г. разрабатывается программа создания научно-образовательного учреждения «Забайкальский государственный университет» на базе объединения Забайкальского (Читинского) государственного университета и Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.

Научно-образовательная система Забайкальского края имеет достаточно простую конфигурацию. С советского перио-

да в ней три головных вуза регионального значения – педагогической, технической и медицинской направленности и четыре филиала – железнодорожный, два экономических, сельскохозяйственный. В последние десятилетия к ним добавились филиалы культуры и классического университета. За постсоветский период структура системы претерпела существенные изменения – политехнический институт стал развивать гуманитарные и экономические направления и получил статус классического университета. Вокруг него, по замыслу Министерства образования и науки России, должен сформироваться университетский образовательный округ, что 10 лет являлось стратегической задачей Правительства России по всей стране. Сегодня уже поставлена другая задача – преобразование университетских образовательных округов в научно-образовательные кластеры [1]. Через такие формы должна произойти эффективная интеграция всех интеллектуальных сил региона на благо науки, образования и экономики территории. Последнее предполагает повышение ответственности региональных властей за кадровую политику, смену централизованной системы управления высшей школы страны на смешанную – федерально-региональную [3].

Формирование университетского образовательного кластера в Забайкалье было положено созданием прообраза общественного управления системой – Совета ректоров вузов г. Чита (Совета ректоров Забайкальского края). Однако он не смог перейти на следующий уровень развития. Попытка реализации кластера предпринята в 2001 г. в формате ассоциации, фактически отраслевого «Забайкальского социально-педагогического университетского комплекса (ЗУК)» Забайкальским государственным гуманитарно-педагогическим университетом [2]. Несколько позже на межрегиональном уровне создавался «Байкальский открытый межрегиональный университетский комплекс (БОМУК)» в составе четырех университетов Читы, Улан-Удэ и Иркутска [6]. Существующая функционально-отраслевая модель системы профессионального образования представлена в табл. 1, где видно, что почти 30 % студентов очных отделений и 50 % заочных обучаются в филиалах вузов других регионов – Иркутска, Новосибирска, Улан-Удэ, Москвы, что позволяет дублировать специальности головных учреждений высшего профессионального образования и слабо участвовать в региональных программах, ссылаясь на филиальный статус и политику головного вуза. В связи с этим эффективная модель высшей школы региона должна устранить, прежде всего, этот перекос. Базовым для формирования перспективного научно-образовательного кластера является то, что ни один вуз субъекта не попал в финансирование государственных программ (федеральных и национальных исследовательских университетов). Поэтому модель научно-образовательного кластера будет полностью регионального значения, финансирования, с федеральным контролем только по лицензированию и качеству образования. Вопрос выбора типа научно-образовательного кластера очевиден. Наиболее успешные интеграционные объединения получили статус федеральных или национальных исследовательских университетов. Нет необходимости повторять их путь, следует сразу переходить к научно-образовательному кластеру с единым юридическим лицом, но с широкой автономией составляющих элементов.

Таблица 1

Функционально-отраслевая схема профессионального образования Забайкальского края (учреждения, фактически осуществляющие деятельность на территории)

Промышленная сфера	Сельскохозяйственная сфера	Образование и социальная сфера	Культура	Медицина	Право	Экономика и торговля
Высшее профессиональное образование (самостоятельные вузы) 13500 студентов очной и 9300 заочной формы обучения						
Заб (Чит)ГУ		ЗабГГПУ Заб (Чит)ГУ	ЗабГГПУ	ЧГМА	ЗабГГПУ Заб (Чит)ГУ	ЗабГГПУ Заб (Чит)ГУ
Высшее профессиональное образование (филиалы) 13500 студентов очной и 9300 заочной формы обучения						
ЗабИЖТ	ЗабАИ	АФ БГУ	ЧФ ВСГАКиИ		ЗИП Сиб УПК, ЧИ(Ф)БГУЭП ЧФ СГУ, АФ СГУ	ЗИП Сиб УПК, ЧИ(Ф)БГУЭП, ЗабИЖТ ЗабАИ ЧФ РАП, ЧФ СГУ, АФ СГУ
Среднее профессиональное образование						
Читинский техникум отраслевых технологий и бизнеса, Забайкальский горный колледж Гуманитарно-технический колледж Заб(Чит)ГУ Читинский лесотехнический колледж Читинский железнодорожный техникум	Читинский сельскохозяйственный техникум Нерчинский аграрный техникум Могойтуйский агротехнологический колледж, Забайкальский государственный колледж	Колледжи: Агинский, Сретенский, Петровск-Забайкальский, Читинский, Балейский, Забайкальский. Училище Олимпийского резерва Буддистская академия	Забайкальское краевое училище культуры Забайкальский техникум искусств Буддистская академия	Читинский медицинский колледж (МК) Краснокаменский МК Агинский МК Борзинский МК Балейское училище Петровск-Забайкальское училище	Читинский техникум отраслевых технологий и бизнеса	ЗИП СибУПК, ЧФ ИТЭК
Специализированные структуры учреждений ВПО						
ИИиПК Заб(Чит)ГУ		ИДО, ИРО ЗабГГПУ, ИПиПК Заб(Чит)ГУ	ИДО ЗабГГПУ	ФУВ ЧГМА	ИПиПК Заб(Чит)ГУ	ИПиПК Заб(Чит)ГУ
Государственные учреждения дополнительного образования края						
	ИПК работников агробизнеса	ЗабКИПКРО, АИПКРОИСС				
Негосударственные учреждения дополнительного образования края						
Ресурсный центр ПГХО	Сибирский энергетический корпоративный университет					

Окончание табл. 1

Промышленная сфера	Сельскохозяйственная сфера	Образование и социальная сфера	Культура	Медицина	Право	Экономика и торговля
Дополнительное образование края при учреждениях среднего профессионального образования						
Ресурсный центр техникума железнодорожного транспорта	УНМЦ управления НПО					

ЗабГГПУ – ГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н .Г. Чернышевского»; Заб(Чит)ГУ – ГОУ ВПО «Забайкальский (Читинский) государственный университет»; ЧГМА – ГОУ ВПО «Читинская государственная медицинская академия», ЧИ(Ф)БГУЭП – Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета экономики и права, ЗабИЖТ – Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщений, АФ БГУ – Агинский филиал Бурятского государственного университета, ЗабАИ – Забайкальский аграрный институт – филиал Иркутской государственной сельскохозяйственной академии, ЗИП Сиб УПК – Забайкальский институт предпринимательства – филиал Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск), ЧФ РАП – Читинский филиал Российской академии предпринимательства (г. Москва), ЧФ СГУ – Читинский филиал Современной гуманитарной академии (г. Москва), АФ СГУ – Агинский филиал Современной гуманитарной академии (г. Москва), ЧФ ВСГАКиИ – Читинский филиал (представительство) Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, ИДО ЗабГГПУ – Институт дополнительного образования ЗабГГПУ, ИРО ЗабГГПУ – Институт развития образования ЗабГГПУ, ИПиПК Заб (Чит) ГУ – Институт переподготовки и повышения квалификации Заб(Чит)ГУ, ФУВ ЧГМА – Факультет усовершенствования врачей ЧГМА; УНМЦ управления НПО – Учебный научно-методический центр управления начального профессионального образования.

Составлено автором по данным Министерства образования, науки и молодежной политики Забайкальского края

Эксперты Всемирного банка считают, что реальный положительный результат влияния университетов на территорию достигается при максимально возможной интеграции вуза в региональные стратегии развития [7]. Так как главной задачей регионального научно-образовательного кластера является удовлетворение потребностей территории в кадрах, модель должна выстроить четкую взаимосвязь между работодателями в лице, прежде всего, правительства Забайкальского края и учреждениями образования. Их связь позволит гораздо яснее прогнозировать потребности экономики в специалистах разного уровня и формировать государственный целевой заказ. В структуре правительства Забайкальского края 13 министерств и ведомств, которые можно сгруппировать в 11 крупных блоков (табл. 2). В соответствии с проектом закона «Об образовании» структура высшего профессионального образования будет охватывать следующие виды образовательных организаций: университет, институт, колледж. Логично, что региональная модель должна иметь вид 16...17 отраслевых институтов: в ядре – г. Чита (блок промышленность и энергетика – горнорудной промышленности; топливно-энергетического комплекса (ТЭК); машиностроительного комплекса, металлообработки; лесоперерабатывающего комплекса; легкой промышленности; строительства; гуманитарный блок – гуманитарной и педагогической сферы), реализующих программы прикладного, академического бакалавриата и специалитета; комплексных колледжей-филиалов в центрах образовательных внутрирегиональных округов Забайкальского края – периферии, реализующих только программы прикладного бакалавриата, среднего и начального образования.

Таблица 2

Взаимосвязь структуры правительства Забайкальского края и государственных (муниципальных) учреждений профессионального образования

Наименование министерства	Область интересов	Базовый вуз	Базовое учреждение СПО и НПО, ресурсный центр (профиль)
Министерство финансов	Макроэкономика и финансы	ЧИ(Ф)БГУЭП, Заб(Чит)ГУ	
Министерство экономического развития Министерство трудовых ресурсов и демографической политики	Региональная экономика и управление	ЧИ(Ф)БГУЭП, Заб(Чит)ГУ	
Министерство природных ресурсов и экологии	Природные ресурсы и охрана окружающей среды	Заб(Чит)ГУ ЗабГГПУ	Читинский лесотехнический колледж
Министерство промышленности и энергетики Министерство территориального развития	Промышленность и энергетика	Заб(Чит)ГУ	Забайкальский горный колледж Читинский техникум отраслевых технологий и бизнеса (строительный профиль) ПУ № 1 г. Чита (железнодорожный) ПУ № 11 г. Краснокаменск (горнодобывающий) ПУ № 14 г. Чита (ЖКХ и строительство)
Министерство сельского хозяйства и продовольствия	Сельское хозяйство	ЗабАИ	Читинский сельскохозяйственный техникум Могойтуйский агротехнологический колледж Нерчинский аграрный техникум ПУ № 31 п. Приаргунск (агропромышленный) ПУ № 15 г. Краснокаменск (агропромышленный) ПУ № 25 г. с. Улеты (агропромышленный) ПУ № 26 г. с. Кыра (агропромышленный) ПУ № 30 п. Кокуй (агропромышленный) ПУ № 32 г. Борзя (агропромышленный)
Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма	Приграничное сотрудничество и туризм	ЗабГГПУ Заб(Чит)ГУ	
Министерство образования, науки и молодежной политики	Образование и наука	ЗабГГПУ	Читинский педагогический колледж (информационно-коммуникационный) Балейский индустриально-педагогический колледж Сретенский индустриально-педагогический колледж Агинский индустриально-педагогический колледж Петровск-Забайкальский индустриально-педагогический колледж Забайкальский государственный колледж
Министерство здравоохранения	Здравоохранение	ЧГМА	Читинский медицинский колледж Борзинский медицинский колледж Агинский медицинский колледж Балейское медицинское училище Краснокаменский медицинский колледж Петровск-Забайкальское медицинское училище
Министерство социальной защиты населения	Социальная защита населения	ЗабГГПУ Заб(Чит)ГУ	

Окончание табл. 2

Министерство культуры	Культура, искусство, образование	ЗабГГПУ	Забайкальское краевое училище культуры Забайкальский техникум искусств
Министерство физической культуры и спорта	Физическая культура и спорт	ЗабГГПУ	Училище олимпийского резерва

Составлено автором по: [5]

Функционально необходимо предусмотреть большую внутриуниверситетскую автономию структур для решения тактических и текущих задач: Совет университета и ректорат (директорат) – определение политики и стратегии развития университета, международная деятельность, бюджет, качество образования, лицензионные и аккредитационные показатели; учебные институты – организация учебной и научной деятельности, осуществление связи с отраслевыми учебно-методическими объединениями вузов и работодателями на всероссийском уровне, организация сетевого взаимодействия внутри регионального кластера в рамках внутрирегиональных округов. Последние должны представлять целостные территориальные образования, формирующиеся вокруг наиболее крупных политико-административных и экономических центров региона, имеющих достаточный поселенческий, экономический, инвестиционный и культурный потенциал. В рамках университетского научно-образовательного кластера необходимо сформировать третий уровень институтов направлениям, реализующих программы магистратуры, подготовки научно-педагогических кадров, переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров (табл. 3).

Таблица 3

Структурно-функциональная модель научно-образовательного кластера университетского типа

Уровни	Структуры (кол-во)	Объект	Функция	Базовые структуры
	Научно-образовательные структуры			
ПДО	Институт переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров (ДОП, ДПП, ППП)	Институт подготовки научно-педагогических кадров 1	Специальные и профессиональные знания и навыки повышенного уровня	Ведущие научные школы, бизнес-инкубаторы, венчурные предприятия и др.
ВПО, СПО, НПО		Магистратура	Специальные профессиональные знания и навыки	
	Институт магистерских программ, 1	*Образовательные структуры*		
	Институты, 16–17	Академический и прикладной бакалавриат	Профессиональные знания и специальные практические навыки	Кафедры специальные и общеуниверситетские
	Колледжи (филиалы), 7–10	Прикладной бакалавриат, начальное и среднее профессиональное образование	Базовая общетеоретическая и практическая подготовка	Кафедры специальные и общеуниверситетские
С (П)ОО	Базовые общеобразовательные учреждения, профильные классы, 150	Старшая ступень (профильная школа)	Профильное и предпрофильное обучение	Научно-методические (учебно-методические) советы

Таким образом, предложенная нами модель предполагает эффективное использование материальных и кадровых ресурсов региона, что является одной из задач Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг. [4]. К ней относится гибкость системы профессионального образования к изменениям рынка труда; реализация государственной политики в области науки и образовании; реализация модели сетевого взаимодействия, включающей формирование единой поддерживающей инфраструктуры, создание общих сервисов, реализация программ академической мобильности; соответствие подготовки кадров задачам регионального развития.

Литература

1. Волков А., Ливанов Д., Фурсенко А. Высшее образование: повестка 2008-2016 // Эксперт. – 2007. – № 32 (573). – С. 88-94.

2. Горлачев В.П. Концепция Забайкальского социально-педагогического университетского комплекса (ЗУК) / Забайкал. гос. пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2001. – С. 35.

3. Катровский А.П. Территориальная организация высшей школы России. – Смоленск, Ойкумена, 2003. – 200 с.

4. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://mon.gov.ru/files/materials/8286/11.02.07-fcpro.pdf.

5. Официальный портал Забайкальского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://e-zab.ru.

6. Регионализация образования (на примере Забайкалья) / под. ред. Л. А. Бордонской, М.И. Гомбоевой, Л.В. Черепановой. – Забайкальский гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2007. – 313 с.

7. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003. – 232 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Томских А.А., канд. геогр. наук, профессор кафедры географии, теории и методики преподавания географии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
tomskih_aa@mail.ru

Научные интересы: экономическая, социальная и политическая география

A. Tomskich, Candidate of Geographical Sciences, professor, Geographical department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Scientific interests: economics, social and political geography

Составлено автором

Сокращения: ПДО – постдипломное образование; ВПО – высшее профессиональное образование; СПО – среднее профессиональное образование; НПО – начальное профессиональное образование; С(П)ОО – среднее (полное) общее образование; ДОП – дополнительные общеобразовательные программы; ДППП – дополнительные профессиональные программы; ППП – программы профессиональной подготовки

УДК 622.771

Черкасов Владимир Георгиевич
Vladimir Cherkasov

АППАРАТУРНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВОДОСБЕРЕГАЮЩЕГО ОБОГАТИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ПРИ ПРОМЫВКЕ МЕТАЛЛОНОСНЫХ ПЕСКОВ

APPARATUS REGISTRATION CONCENTRATING COMPLEX AT WASHING METALL CONTAINING SANDS WITH MINIMIZATION OF WATER EXPENSES

Обоснованы конструктивные позиции по созданию ресурсосберегающей техники и технологии переработки минерального сырья на объектах россыпной металлодобычи. Представлены технические решения, позволяющие повысить мобильность и автономность транспортно-обогатительных комплексов. Приводятся варианты аппаратурного оформления системы водоподготовки, обеспечивающие защиту естественных водотоков от загрязнения

Ключевые слова: *водоснабжение, оборотная вода, технические решения, аппараты, обогатительный комплекс, россыпные месторождения, промывка песков, модули, мобильность, автономность*

In the article constructive aspects on formation of resource-sparing technique and technology of mineral raw materials processing at sites of alluvial metal recovery are grounded. Technical solutions, permitting to increase the mobility and autonomist of transport ore dressing complexes, are presented. The apparatus design variants of water preparing system, providing protection of natural water streams from pollution, are given

Key words: *Water-supply, circulating water, technical decisions, vehicles, concentrating complex, deposits, washing of sands, modules, mobility, non-interaction*

Гидромеханизированная переработка минерального сырья на россыпных месторождениях с использованием мобильных обогатительных комплексов (переставных промывочных приборов, драг, модульных фабрик), а также промывка минерального сырья самоходными агрегатами типа «Pioneer», «Wash-all», «Universal» (США), «Bavaria» (Германия), SK-2 (Польша), ЭТ-1А (Россия) и др. базируется на водоемких операциях с раходом до 12...18 м^3 технологической воды на 1 м^3 промываемых песков или до 1000...2000 м^3/ч на один промывочный агрегат. Существующие методы кондиционирования оборотной воды через грунтовые пруды-отстойники исчерпали свои потенциальные возможности и выступают сдерживающим фактором в совершенствовании мобильных обогатительных комплексов, востребованность которых постоянно растет, что вызвано истощением сырьевой базы страны и вовлечением в переработку мелких и высокоглинистых россыпей. По существу, в настоящее время распространенные обогатительные комплексы – промприборы «привязаны» к системе водоподготовки, а действующая транспортная схема «пески к промприбору», а не наоборот – «промприбор к пескам» не отвечает энергосберегающим технологиям. Инертность в развитии водоподготовительного этапа в технологическом цикле россыпной металлодобычи исключает потенциальную возможность существенного снижения общих энерго- и водозатрат, а система временно возводимых грунтовых отстойников

остается основным источником загрязнения естественных водотоков, прилегающих к району ведения горных работ.

Кроме того, сооружение каскада плотин, дамб, руслоотводных каналов требует значительных затрат времени до 10...15 % от промывочного сезона и в таких же пределах средств от себестоимости добытого металла. Такие показатели ставят под сомнение разработку мелких месторождений, где доля затрат на гидротехнические сооружения еще выше. Уровень развития системы кондиционирования оборотной воды оказывается ключевой и при ведении работ в безводной местности.

Другой смежной проблемой по выделению твердой фазы из гидровзвеси, образующейся при промывке металлоносных песков, являются высокие безвозвратные потери (до 45...50 %) тонких фракций ценного компонента.

Применение известных технических решений, используемых на стационарных обогатительных фабриках, распространение на россыпях не находит из-за специфических условий эксплуатации оборудования, требующих от конструкций низкой энергоемкости, простоты и мобильности в эксплуатации, технологической гибкости.

С учетом этих особенностей в ЗабГУ разработаны и испытаны в производственных условиях тонкослойные аппараты в виде модулей (рис. 1) для создания локальных контуров в системе кондиционирования оборотной воды при промывке высокоглинистых металлоносных песков. Заложенная в их основе энерго- водосберегающая технология позволяет многократно сократить объемы оборотной воды вне контакта с грунтом. Аппаратурное оформление процесса кондиционирования оборотной воды для мобильных обогатительных комплексов базируется на трех принципах:

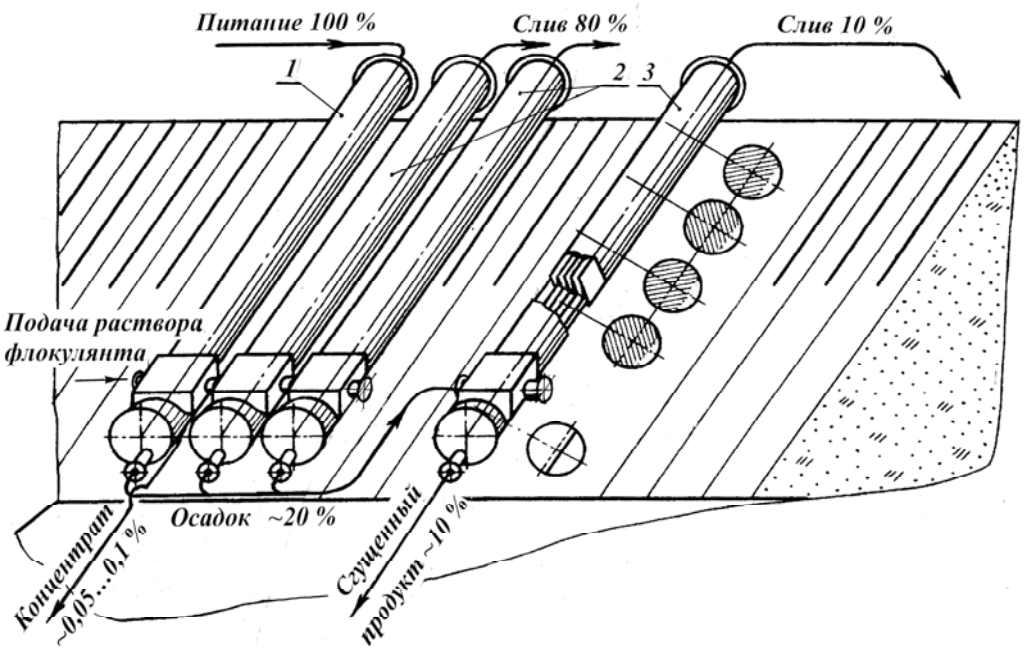


Рис. 1. Батарея тонкослойных модулей в технологической цепи водоподготовки:

1 – обогатительный модуль, 2 – модуль–осветлитель, 3 – модуль–сгуститель

1) преемственность специфических требований к оборудованию, работающему в сложных условиях приисков, а именно – мобильность и автономность;

2) минимизация объема оборотной воды вне контакта с естественным грунтом без дополнительного энергопотребления с обеспечением нормального функционирования основного технологического оборудования;

3) обеспечение технологической гибкости разделительной системы аппаратов для различных по составу и объему массопотоков гидровзвеси, а также различных конструкций обогатительных комплексов.

В результате примененных новых технических решений [1; 2; 3] по сравнению с аналогами достигнуто многократное снижение удельной массы аппарата и его габаритов до значений, соизмеримых с обогатительным комплексом (промприбором), что имеет существенное значение для мобильных устройств. Удельные масса и габариты разработанного модуля относительно номинальной пропускной способности по гидровзвеси эфельных хвостов составляют соответственно 5...9 кг/м^3/ч и 0,04...0,05 м^3/м^3/ч (рис. 2).

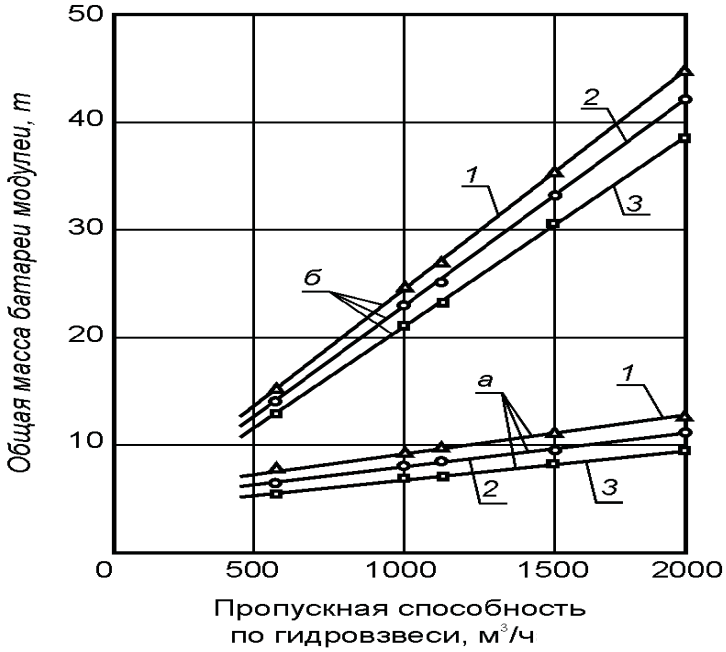


Рис. 2. Влияние производительности батареи тонкослойных модулей в режиме подготовки технологической воды (выход в слив 80...85 %) на массу аппарата в целом при диаметре модулей, мм: 1 – 530; 2 – 630; 3 – 820 (концентрация твердого вещества в сливе:

а – до 1 г/дм^3 с расходом флокулянта до 4 г/м^3; б – до 10 г/дм^3 без использования реагента для среднепромывистых песков)

По сравнению с аналогами известных конструкций фирм «Sala», «Neptun Microflok», «Degremont», «Reaks», «Уралмеханобр», «Завод Труд» и др. эти показатели снижены в 8...10 раз, что важно для создания мобильных конструкций. Кроме того, расширены функциональные возможности разработанных тонкослойных модулей: за счет дифференцированного вывода сгущенного продукта по плотности улавливаемых частиц они могут работать как обогатительные аппараты, улавливать и выводить тонкодисперсную тяжелую фракцию [4; 5].

Исследования тонкослойных модулей в производственных условиях на объектах россыпной металлодобычи показали высокую их эффективность по выделению тонкодисперсной твердой фазы из массопотока эфельных хвостов [6]. В режиме осветления они восстанавливают до 80...90 % технологической воды. При содержании илисто-глинистой фракции в питании до 100 г/дм^3 на выходе в сливе остаточное содержание твердой фазы достигает 10 г/дм^3 (без применения водорастворимых полимерных добавок) и до 1 г/дм^3 – с использованием флокулянтов (Санфлок, DPI) при дозах до 4 г/м^3. Для промывочных приборов (МДП, ПГШ, ПКС, ПГБ), используемых в настоящее время при россыпной металлодо-

быче, установлено потребное количество тонкослойных модулей. Так, при выходе эфельных хвостов в объеме 1000 м^3/ч при обогащении среднепромывистых песков количество модулей составляет 8...16 единиц с общей массой батареи 19...21 т (см. рис. 1). Использование водорастворимых полимерных добавок из расчета 3...5 кг/ч на весь объем массопотока сокращает количество модулей и массу аппарата в целом в 3,5...4 раза. Учитывая их высокую степень готовности при частой смене мест промывки, можно сократить объемы грунтовых прудов-отстойников в 10...15 раз и в таких же объемах – затраты на гидротехнические сооружения, а себестоимость подготовки 1 м^3 технологической воды на 5...8 %.

Достигнутый фактор мобильности системы водоподготовки путем замыкания всего массопотока гидровзвеси на тонкослойные модули позволил развить техническое решение по компактному аппаратурному оформлению процесса переработки эфельных хвостов в едином агрегате типа поточной линии. Даны принципиальные решения [7; 8; 9] конструкций поточных линий, позволяющих реализовать грубую и тонкую стадии разделения эфельных хвостов и транспортировку образующихся потоков.

Мобильный обогатительный комплекс по производительности и технологии работ тесно увязан с другой группой энергоемких машин, обеспечивающих подачу песков и удаление хвостов, определяющих основные транспортные расходы. Так как тонкослойный аппарат (ТА) позволяет одновременно выделять и тяжелую фракцию ценного компонента, то открывается возможность объединить функции поточных линий, обогатительного устройства и транспортной системы в единый самоходный агрегат типа комбайна (рис. 3), представляющий перспективу по совершенствованию обогатительных комплексов.

Аппаратурной основой как по обогащению ценного компонента, так и по выделению технологической воды служат унифицированные тонкослойные аппараты разного функционального назначения с гибкой системой соединения в батарею. Путем объединения системы тонкослойных аппаратов 1 и 2, станции приготовления и дозирования реагента 5, силовой установки 21, погрузочно-разгрузочных узлов на общей подвижной базе, образуется мобильный агрегат (промывочный комбайн, [10]) с локальным контуром водоподготовки. Учитывая, что главные энергозатраты в режимах передвижения и промывки песков сопоставимы, то для упрощения конструкции и уменьшения ее массы основной насос и ходовая часть может быть замкнута на один двигатель. Совмещение на самоходном шасси оборудования транспортного и технологического цикла промывки песков с аппаратурным оформлением процесса разделения твердой фазы в ТА увеличивает их полезную суммарную отдачу. Эскизная проработка этого варианта показывает, что при общей массе конструкции до 20 т можно перерабатывать до 50...70 т/ч металлоносных песков.

Объединение комплекса транспортного, технологического, водоподготовительного оборудования на самоходном шасси исключает подготовительно-заключительные этапы в работе промывочного агрегата, что составляет 10...20 % основного времени работы, например, промприбора. При этом сокращаются энергозатраты на транспортировку исходных песков к месту промывки, координально меняя технологическую схему ведения горных работ, а исключение из процесса на первой стадии обогащения основной массы пустой породы повышает эффективность извлечения ценного компонента. Кроме того, мобильный агрегат с ограниченным объемом оборотной воды повышает экологическую безопасность прилегающих естественных водотоков от загрязнения и создает благоприятные условия для ведения работ в безводной местности, а также в геологоразведке.

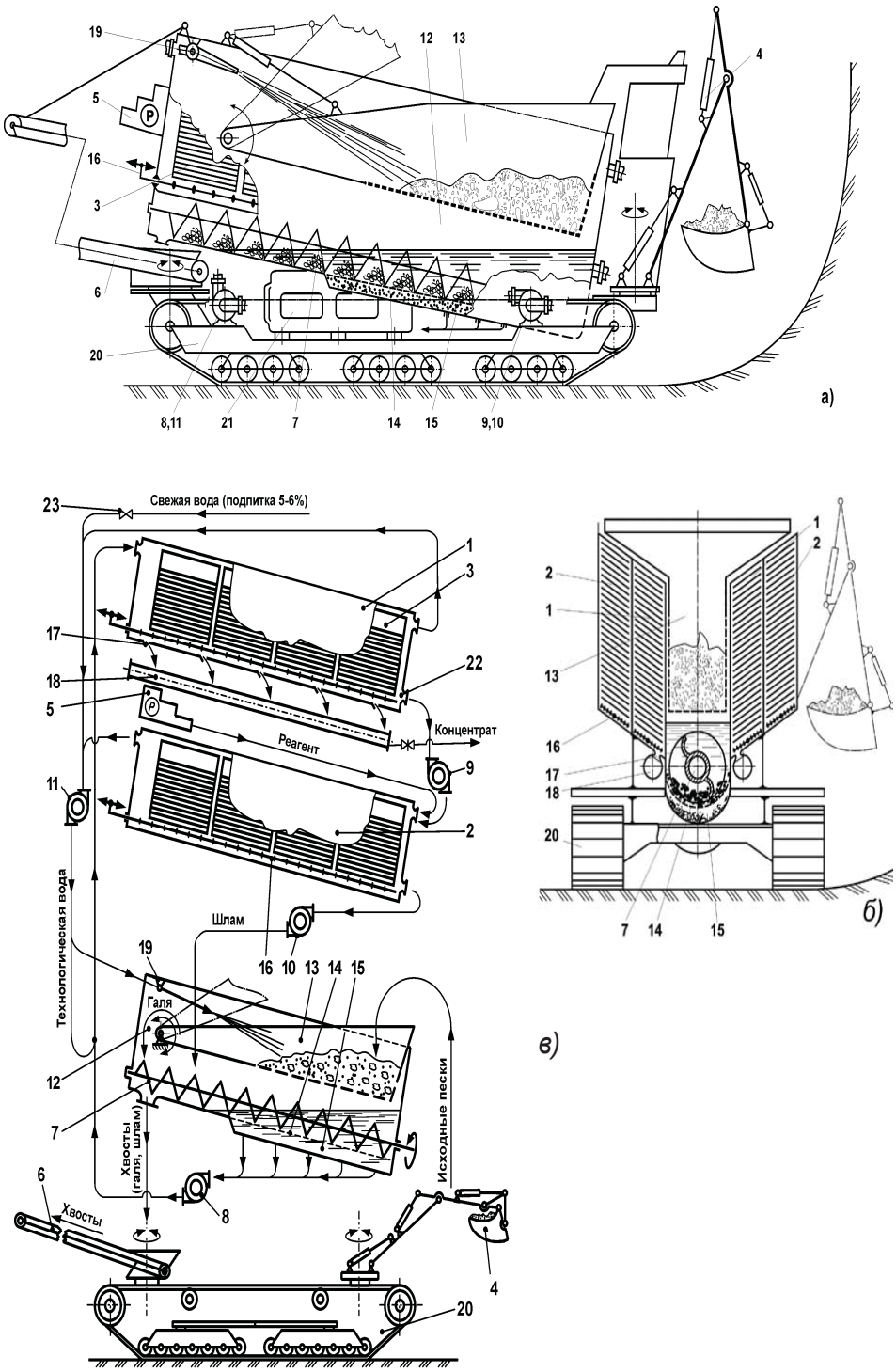


Рис. 3. Компоновка промывочного агрегата (комбайна):

а – вид сбоку; б – поперечный разрез; в – схема массопотоков

1, 2 – ТА для улавливания ценного компонента и выделения илисто-глинистой фракции; 3 – тонкослойные секции; 4 – загрузочное устройство; 5 – реагентная станция; 6 – транспортер; 7 – шнек; 8-11 – насосы; 12 – бункер; 13, 14 – грохоты; 15, 18 – зумпфы; 16 – вибратор;17 – улавливающие карманы; 19 – монитор; 20 – шасси; 21 – дизель-гениратор; 22 – патрубки; 23 – гибкий рукав с регулятором подпитки

Такой подход к решению комплекса вопросов в области разработки россыпных месторождений требует детальных исследований конструкторско-технологических, экологических, экономических сторон, однако уже на стадии эскизной проработки видны реальные достоинства самоходных промывочных агрегатов типа комбайнов, востребованность которых, диктуемая сложившимися противоречиями, высока. Учитывая высокий уровень их унификации по комплектующим узлам, работа в данном направлении может дать мощный импульс дальнейшему развитию отечественного обогатительного машиностроения.

Литература

1. Пат. 1692028 Российская Федерация, МПК B01D 21/02. Тонкослойный разделитель минеральных частиц в потоке / В.Г. Черкасов, В.П. Мязин, Е.П. Маккавеев, Ю.С. Шевченко; патентообладатель Чит. гос. ун-т. – № 4809502/26; заяв. 26.02.1990; опубл. 30.10.91, Бюл. № 40.

2. Пат. 2248848 Российская Федерация, МПК B03B 5/68. Тонкослойный разделитель минеральных частиц / В.Г. Черкасов, О.А. Баландин, В.П. Мязин; патентообладатель Чит. гос. ун-т. – № 2003131549/03; заяв. 27.10.2003; опубл. 27.03.2005, Бюл. № 9.

3. Пат. 2385771 Российская Федерация, МПК B03B 5/62. Тонкослойный сепаратор полиминеральной гидровзвеси / В.Г. Черкасов, В.С. Силинский, О.С. Цыдапова, А.В. Веретельников; патентообладатель Чит. гос. ун-т. – № 2009113181/03; заяв. 08.04.2010; опубл. 10.04.2010, Бюл. № 10.

4. Мязин В.П. Расширение технологических возможностей тонкослойных аппаратов / В.П. Мязин, В.Г. Черкасов // Горный журнал. – 2006. – № 9. – С. 51-63.

5. Черкасов В.Г. Конструкторско-технологические аспекты при разработке обогатительных аппаратов для тонкодисперсных минеральных комплексов / В.Г. Черкасов // Горн. информ.-анал. бюлл. – М.: МГГУ, 2002. – № 12. – С. 208-211.

6. Мязин В.П., Черкасов В.Г. Разработка систем водооборота для мобильных обогатительных фабрик // Обогащение руд. – 2004. – № 2. – С. 35-37.

7. Пат. 1380006 Российская Федерация, МПК B03B 7/00. Поточная линия для обезвоживания хвостов промывки / В.П. Мязин, В.Г. Черкасов, В.Р. Личаев, А.П. Курылев; патентообладатель Чит. гос. ун-т. – № 4066793/31-26; заяв. 11.05.1986; опубл. 27.05.2004, Бюл. № 15.

8. Пат. 1462543 Российская Федерация, МПК B01D 21/624. Поточная линия для обезвоживания хвостов промывки / В.П. Мязин, В.Г. Черкасов, А.Г. Близнецкий; патентообладатель Чит. гос. ун-т. – № 4272665/31-26; заяв. 30.06.1987; опубл. 27.05.2004, Бюл. № 15.

9. Пат. 1774542 Российская Федерация, МПК B03D 21/24. Поточная линия для обезвоживания и удаления хвостов промывки / В.Г. Черкасов, В.П. Мязин; патентообладатель Чит. гос. ун-т. – № 4855322/26; заяв. 25.07.1990; опубл. 27.05.2004, Бюл. № 15.

10. Пат. 2187370 Российская Федерация, МПК B03B 5/00. Промывочный комплекс / В.Г. Черкасов, О.А. Баландин, А.В. Черкасов, А.П. Лисичников; патентообладатель Чит. гос. ун-т. – № 2001103446/03; заяв. 05.02.2001; опубл. 20.08.2002, Бюл. № 23.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Черкасов В.Г., д-р техн. наук, профессор кафедры технологии лесопереработки и механики, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-69-13

V. Cherkasov, Doctor of Technical Sciences, professor, Technology of woodworking and mechanics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: машины и аппараты горно-обогатительного производства

Scientific interests: machines and vehicles of ore mining and processing production

Социология

УДК 316.6

Никитина Дина Владимировна
Dina Nikitina

ДРУЖБА: ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

FRIENDSHIP: PARADIGM OF SCIENTIFIC WORK

Автор обращается к рассмотрению дружбы как социально-психологическому феномену в контексте философии, социальной психологии. Философские концепции раскрывают особенности понимания дружбы в различные эпохи, ее место в системе межличностных и общественных отношений

Ключевые слова: *дружба, друг, адаптация, статус, самооценка, межличностные отношения*

In this article the author takes into consideration friendship as social-psychological phenomenon in the context of philosophy, social psychology. The philosophical concepts reveal the peculiarity of friendship in different periods, and its part in the system of personal and social terms

Key words: *friendship, friend, adaptation, status, self – appraisal, personal terms*

Одно из центральных мест в науке заняла проблема общения. О ней пишут философы, социологи, психологи, этнографы, педагоги, психиатры и представители других научных дисциплин.

Социология изучает дружбу как институт, выполняющий некие функции (их изучением также занимается история и антропология). Социальная психология занимается реальными личными отношениями, возникающими в повседневной жизни. Этика рассматривает дружбу как важную нравственную ценность. Дружбу относят также и к духовной сфере.

Каждому человеку в жизни приходится общаться с другими людьми. Общение занимает одно из важнейших мест среди потребностей человека.

Общение – это информационное и предметное взаимодействие, в процессе которого проявляются и формируются межличностные взаимоотношения. При взаимодействии людей друг с другом проявляются их личные качества, отсюда и вытекают межличностные взаимоотношения. Важнейшая черта этих отношений – их эмоциональная основа. Это значит, что отношения возникают и складываются на основе определенных чувств, рождающихся у людей относительно друг друга. Эти чувства могут быть сближающими, объединяющими и разъединяющими людей.

Значительную роль в исследовании канона дружбы сыграли труды И.С. Кона «Дружба» (психологический очерк 1987 г.), «Психология ранней юности» (1989 г.), «Психология юношеской дружбы» (1973 г.).

Самой «чистой» формой проявления человеческих отношений является именно дружба, которая вызывает к себе возвышенно-трепетное и одновременно скептическое отношение как несовпадение должного и сущего (И.С. Кон) [1].

Люди всех времен и народов почитают дружбу величайшей социальной и нравственной ценностью, но ценностью очень редкой, как правило, принадлежащей к прошлому.

Дружба – это понятие историческое, на различных этапах общественного развития оно приобрело новые качества и реализовывалась в различных формах.

В античности зародились основные нравственные представления, среди которых одними из важнейших является дружба.

Понятие «дружба» представлено в эпосе словом «philos», приложенным рано и к дружбе двух людей, дружбе частной, и к дружбе – союзу племен, народов, то есть к дружбе в том же понимании, имеющей общественный смысл. Древнегреческое слово «филия» (philia) довольно рано становится предметом специального размышления в греческой философии. Оно связано со словом «plyle», обозначавшим племя. Племя – фила – древнейшее подразделение греческого народа, аналогичное «колену» у древних евреев. С распадом родового строя словом «philie» начинает обозначаться любое кровнородственное объединение, в том числе род, свидетельства этого дают отдельные места в «Одиссее» Гомера или в «Истории» Геродота. Philia, таким образом, это отношение между принадлежащими или как бы принадлежащими к одному роду – племени.

Названными тенденциями в историческом становлении дружбы вполне соответствуют эмпирически фиксируемые у разных народов в разные эпохи различные образы и формы дружбы таких отношений, которые:

1) основаны на традиционных и институционализированных связях;

2) устанавливаются в силу соучастия в общем деле или общности интересов, имеют внешнепредметизированное выражение;

3) заключаются в личной близости как таковой, бескорыстной взаимной привязанности, духовном единении.

Связь понятий «дружба» и «родство» сохраняется и в древнегреческой трагедии, поэзии, прозе.

У Геродота philia – это мирный договор между государствами. По преданию, переданному Ямвлихом, Пифагор рассматривал дружбу в качестве принципа единения в мире всех со всеми, в том числе между людьми.

Вместе с тем, наиболее ценными разновидностями дружбы Пифагор считал дружбу с родителями, вообще старшими, а также с благодетелями, – то есть с теми, с кем в силу их статуса равенство никак невозможно. Это значит, что дружба трактовалась как отношения не только добровольные, но и «надстатусные». И как таковая дружба со времен ранней античности символизировала возвышенные человеческие отношения и рассматривалась как воплощение подлинной добродетельности и мудрости.

В эпоху «Гомеровской Греции» эпическая дружба являла собой нечленимое единство долга и симпатии и рождалась как результат взаимоподдержки в процессе совместных действий, дел, подвигов.

Особенностью эпической дружбы является то, что она связана ни с кровным, ни с приобретенным родством. Это – воинское товарищество, очень похожее на ритуализированные личные отношения. Друзьями могли быть воины – союзники или люди, связанными узами гостеприимства. Все друзья друг другу милы и любезны. Таким образом, основу эпической дружбы составляют в большей степени не чувства, а действия, проявление взаимной поддержки; личная приязнь и общественный интерес сливаются воедино.

В VI в.до н.э. Солон, один из семи мудрецов, анализируя свой жизненный опыт, а также душевное состояние окружающих его людей, формирует особый взгляд на феномен дружбы. Среди советов Солона есть такой: «Заводить друзей не спеши, а заведши, не бросай». Таким образом он предостерегает тех, кто пытается завязать дружбу с человеком, не удостоверившись полностью в подлинности своего чувства. Солон призывает ценить это ни с чем не сравнимое чувство – чувство дружбы.

Другой античный мудрец Биант считал, что друга можно приобрести и потерять в споре. «Лучше разбирать спор между своими врагами, чем между друзьями, ибо заведомо после этого один из друзей станет

твоим врагом, а один из врагов – твоим другом». В этом наблюдении Биант делает акцент на том, что у друзей не всегда совпадают взгляды, и следствием этого может стать спор, чаще всего заканчивающийся не в пользу дружбы. Так как друг является одним из самых близких людей, он претендует на некоторые чувства со стороны другого члена их маленького дружеского союза. И естественно. Однако у Бианта есть некоторые опасения: «Друзей надо любить так, будто они ответят тебе ненавистью, ибо большинство людей – злы» [3].

Таким образом, происходит эволюция понятия «дружба» от гомеровского эпоса до начала этики «семи мудрецов». В связи с зарождением этических представлений феномен дружбы становится объектом наблюдения философов, которые синтезируют его и оформляют в виде изречений на нравственные темы.

В классической Греции дружба теряет свою связь с родством и становится более избирательной и рациональной. Она приобретает характер политического товарищества. Понятие «Политическая дружба» распространяется на межличностные отношения. Друзьями теперь называют приверженцев, единомышленников, людей объединенных общими интересами.

В дальнейшем Сократ и Платон делают акцент на духовной стороне дружеских отношений. Дружба, подчеркивает Сократ, «соединяет людей нравственных» для которых духовное общение важнее преходящих чувственных удовольствий [4]. Платон подчеркивает духовно-нравственные основы дружбы. Подходя к проблеме с точки зрения общества, Платон подчеркивает социально-интегративные функции дружбы, замечая, что «рассудительность», «разумность», и «дружба» – это не разные точки зрения, но все та же. Философ считает, что не только взаимоотношения друзей должны исходить из возвышенной общей цели, но и все отношения – «к нашим потомкам, родственникам, друзьям, связанным с нами узами гостеприимства», а также что все отношения должны направляться и регулироваться законами [4].

Первый трактат, посвященный проблеме дружбы, встречается у Аристотеля в «Никомаховой этике», где дружбе посвящены книги XIII и IX. Философ начинает свое рассмотрение с учения о высшем благе, которое представляется им как некий объективно и абсолютно заданный человеку стандарт. Вслед за этим Аристотель показывает, какие способности и качества человека соответствуют высшему благу. Это – добродетели. Это его способность к произвольным, то есть определенным свободой его воли, действиям, благодаря чему он и может быть добродетельным. В учении о добродетелях раскрывается каким человек должен быть в отношении к высшему благу как нравственному идеалу. Затем Аристотель показывает, каким человек должен быть к самому себе.

Определив должное отношение человека к самому себе, Аристотель показывает, какими должны быть его отношения с другими людьми. Этому, по сути, и посвящено его учение о дружбе.

В завершение Аристотель возвращается к вопросу о высшем благе, представляя его как условие личного счастья, или блаженства человека, практически реализовавшего предначертанное природой – добродетельного, воздержанного и дружественного.

Аристотель рассматривает дружбу в разнообразии ее проявлений. Дружеские отношения различаются по:

1) содержанию мотивов:

а) утилитарная – ради пользы, выгоды;

б) гедонистическая – ради удовольствия, приятности;

в) совершенная из добродетели.

2) типу партнеров:

а) дружба юношей и стариков;

б) супругов;

в) домочадцев и родственников;

г) соратников;

д) любовников;

е) гостя и хозяина.

3) по характеру отношений:

а) равных;

б) неравных.

При этом Аристотель сохраняет существовавшие в греческой мысли широкое и узкое понимания дружбы. Первое понимание дружбы объемлет самые разные отношения: между заимодавцем и должником; благотворителем и нуждающимся; родителями и детьми и. т.д. Из этого видно, что в античности под дружбой понимаются всякие позитивные отношения между людьми, во всяком случае, добровольно устанавливаемые отношения [6].

В узком понимании дружба рассматривается в её совершенном воплощении. Дружба как таковая проявляется, по Аристотелю, в особенных – добродетельных и нравственно-прекрасных отношениях. Дружба в узком смысле слова является, по сути дела, именно тем отношением, в котором человек последовательно и до конца проявляет себя как добродетельный. В так понимаемой дружбе:

– люди благодетельствуют преимущественно в отношении именно друзей;

– проводят время совместно или живут сообща;

– «наслаждаются взаимным общением»;

– схожи во всем и делят друг с другом горе и радости;

– поскольку к другу относятся, как к самому себе, то друг – это другое Я.

Как и у Пифагора, дружба, по Аристотелю, покоится на равенстве. Но в дружбе равенство иного рода, чем то, которое предполагается справедливостью. С одной стороны, и об этом Аристотель говорит прямо, справедливость сориентирована на равенство качественное, в то время как в дружбе сначала учитывается количество, а качество – потом; поэтому, желая друзьям блага ради них самих, неверно, может быть, желать им величайших благ, например, быть богами, ведь тогда они перестанут быть друзьями. Но это также значит, что раб не может быть другом свободному. Однако, с другой стороны, в истинной дружбе, на которую способны лишь мудрые люди, равенство в добродетели.

Культ дружбы характерен не только для древнегреческой, но и эллинистической и древнеримской философии. По выражению Эпикура, «дружба обходит с пляской вселенную, объявляя нам всем, чтобы мы пробуждались к прославлению счастливой жизни». Но хотя дружбу прославляют и Феофраст, и Эпиктет, и Диоген Ларетский, Цицерон, Сенека, Плутарх, расставленные ими этические акценты различны.

Эпикур и его последователи подчеркивают утилитарно-рассудочные истоки дружбы. По словам Эпикура, «всякая дружба желанна ради себя самой, а начало она берет из пользы». Поскольку истинная дружба приобретает у него черты некоторого духовного аристократизма, она ставится в известном смысле даже выше мудрости, ибо мудрость – благо смертное, а дружба – бессмертное.

Если у эпикурейцев дружба – источник радости, то в ригористической этике стоиков, например, Эпиктета трактуется, прежде всего, как долг и добродетель, которой должны быть подчинены живые человеческие чувства. Это делает дружбу еще более исключительной, доступной только мудрецу.

Цицерон стремится, в отличие от Аристотеля и стоиков, к анализу дружбы не как идеального союза, свойственного мудрецам, а как реального отношения, возможного, однако, только среди людей честных, доблестных, верных и стойких. В противовес Эпикуру Цицерон делает сдвиг в понимании природы дружбы как отношения, возникающего от природы, нежели в силу необходимости: к другу стремятся из приязни, то есть дружеского расположения, а не из стремления к удовольствию или пользе.

Вместе с тем, подобно Аристотелю, Цицерон описывает дружбу как совершенное и нравственно-прекрасное отношение. «Первый закон дружбы – в том, чтобы просить друзей только о нравственно-прекрасном и делать друзьям только нравственно – прекрасное, не дожидаясь их просьб [7]. Цицерон, по существу, воспроизводит Аристотеля:

– к другу следует относиться, как к самому себе, то есть любовно, бескорыстно и безусловно;

– истинный друг – это как бы второе Я;

— дружба основывается на согласии и взаимной благожелательности.

Среди «правил дружбы» Цицерона есть такие:

— быть искренним;

— доверять;

— быть равным с нижестоящими по положению или возрасту;

— благотворительствовать;

— быть сдержанным и воздерживаться от ссор;

— в разрыве сохранять достоинство и т.д.

Таким образом, в античной философии понятие «дружба» конституируется на основе последовательного вычленения дружбы в строгом смысле слова из массы различных форм положительных связей между людьми и ее противопоставления отношениям, основанным на прихоти, вожделении, корысти и тщеславии.

В средние века представления о дружбе несколько меняются. Прежде всего, выделяется понятие «божественная дружба», которая противопоставлена реальным межличностным отношениям и является выражением любви к богу. Фома Аквинский определяет дружбу как добродетель, отожествляя ее с любыми формами благожелательности, будь то отношение к природе, любовь к животным. Хотя реальные дружеские отношения в средние века отличаются сословным характером, в соответствии с которыми выделяются три канона дружбы:

1) феодально-рыцарский;

2) канон простых людей (крестьяне, ремесленники);

3) духовно-монастырский.

Феодально-рыцарская дружба тесно связана с архаической воинской дружбой и обычаями побратимства, унаследованными от дофеодальных времен и дополненными символикой вассальной верности и покровительства сильного слабому. Характерный пример таких отношений — побратимство, «крестовое братство» русских былинных богатырей, описанное М.М. Громыко [8].

В «названное», или «крестовое» братство вступают практически все былинные богатыри. Оно ставится выше всех прочих отношений даже кровного родства. Побратимы принимают обет взаимного послушания, но, как правило, один из побратимов считался старшим: Илья Муромец считался старше Добрыни Никитича, Добрыня старше Алеши Поповича, а при встрече со Святогором сам Илья становится его младшим братом. С побратимством был связан также ряд брачных запретов: вдова богатыря не может выйти замуж за «крестового брата» покойного мужа, мужчина не может жениться на своей «крестной сестре».

Этот институт не был исключительно мужским. В некоторых деревнях наряду с побратимством существовало и «посестримство», хотя в отличие от мужского братания, отношения посестрия распространялись только на непосредственных участниц, то есть их мужья и дети не считались родными.

Обряд побратимства, согласно данным М.М. Громыко [8], был известен на Руси еще в XI в. и имел явно дохристианские истоки. Постепенно эти отношения выходят за рамки воинского союза, приравниваясь к дружбе.

Побратимство и вытекающие из него обстоятельства и брачные запреты признавала и церковь. Иногда обряд братания даже совершался в церкви или фиксировался в церковной метрической книге. Одно такое упоминание относится к 1801 г. Родившийся в воинской среде обычай перенимают и другие сословия. По этнографическим данным, побратимство нередко встречалось среди русских крестьян XIX в., особенно среди казаков и бурлаков, то есть именно в тех ситуациях, где чаще всего требовалась взаимная выручка и восполнение семейно-родственных отношений.

Дружеские связи крестьян и городских ремесленников выглядят более прозаически. Деревенская община даже в XVI-XVII вв. редко насчитывала больше 500 человек, так что все отношения в ней неизбежно имели непосредственно-личный характер. Дружеские связи обычно переплетались с родственными и соседскими и рассматривались как их дополнение.

Особое место занимали дружеские отношения в среде молодежи. Понятие молодости в средние века было расплывчатым, охватывая период жизни от окончания детства до того момента, когда мужчина женился и становился главой семьи. Иногда этот период растягивался на 15...20 лет. Посвященные в рыцари сыновья феодальных сеньоров томились скукой или затевали скандалы в отцовских замках. Чтобы избавиться от них и одновременно помочь приобрести боевой опыт, их часто отправляли в дальние странствия. Соединяясь группами, молодые люди вели жизнь бродячих рыцарей, сражались, грабили, искали богатых невест. По словам французского хрониста XII в., эти «друзья» « любили друг друга, как братья».

По иным канонам строилась дружба в духовных, монашеских кругах. Более образованные, чем их современники, эти люди испытывали и большую потребность в вербальном общении, а дефицит эмоциональных контактов, связанный с обетом безбрачия, усиливал потребность в самораскрытии.

Своеобразной формой институционализации духовной дружбы были распространенные в Европе в VIII-IX вв. «молитвенные братства», имевшие своим главным содержанием совместные или заочно возносимые молитвы друг за друга.

Гуманисты эпохи Возрождения прославляют дружбу как самое естественное и высокое человеческое чувство. Эта тенденция была тесно связана с возрождением античной традиции. Дружба представляется более устойчивыми и постоянными отношениями, чем любовь. Монтень подчеркивает тотальность дружбы, ставящую ее выше всех «ролевых» отношений: « ...совершенная дружба, о которой я говорю, неделима: каждый с такой полнотой отдает себя другому, что ему больше нечего уделить кому-нибудь еще...в обычных дружеских связях можно свое чувство делить: можно в одном любить его красоту, в другом – простоту нравов, в третьем – щедрость ; в том – отеческие чувства, в этом – братские и так далее. Но что касается дружбы, которая подчиняет себе душу всецело и неограниченно властвует над нею, тут никакое раздвоение невозможно» [9].

Сходные мысли высказывает и Ф. Бэкон. Подчеркивая, что нужно выбирать друзей «тщательно и разумно», не поддаваясь страсти, он вместе с тем видит в дружбе высшую форму человеческого общения. «Человек может говорить со своим сыном только как отец; со своей женой – только как муж...» [2]. Друг единственный, с кем можно быть просто самим собой. Суть дружбы «раскрытие своего Я другу», а «главный плод дружбы заключается в облегчении и освобождении сердца от переполненности и надрыва, которые вызывают и причиняют всякого рода страсти» [2].

В гуманистической концепции дружбы на первый план выступает интеллектуальное общение, означающее разрыв с феодально-рыцарской традицией. Важнейшей предпосылкой дружбы становится теперь не сословное равенство или иерархическая взаимозависимость, а общность духовных интересов. Человек не чувствует больше необходимости оправдываться в своих дружеских или любовных привязанностях; наоборот, он гордится ими. В жизнеописаниях и автобиографиях эпохи Возрождения друзья занимают все более заметное место, чем в средневековых хрониках. Так, М. Монтень и Ф. Бэкон подчеркивают значимость дружбы среди всех межличностных отношений [9].

В эпоху Просвещения такие философы, как Д. Юм, Т. Гоббс, К. Гельвеции, И. Кант, П. Гольбах, определяют дружбу как отношения, основанные на морали и соображениях разума. Дружба осмысливается как нравственная ценность, она важнее сословного происхождения. Тем не менее, мотивами дружеских отношений представляются личные интересы, потребности и выгоды человека [1].

Настоящий культ интимной дружбы в России, как и в Европе, появляется вместе с романтизмом. Почти все хрестоматийные образцы дружбы в русской литературе и жизни первой половины XIX в. (лицейские дружбы А.С. Пушкина, дружба А.И. Герце-

на и Н.П. Огарева, взаимоотношения В.Г. Белинского и М.А. Бакунина и др.) имели отчетливо романтический характер. При этом нормативный канон дружбы и индивидуальные переживания сплошь и рядом переплетаются, накладываются друг на друга [10].

Эволюция романтического канона дружбы особенно наглядно выступает в творчестве и биографии А.С. Пушкина. Верность светлым идеалам юности и дружбы – важнейшая нравственная ценность и принцип пушкинского поколения. По свидетельству современников, реальные дружеские отношения между людьми пушкинского круга отличались не только возвышенностью идеалов, но и настоящим человеческим теплом.

Тема дружбы всегда занимала важное место в творчестве поэта, но на разных этапах его жизни и творческого пути она звучит по-разному.

В произведениях лицейского периода (например, в стихотворении «Друзьям») дружба описывается преимущественно в анакреонтовских тонах бесшабашного группового веселья, перемежающегося настроениями элегической тоски и грусти.

Напротив, дружба эпохи Н.В. Станкевича, М.А. Бакунина и В.Г. Белинского требует постоянного глубочайшего самораскрытия, исповеди, самообнажения. Юные аристократы пушкинской поры умели владеть собой и держать на почтительном расстоянии даже самых близких людей, полагая в этом один из признаков своего дворянского достоинства. Жить по принципу «душа нараспашку» позволялось только в ранней юности, да и то не всегда. Напротив, юные разночинцы, попадая в чуждую им городскую среду, жестко страдали от застенчивости и неумения держаться, испытывали особенно сильную потребность в человеческом тепле.

Следует отметить, что романтический канон дружбы подчеркнуто элитарен. Приписывая своим тончайшим переживаниям особый, высший смысл, недоступный непосвященным, романтики стремились подняться над уровнем обыденности и всякой организованной коллективности. Подобно гуманистам эпохи Возрождения, а до них – средневековым мистикам, романтики называют свою дружбу «святой», «священной» – «Жизнетворческая» сила романтических образцов и в самом деле заставляла многих реальных лиц вживаться, по меткому выражению А.И. Герцена – «в свои литературные тени», жить не по велению собственной природы, а по литературным образцам [10].

В советские времена важнейший принцип коммунистической идеологии – коллективизм, провозглашающий примат общественных (прежде всего – государственных) интересов над личными. Этот принцип действует как на макро- , так и на микросоциальном уровне. В соответствии с этим одной из главных социально-нравственных ценностей признается товарищество, то есть «отношения между людьми, основанные на общности их интересов, проявляющиеся во взаимной помощи и солидарности, уважении и доверии, доброжелательстве и симпатии» (Словарь по этике, 1983). За более индивидуальной и избирательной дружбой также признавалось право на существование, но подчеркивалось, что социально-нравственная ценность любой конкретной дружбы «определяется ее общественной направленностью».

В «Моральном кодексе строителя коммунизма» (1961) сближение категорий «товарищества» и «дружбы» вылилось в казенную формулу «Человек человеку друг, товарищ и брат».

Однако ахиллесовой пятой советской идеологии было то, что провозглашаемые ею принципы абсолютно не соответствовали реальным взаимоотношениям людей. Выдать обязательное подчинение групповой дисциплине за добровольное включение индивида в социум или коллектив по формуле «коллектив всегда прав» было сравнительно нетрудно. Но дружба, как и индивидуальность, неизбежно «выламывается» из любой системы групповой солидарности. В этом смысле она всегда была «подрывной» силой.

Молодым красногвардейцам эпохи Ни-

колая Островского было нетрудно усвоить мысль, что классовая солидарность важнее любых личных привязанностей и что друг, идеи которого расходятся с волей партии, становится врагом и подлежит уничтожению. Враг партии или народа не может быть моим другом!

Но по мере утверждения тоталитарного строя число врагов народа неуклонно возрастало. В годы массовых сталинских репрессий почти каждому человеку приходилось выбирать между политической лояльностью, групповой принадлежностью (товариществом) и долгом дружбы. Люди решали этот вопрос по-разному. Одни сохраняли верность своим близким, другие (большинство) отворачивались от них и даже становились в ряды их гонителей.

Помимо воздействия массовой пропаганды, этому способствовали страх и внутренние, психологические механизмы конформности. Массовый конформизм, на котором держалась советская система, подрывает глубинные психологические и нравственные основы индивидуальной дружбы, но одновременно повышает ее социально-нравственную ценность.

На разных этапах развития советского общества на первый план выступали разные аспекты дружбы.

Громадный подъем чувства дружбы, если так можно выразиться, произошел в годы Великой Отечественной войны. Воинское товарищество было действительно братством – один за всех и все за одного. Для людей, прошедших войну, солдатская дружба навсегда остается эталоном идеальных человеческих отношений. Именно потому, что солдатская жизнь предельно деиндивидуализирована, война порождает исключительно острое чувство индивидуальности.

Окопная дружба становится нравственным эталоном, камертоном, по которому оценивается действительность и с которым она никакого сравнения не выдерживает. Социальное неравенство и всесилие партократии, которых до и во время войны не замечали, в послевоенные годы становятся все более кричащими, подрывая иллюзию всеобщего товарищества. Более того, оказалось, что при столкновении с коррумпированной бюрократией пасует даже проверенная кровью фронтовая дружба.

Распад Советского Союза и переход к «дикому» капитализму повлиял и на характер межличностных отношений. Однозначно оценить эти сдвиги невозможно, да и эмпирических данных для этого недостаточно, но некоторые тенденции кажутся очевидными.

Прежде всего, общение между людьми стало менее интенсивным. Опрос, проведенный ВЦИОМ в 1992 г., показал, что 41% опрошенных стали реже встречаться с родными и 49 % — с друзьями, 30 % стали реже общаться с родными и друзьями по телефону, а 40% стали реже переписываться [7].

Атомизация общества и усиление социального неравенства способствовали росту чувства одиночества и недоверия к людям. Дефолт 1998 г. усилил эти настроения. В 1994 г. 42 % людей, опрошенных ВЦИОМ, сказали, что у них «много близких, надежных друзей», а в 1999 г. так ответили только 13 % (в основном молодые люди); 74 % респондентов сказали, что могут вполне доверять только одному – двум близким людям.

Ценностные ориентации россиян глубоко противоречивы. На уровне общих деклараций массовый респондент в 1994 г., как и в советское время, выражал «лояльность коллективу — этой первичной ячейке принудительного и двусмысленного единомыслия»; 59 % опрошенных целиком или в основном согласны с тем, что «в России люди привыкли относиться друг к другу по – свойски, не думая о выгоде» (против — ровно вдвое меньше, 30 %). Почти столько же (58 против 22 %) соглашается с тем, что «у нас привыкли делать все сообща, а потому не терпят тех, кто ставит себя выше коллектива».

Но стоит только поставить вопрос более конфликтно и личностно, как картина меняется. «Только 20 % полагают, что человек «должен поступать так, как решило

большинство» даже вопреки собственному мнению; для 56 % более близка другая точка зрения — «человек волен думать и действовать как он сам считает правильным». Демонстративный коллективизм уступает место декларативному индивидуализму».

Еще более индивидуалистично настроена молодежь. Отвечая на вопрос, какие качества им присущи, 15...29-летние россияне в 1999 г. поставили коллективизм на последнее (7-е) место. Его признали характерным для себя только 24,8 % опрошенных.

Социальное и имущественное расслоение умножает социально-психологические барьеры не только между богатыми и бедными, но и между Я и Другими вообще. Порождаемые неустойчивостью социального бытия равнодушие и холодность распространяются и на отношения человека к тем, кого он называет своими друзьями. Однако этот процесс отнюдь не линейный. В системе важнейших жизненных ценностей современной российской молодежи дружеское общение занимает одно из первых мест.

В том, что привычный канон «русской дружбы» меняется в том же направлении, что и на Западе, нет ничего катастрофического. Глобализация мира не лишает его многогранности и многоцветности. США, Германия и Япония — страны с развитой рыночной экономикой, тем не менее национальные культуры общения у них разные.

Основные характеристики дружбы — то, что отличает ее от других видов межличностных отношении, — тоже не изменились. За пять столетий до Рождества Христова, при абсолютно иной культурной традиции в Китае, Конфуций назвал пять основных типов межличностных отношений, среди них четыре типа иерархических отношений, в каждом из которых есть сторона главенствующая и сторона подчиняющаяся: между императором и его подданным, между отцом и сыном, между женщиной и мужчиной, между старшим братом и младшими братьями. И пятый тип отношений, неиерархический: отношения между равными — это и есть дружба.

Дружба признается величайшей социальной и нравственной ценностью большинством людей, считающих ее при этом ценностью очень редкой. Дружба — это близкие взаимоотношения, основанные на глубокой личной привязанности и симпатии, на единстве взглядов, интересов и жизненных целей, которые выражаются в стремлении к длительному разностороннему общению [5].

В отличие от деловых отношений, где один человек использует другого как средство для достижения своей цели, дружба — это отношение самоценное, само по себе являющееся благом; друзья помогают друг другу бескорыстно, «не в службу, а в дружбу».

В отличие от кровно-родственной связи, где люди связаны узами кровной или родственной солидарности, дружба — индивидуально-избирательна и основана на взаимной симпатии.

Наконец, в отличие от поверхностного приятельства, дружба — отношение глубокое и интимное, предполагающее внутреннею близость, откровенность, доверие, любовь, недаром мы называем друга своим alter ego (другим Я).

Большая близость и эмоциональность, связанные с избирательностью и исключительностью дружбы, усугубляют и делают еще строже такие критерии, как бескорыстие, преданность и верность, требовательность и принципиальность, искренность и доверие.

Бескорыстие в дружбе предполагает такие отношения, которые свободны от соображений выгоды и строятся на готовности помочь друг другу, порой в ущерб своим личным интересам. Преданность и верность друга укрепляют веру человека в собственные силы: он знает — в трудную минуту друг никогда не оставит его в беде и найдет возможность помочь и поддержать. Взаимная требовательность и принципиальность, делая дружбу активной силой, могут привести к большим творческим успехам, ибо способствуют самосовершенствованию каждого из друзей. Поэтому требовательность в дружбе обоснована, ибо дружба — своеобразный показатель ценности человеческих качеств.

Общение друзей, в котором каждый раскрывает другому самое важное и сокровенное, обогащает их обоих, позволяет лучше понять и осознать то, что происходит в собственной душе. Поэтому в друге чрезвычайно высоко ценят доверие, искренность и сердечность, умение хранить тайну. Отсутствие этих качеств разрушает отношения. Также очень высоко ценят великодушие, отходчивость, умение простить необдуманный проступок.

Настоящая дружба редко возникает сразу. Обычно ей предшествуют поиск, неудачи, непрочные контакты. Существуют следующие правила дружбы:

1) пик дружбы, когда она является исключительной, интенсивной и эмоционально значимой, приходится, как правило, на юность и раннею молодость, школьные и студенческие годы. Это самый благоприятный возраст для установления интересных и прочных контактов;

2) прежде чем сначала почувствовать симпатию к человеку, желание с ним знакомиться и общаться. Если этого ощущения нет, то лучше быть сдержанным и от предложенного знакомства уклониться, ведь симпатия для дружбы должна быть взаимной;

3) одной взаимной симпатии для дружбы мало. Нужно еще и общее дело или, по крайней мере, общие интересы;

4) первым шагом в установлении дружеских отношений не обязательно должен быть личный контакт. Знакомство и дружба могут начинаться и с письма.

5) не исключено, что дружба может начинаться с конфликта;

6) очень важно в самом начале дружбы не обмануться в своих чувствах: человек должен чувствовать, что он нужен другому.

Возникновению дружбы способствуют прежде всего общность взглядов, интересов, идеалов, жизненных целей. И если основой дружбы являются их близость или совпадение, то дружба продолжается нередко всю жизнь, независимо от препятствий на её пути. Необходимыми условиями становления дружбы являются также взаимное уважение, личная симпатия и привязанность друг к другу.

Однако реальные дружеские отношения не развиваются автоматически, по одной и той же траектории. Дружба — психологически очень тонкие, сложные отношения. А это значит, что о сохранении дружбы надо заботиться. Так, будучи наиболее глубоким, интимным отношением, дружба обязательно предполагает доверие, проявляющееся в открытии другому собственного Я, своих тайн, намерений, состояний, то есть в самораскрытии. Самораскрытие зависит от целого ряда моментов: кто, кому, что именно, когда, при каких обстоятельствах и для чего открывает. Степень самораскрытия в общении с посторонним человеком, родителями, близким другом неизбежно будет разной. Максимум самораскрытия достигается именно в общении с друзьями. Хотя здесь также имеются свои пределы.

В качестве вывода необходимо отметить следующее. Философские концепции раскрывают особенности понимания дружбы в различные эпохи, ее место в системе межличностных и общественных отношений.

В античности дружба изначально связывается с ритуалами и отношениями родства, существует некое воинское товарищество. Друзья связаны общей деятельностью, а дружба в большей степени представлена в системе общественных отношений. Постепенно дружба распространяется на межличностные отношения и приобретает избирательный характер.

В средние века представления о дружбе несколько меняются. Прежде всего, выделяется понятие «божественной дружбы», которая противопоставлена реальным межличностным отношениям и является выражением любви к богу. Хотя реальные дружеские отношения в средние века отличаются сословным характером.

Гуманисты эпохи Возрождения прославляют дружбу как самое естественное и высокое человеческое чувство. Эта тенденция была тесно связана с возрождением античной традиции. Дружба представляется более устойчивыми и постоянными отношениями, чем любовь. Так, М. Монтень под-

черкивает значимость дружбы среди всех межличностных отношений.

В эпоху Просвещения такие философы, как Д. Юм, Т. Гоббс, К. Гельвеций, Э. Кант, определяют дружбу как отношения, основанные на морали и соображениях разума. Дружба осмысливается как нравственная ценность, она важнее сословного происхождения. Тем не менее, мотивами дружеских отношений представляются личные интересы, потребности и выгоды человека.

Литература

1. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с
2. Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. – М.: Политиздат, 1980.
3. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (В мире мудрых мыслей). – М.: ООО АСТ, 2000. – 309 с.
4. Платон. Диалоги. – Ростов-н/Д., 1998.
5. Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца и др. – М.: Педагогика, 1983. – 100 с.
6. Аристотель Этика / Пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер; Ф.Х. Кессиди; Прим. Н.В. Брагинской. – М.: АСТ, 2004. – 492 с.
7. Этика: уч. пособие Т.В. Мишаткина; З. В. Братчикова; Н. И. Мушинский / под ред. Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич. – 3-е изд. стереотип. – М.: Новое издание, 2004. – 372 с.
8. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М., 1991.
9. Монтень М. Опыты: О дружбе. – Книга 1. – М.: Голос, 1992. – 384 с.
10. Герцен А.И. Сочинения в 9 тт. Т. 4. – М., 1956.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Никитина Д.В., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
dinulya:2301@mail.ru

D. Nikitina, post-graduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: социология управления, дружба, социальные отношения

Scientific interests: sociology of management, friendship, social relations

УДК 316.6

Петрова Ирина Владимировна
Irina Petrova

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЕМЬИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF A FAMILY: RESEARCH METHODOLOGY

Представлена трехкомпонентная структура социальной установки для исследования репродуктивного поведения. В качестве образца решения исследовательской задачи предложена дедуктивно-номологическая парадигма. Проведен анализ генеральной совокупности населения Забайкальского края. На основе полученных данных рассчитана пропорциональная стратифицированная выборка

Ключевые слова: *репродуктивная установка, дедуктивно-номологическая парадигма, генеральная совокупность, пропорциональная стратифицированная выборка*

The author presents a three-component structure of social attitudes for the research of reproductive behavior. Deductive-nomological paradigm is proposed as an example of the research task solution. General population groups of Transbaikalian Region were analyzed, on the basis of this analysis proportional stratified sampling data was received

Key words: *reproductive attitude, deductive-nomological paradigm, general group, proportional stratified sampling data*

Исследование репродуктивного поведения семьи, а следовательно, рождаемости и режима воспроизводства населения, представляет собой весьма сложное явление, определяемое совокупным действием разного рода причин: экономических, социальных, психологических. Поэтому вопросы выбора и обоснования методов исследования репродуктивного поведения занимают особое место. Анализ научных работ и результатов ранее проведенных репрезентативных исследований по данной теме дал нам возможность выявить методологические подходы разных авторов в совокупности с их методикой, что позволило выработать собственную методику исследования репродуктивного поведения семьи.

Основываясь на определении «методологии социологического исследования» и его уровнях, приведенном в Российской социологической энциклопедии, рассмотрим один из уровней методологии исследования, в частности, анализ методики, технологии и организации исследования в целом.

Для анализа исследования репродуктивного поведения наиболее эффективно использовать трехкомпонентную структуру социальной установки, которая предложена в 1942 г. американским ученым М. Смитом. В структуре выделяются:

а) когнитивный компонент (осознание объекта социальной установки);

б) аффективный компонент (или эмоциональная оценка объекта);

в) поведенческий компонент, который связан с реакцией субъекта по отношению к объекту [2].

Представленная структура широко используется при социально-психологическом анализе установки, в частности, репродуктивной установки. Так как репродуктивная установка представляет собой социальную установку, то естественно предположить наличие у репродуктивной установки аналогичной трехкомпонентной структуры.

Таким образом, репродуктивная установка будет интерпретироваться как определенное психологическое состояние лич-

ности, включающее три компонента:

1) информированность (когнитивный компонент);

2) отношение к детям (эмоциональный компонент);

3) готовность к деторождению (поведенческий компонент).

Иными словами, при наличии потребности в определенном количестве детей у личности формируется репродуктивная установка, которая представляет собой определенное психологическое состояние информированности о социальных нормах деторождения, отношения к детям и определенной степени готовности к деторождению при определенном наборе благоприятных ситуаций.

Рассмотрим более подробно каждую компоненту репродуктивной установки.

Когнитивный компонент (информированность) показывает, насколько люди осведомлены, информированы о проблемах рождаемости вообще, т.е. о деторождении в социальном окружении. Данная репродуктивная установка описывается вопросами, характеризующими общественный климат по проблемам демографической политики, а также информированность женщин о проблемах деторождения, числа детей в семье, уровню рождаемости. Информативный компонент репродуктивной установки достаточно хорошо выражен при сравнении ответов на вопросы об идеальном и желаемом количестве детей в семье.

Эмоциональный компонент репродуктивной установки определяется нами по ответам респондентов на вопросы относительно ценности детей и отношения к ним.

Важной частью репродуктивной установки является поведенческая компонента, которая проявляется в готовности женщины (или семьи) к действиям, направленным на рождение очередного ребенка или на отказ от рождения. Поведенческая компонента репродуктивной установки во многом выражается таким показателем, как ожидаемое число детей в семье, но не только им. Ожидаемое число детей означает уже непосредственную готовность к рождению определенного количества детей, и поэтому показатель ожидаемого числа детей ближе всего к наблюдаемому поведению, т.е. к тому количеству детей, которое имеет семья к концу репродуктивного периода. Однако о степени выраженности поведенческой компоненты репродуктивной установки можно судить и по целому ряду других индикаторов, в частности, по ответам на вопросы, носящие экономический характер.

В качестве образца решения исследовательской задачи [3] целесообразно использовать дедуктивно-номологическую парадигму. Преимущества ее в том, что она представляет общую мировоззренческую конструкцию, задающую нормативный способ исследования реальности, способную защитить получаемые результаты от эффекта инструментального искажения и субъективности, повысить объяснительные возможности результатов социологического исследования, получить закономерные обобщения на основе углубленных способов к его теоретическому построению.

Дедуктивно-номологическая парадигма (модель «охватывающего закона») построена на «утверждении об универсальной условной форме, которое можно подтвердить или опровергнуть подходящими эмпирическими фактами». В нашей работе таковой стала гипотеза: эффективность управления репродуктивным поведением семьи прямо пропорциональна степени удовлетворения потребностей конкретной возрастной группы, соответствующей определенному этапу социализации.

Применение модели «охватывающего закона» в качестве исследовательской парадигмы имеет как свои плюсы (точность ее следствия эмпирически проверяемы) и простоту (упорядочивает явления, соотнося субъекта с действием через интенциональность), так и минусы (умозрительность, отдаленность от естественной логики событий, так как широкое многообразие социальной реальности, с которым сталкивается научная практика, не может быть реконструировано в рамках данной модели [1]). Несмотря на указанные недостатки данной парадигмы, ее применение необ-

ходимо при изучении массовых явлений, в том числе уместно при исследовании репродуктивного поведения, когда требуется выявление репродуктивных мотивов, потребностей, ценностей семьи.

Методика исследования репродуктивного поведения семьи, построенная на принципе дедуктивно-номологической исследовательской парадигмы, включает:

1) в общенаучном значении – метод анализа статистических данных, различных документов и материалов в разрезе исследуемой проблемы;

2) специализированные методы социологического исследования: анкетный опрос, контент-анализ и метод панельного интервью.

При исследовании репродуктивного поведения целесообразно использовать пропорциональный стратифицированный отбор. При проведении стратифицированного отбора генеральная совокупность сначала разбивается на группы (страты) по какому-либо признаку. Далее уже в этих выделенных группах опрос проводится случайным методом.

Выборка называется случайной, если каждый человек (каждый представитель совокупности) имеет известную ненулевую вероятность быть отобранным. Корни этого определения лежат в теории вероятностей, которая обосновала выборочные методы исследования. Именно на ее основе строго доказано, что по ответам относительно небольшого числа людей можно с высокой точностью судить о мнении всех. Обязательным условием этого является случайный характер выборки [5].

Преимуществом случайной выборки является объективность и точность отбора респондентов.

Проведем проектирование выборочной совокупности на основе статистических данных по Забайкальскому краю [4]. Для реализации условия репрезентативности стратифицированной выборки проведем анализ генеральной совокупности объекта исследования.

В процессе анализа нами обоснован выбор трех признаков, которые тесно связаны и определяют суть изучаемого процесса, и по которым будет контролироваться стратифицированная выборка. В качестве таких признаков мы приняли: 1) пол; 2) возраст (3 градации); 3) тип поселения (2 градации – город/село). По нашему мнению, представленные признаки являются наиболее важными в анализе репродуктивного поведения. Выяснив их, можно объяснить, почему современная молодая семья не спешит обзавестись детьми, а отдает предпочтение иным ценностям: карьере, материальному достатку, образованию. Такое явление исследователями определяется как второй демографический переход от «золотого века» брака к кохабитационному союзу; от пары «ребенок – король с родителями» к паре «короли с ребенком».

Рассчитаем генеральную совокупность населения Забайкальского края. Согласно статистическим данным, численность населения Забайкальского края на 01.01.2010 г. составила 1116974 чел. Численность мужчин – 533562 чел., или 47,8 %. Численность женщин – 583412 чел., или 52,2 % всего населения. В связи с задачами исследования мы посчитали целесообразным включить в генеральную совокупность только мужчин и женщин фертильного возраста (15...49 лет); мужчин в количестве 312171 чел. (50,4 %), женщин – 306565 чел. (49,6 %). Таким образом, объем генеральной совокупности объекта исследования стал равным 618736 чел.

В сельской периферии осуществили двухступенчатую стратифицированную выборку со случайным отбором респондентов. В качестве сельских территориальных единиц взяли типичные сельские районы Забайкальского края: северный – Тунгокоченский, восточные – Сретенский и Чернышевский, южные – Кыринский, Приаргунский.

Поскольку демографические процессы в г. Чита в целом воспроизводят структуру областных, а основные тенденции проявляются более полно, то основной массив респондентов определен именно здесь. На городском массиве Читы осуществлялось районирование выборки по микрорайонам

города: производственно-рабочего типа (Железнодорожный район), жилищно-бытового типа (микрорайоны Северный и Сосновый бор), административно-управленческого типа (Центральный район).

Характеристика генеральной совокупности объекта исследования в разрезе трех выбранных признаков приведена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика генеральной совокупности населения фертильного возраста Забайкальского края в разрезе возрастных соотношений, места проживания и пола, чел.

Возрастные группы, лет	Мужчины		Женщины	
	город	село	город	село
Всего, чел.	200253	111918	201145	105420
15-24	68852	40755	61798	38275
25-34	66128	33281	65588	28450
35-49	65273	37882	73759	38695

В соответствии с рекомендациями, приведенными в работе В.А. Ядова [6], при генеральной совокупности, превышающей 5 тыс. чел., объем выборки при фактической ошибке 4 % составляет 625 чел., уровень надежности – обыкновенный (допускает ошибку выборки до 3...10 %).

Весь объем выборки разделен на возрастные страты (см. табл. 2) пропорционально их представительству в генеральной совокупности. По этому же критерию каждая страта разделена по полу и типу поселения на городских и сельских жителей. Вся выборка составила: мужчин – 315 чел. (50,4 %) и женщин – 310 чел. (49,6 %).

Таблица 2

Состав пропорционально-стратифицированной выборки, чел/%

Возрастные группы, лет	Мужчины		Женщины	
	город	село	город	село
15-24	69/11,1	41/6,6	62/9,9	39/6,2
25-34	67/10,7	34/5,4	66/10,6	29/4,6
35-49	66/10,6	38/6,1	75/12,0	39/6,2
Всего, чел/%	202/32,4	113/18,1	203/32,5	107/17,0

Представленная выборка позволит наиболее точно провести дальнейший анализ исследования.

Таким образом, методика исследования репродуктивного поведения находится в русле общеметодологических принципов социологического знания. Выбор методов исследования исходит из методологических посылок и гипотез. В общенаучном значении используется метод анализа, который предусматривает анализ статистических данных, различных документов и материалов. В разработке методики исследования мы опирались на опыт социологов, демографов, обществоведов, изучавших репродуктивное поведение, динамику его развития, детерминирующие его аспекты. Это позволило выявить специфику исследуемой социально-демографической группы и получить для анализа данные, сопоставимые с общероссийскими исследованиями.

Использование представленного методологического подхода к изучению особенностей репродуктивного поведения семьи наиболее эффективно, несмотря на то, что исследуемые факторы, установки, мотивы репродуктивного поведения поддаются изучению различными социологическими методами.

Литература

1. Аверин Ю.П. Многопарадигмальный подход к теоретическому построению социологического исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4------0-1l--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&cl=CL1&d=HASH56d6416d31ea77d4c10cce.17&gc=1, свободный.

2. Андреев А.Г. Социальная психология. – М., 1980. – С. 359-360

3. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – 172 с.

4. Читинская область в цифрах: статистический ежегодник, 2006. – Чита: Читастат, 2006. – 372 с.

5. Чуриков А. Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях. Социальная реальность. № 4. 2007 г. www.fom.ru bd.fom.ru bd.english.fom.ru cafedra.fom.ru club.fom.ru.

6. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – Самара: Самарский университет, 1995. – 329 с.

7. Hempel C.G. Aspects of Scientific Explanation and other Essays in the Philosophy of Scienc. – New York: Free Press, 1965. – P. 231.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Петрова И.В., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
PetrovaIrinaVl@yandex.ru

I. Petrova, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: репродуктивное поведение, социология семьи

Scientific interests: reproductive behavior, the sociology of the family

Научная жизнь

XI Международная научно-практическая конференция «Кулагинские чтения»

28 ноября – 2 декабря 2011 г. в Забайкальском государственном университете прошла XI Международная научно-практическая конференция «Кулагинские чтения», посвященная памяти первого ректора Забайкальского государственного университета (Читинского политехнического института) Юрия Вениаминовича Кулагина.

Работа XI Международной научно-практической конференции «Кулагинские чтения» организована и проведена в форме пленарного заседания, работы 31 секции, 2 круглых столов, 3 выставок, мастер-класса и других мероприятий с участием представителей образовательных заведений и научно-исследовательских организаций России (гг. Чита, Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Новосибирск, Владивосток, Иркутск, Улан-Удэ, Братск и др.) и зарубежных стран (КНР, Республики Корея, Монголии, Украины и Белоруссии).

На пленарном заседании выступили с приветствиями в адрес участников конференции министр образования, науки и молодежной политики Забайкальского края, д-р техн. наук, профессор К.И. Карасев и ректор Забайкальского государственного университета, д-р техн. наук, профессор Ю.Н. Резник.

По сложившейся традиции с пленарными докладами выступили номинанты премии за особые достижения в научной деятельности (премии им. Ю.В. Кулагина). В 2011 г. на премию номинированы: Т.В. Бейдина, д-р полит. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики ЗабГУ (по направлению «Общественные науки» – по представлению Читинского регионального отделения Международной академии наук педагогического образования); В.М. Герасимов, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой технологии лесопереработки и механики ЗабГУ (по направлению «Общественные науки» – по представлению Читинского регионального отделения Международной академии наук педагогического образования); И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор кафедры электроэнергетики и электротехники ЗабГУ (по направлению «Технические науки» – по представлению Забайкальского отделения Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности). Темы докладов посвещены актуальным направлениям научных исследований и развитию научных школ, возглавляемых докладчиками.

На секционных заседаниях присутствовало 1433 человека, заслушано 295

докладов (из них 18 от иногородних участников) из 390 заявленных. Материалы конференции, содержащие заявленные доклады, опубликованы в сборнике научных трудов в 6 томах общим объемом 1167 страниц (51 п.л.).

Заслушав и обсудив доклады, представленные на пленарном и секционных заседаниях, участники конференции приняли следующее решение.

1. Продолжить ежегодное проведение научной конференции Забайкальского государственного университета под названием «Кулагинские чтения» в ранге Международной и провести ее 28 ноября – 1 декабря 2012 года. Ответственный за проведение конференции – факультет социально-политических систем ЗабГУ.

2. Расширить географию участников конференции и активнее привлекать к участию в ней зарубежных исследователей, практиков и студентов университета.

3. При составлении программы конференции учитывать приоритетные научные направления исследований на кафедрах и практические потребности региона.

4. Рекомендованные на заседаниях секций доклады представить к опубликованию в научном журнале «Вестник ЧитГУ» или приложении к нему «Аспирант» в виде научных статей.

5. По итогам работы секций поощрить студентов и аспирантов за представленные на заседаниях секций лучшие доклады из бюджета Фонда социальной защиты студентов.

6. Выразить благодарность Оргкомитету XI Международной научно-практической конференции «Кулагинские чтения» за организацию и проведение конференции.

Конкурс грантов Совета по научной и инновационной деятельности на 2012 г.

Конкурс грантов Совета по научной и инновационной деятельности стал доброй традицией в Забайкальском государственном университете. На конкурс грантов 2012 г. подано 37 заявок. По результатам экспертизы конкурсных проектов победителями признаны проекты трёх аспирантов и трёх студентов. На пленарном заседании «Кулагинских чтений – 2011» подведены итоги конкурса, вручены дипломы победителям.

Победителями конкурса среди студентов стали Забелина Ольга, студентка юридического факультета (проект «Применение социальной рекламы в современном обществе (на примере Забайкальского края)») и студентки факультета строительства и экологии Беломестнова Елена (проект «Мониторинг качества воды р. Нерча по зообентосным организмам») и Курбатова Светлана (проект «Исследование рабочих процессов и устройств для преобразования энергии солнечного излучения в тепловую с целью обогрева жилых и производственных помещений»). Среди работ аспирантов поддержаны проекты аспирантки кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета социально-политических сис-

тем Баяновой Оксаны «Философско-антропологическое осмысление культурного кода (на примере архаических обрядов эвенков Восточного Забайкалья)», аспиранта кафедры электроэнергетики и электротехники Энергетического факультета Какаурова Сергея «Разработка импульсного источника питания и реактора обеззараживания воды диафрагменным электрическим разрядом» и аспирантов кафедры химии Энергетического факультета Брылева Романа и Брылевой Марины «Синтез арилпроизводных этилендиаминтетрауксусной кислоты и разработка с их применением методов химического анализа катионов методом ВЭЖХ». Несомненно, поддержка вуза важна и необходима молодым исследователям для создания благоприятных условий и повышения эффективности их научной деятельности.

Содержание

Экономические науки

Гонин В.Н., Малышев Е.А., Кашурников А.Н.
Повышение конкурентоспособности Забайкальского региона в условиях экономического развития
V. Gonin, E. Malishev, A. Kashurnikov
Competitiveness Increase of the Transbaikal Region in the Conditions of Economic Development 3

Ткачева Т.Ю.
Проблемы и перспективы расширения налоговой автономии местных органов власти
T. Tkatcheva
Problems and Prospects of Widening the Tax Autonomy of Local Authorities 10

Философские науки

Зимина Н.С.
Особенности трансграничного социокультурного пространства: научное осмысление
N. Zimina
The Pecularities of Transbordering Sociocultural Space: Scientific Approach 17

Фомина М.Н., Чернявин Ю.А.
Философская культура: точки измерения
M. Fomina, Yu. Chernjavin
Philosophical Culture: Measurement Points 24

Цырендоржиева Д.Ш., Ринчинова Т.М.
Религиозно-нравственные ценности: сущность, функции и структура
D. Thyrendorzhieva, T. Rinchinova
Religious and Moral Values: Essence, Functions and Structure 28

Филологические науки

Чистаева О.Н.
Этнические предрассудки как вид речевой агрессии в печатных СМИ Хакасии
O. Chistaeva
Ethnic Prejudice as a Form of Linguistic Aggression in the Print Media of Khakassia 32

Юридические науки

Макаров А.В.
Уголовная ответственность и наказание: проблемы соотношения уголовно-правовых категорий
A. Makarov
Criminal Liability and Punishment: Parity Problems of Criminal Legal Categories 37

Михайличенко С.И.
Криминологический анализ репродуктивного поведения и отношения к проблеме
небезопасного аборта среди студенток г. Чита
S. Mikhaylichenko
Criminological Analysis of Reproductive Behavior and Attitude to the Problem
of Unsafe Abortion Among Female Students of Chita City 43

Психологические науки

Кайдина М.С.
Социальный интеллект и эмоциональное выгорание преподавателей медицинских ссузов Забайкальского края
M. Kaydina
Social Intellect and Emotional Burn-Out of Medical Colleges' Teachers of Zabaikalsky Krai 49

Политология

Акулич И.А.
Характеристика статуса полномочных представителей президента РФ в федеральных округах
I. Akulich
Status Characteristics of the Authorized Representatives of the Russian Federation President in Federal Districts 54

Анучина Н.А.
Объединение Читинской области и АБАО: экспертное мнение
N. Anuchina
Association of the Chita Region and ABAR: expert opinion 61

Лобцова О.В., Секисов А.Г.
Коррупция как социально-политическое явление
O. Lobtsova, Artur Sekisov
Corruption as a Socio-Political Scene..... 66

Науки о Земле

Баландин О.А., Верхотуров А.Р.
Теоретические аспекты взаимодействия твердых частиц с электромагнитными волнами
O. Balandin, A. Verkhoturov
Theoretical Aspects Solid Particles and Electromagnetic Waves Interaction 71

Вильмова Е.С.
К вопросу о видовом составе рода Udokania Leites из протерозойских отложений Забайкалья
E. Vilmova
On the Issue of Species Composition of Udokania Leites Genus From the Proterozoic Deposits of Transbaikalia..... 78

Герасимов В.М.
Влияние нагружения и деформации материалов на интенсивность фильтрации
дренажей в искусственных сооружениях горного природопользования
V. Gerasimov
The Influence of Loading and Deformation of Materials on the Intensity
of the Filtering Drainages in Artificial Constructions of the Mining Environmental Management 88

Карасев К.И., Тютрина С.В.
Физико-химическое воздействие на мелкодисперсные минеральные частицы,
находящиеся в сточных и оборотных водах горнодобывающих предприятий
K. Karasev, S. Tyutrina
Physico-Chemical Effects on the Fine-Dyspersated Mineral Particles
that Are in the Waste and Circulating Waters of the Mining Enterprises 94

Кондратьев В.Г., Трубачев А.И.
Трещинно-жильные образования в горных породах золоторудного месторождения «Бамское»
V. Kondratiev, A. Trubachev
Crack-Thread Formations in Rock Gold Deposit «Bamskoe»..... 98

Котова Н.П.
Геотектонические особенности формирования и минерагеническое
районирование Восточного Забайкалья на флюорит
N. Kotova
Geotektonic Characteristics of Formation and Mineragenic Zoning of East Transbaikalia in Fluorite 104

Соколова А.А.
Граница России в традиционной картине мира и интернет-образах (по данным Google Earth – Panoramio)
A. Sokolova
The Borderline of Russia in the Traditional Worldview and the Internet Images (on Basis of Google Earth – Panoramio) 111

Томских А.А.
Модель кластера профессионального образования Забайкальского края
в социально-экономическом пространстве региона
A. Tomskich
The Cluster Model of Zabaikalsky Krai Professional Education in the Social-Economic Field of the Region 120

Черкасов В.Г.
Аппаратурное оформление водосберегающего обогатительного комплекса
при промывке металлоносных песков
V. Cherkasov
Apparatus Registration Concentrating Complex at Washing Metall
Containing Sands with Minimization of Water Expenses 127

Социология

Никитина Д.В.
Дружба: парадигмы исследования
D. Nikitina
Friendship: Paradigm of Scientific Work 133

Петрова И.В.
Репродуктивное поведение семьи: методология исследования
I. Petrova
Reproductive Behavior of a Family: Research Methodology 144

ВЕСТНИК
ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 12 (79) 2011

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова
Литерат. редактор А.А. Шалавина
Технический редактор М.А. Витовская
Подписано в печать 25.12.2011
Сдано в производство 27.12.2011
Форм. бум. 60 x 84 1/8 Бум. тип. № 2
Печать офсетная Гарнитура Bodoni
Уч.-изд. л. 12,6 Усл. печ. л. 12,4
Тираж 500 экз. Заказ № 3

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru